

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ Н.К.З. Р.С.Ф.С.Р

Проф. П. П. БЛОНСКИЙ

ОЧЕРКИ ДЕТСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Под редакцией
директора Ин-та
Э. Ю. ШУРПЕ
и В. Н. СКОСЫРЕВА

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ
И ПОДРОСТКОВ

ЛЕНИНГРАД

1935

МОСКВА

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Проф. П. П. Блонский. Предисловие	3
I. Э. Ю. Шурпе, В. Н. Скосырев. Половой вопрос в советской школе	5
II. Проф. П. П. Блонский. Источники нашего знания детской сексуальности	17
III. „ „ Сексуальные переживания девочек различных возрастов	26
IV. „ „ Сексуальные переживания мальчиков различных возрастов	53
V. „ „ Психология любви	64
VI. „ „ Первая любовь	81
VII. „ „ Влияние детских сексуальных переживаний на половую жизнь в зрелом возрасте	88
VIII. „ „ К критике фрейдистской теории детской сексуальности	96
IX. „ „ Среда, воспитание и детская сексуальность	111

Ответств. ред. Э. Ю. Шурпе.

Технич. ред. С. Ц. Левин.

Главлит № Б—3692.

Тираж 3000.

Заказ № 219.

Сдано в набор 15/1 1935 г.

Подписано к печати 16/III 1935 г.

Статформат бумаги 62 X 94.

Количество бумажных листов 4

Общее количество знаков на бумажном листе 86 256.

2-я типография Издательства Леноблисполкома и Ленсовета.

Ленинград, Ул. 3-го Июля, 55.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение детской сексуальности и до сегодняшнего дня балансирует между двумя противоположными, но одинаково неверными мифами — мифом о сексуально-беспорочном ребенке и фрейдистским мифом о ребенке-эротомане. Оба эти мифа крайне вредно отзываются на сексуальной педагогике: в первом случае ребенка оставляют без всякого сексуального воспитания, во втором — ему дают неправильное воспитание.

Основной тезис этой книги: при нормальных условиях половое влечение пробуждается только в период полового созревания, но эти нормальные условия для масс осуществимы только при социализме, в условиях же досоциалистического (капиталистического, феодального и т. д.) общества среда преждевременно эротизирует ребенка, а потому половое влечение у большинства детей пробуждается раньше полового созревания, и это вредит нормальному сексуальному развитию человека.

В основном положения, развиваемые в этой книге, основаны на фактах, собранных и проанализированных мною самим. Это дало возможность написать не компиляцию, а оригинальную работу в том смысле, что получен ряд новых выводов. Я опубликовываю эти выводы, так как считаю их правильными. Дело критики — помочь разобраться, насколько это действительно так, но я хотел бы надеяться, что даже те выводы, которые окажутся неверными или еще недостаточно обоснованными, все же будут полезны в том смысле, что привлекут внимание к новым фактам детской сексуальности и тем самым помогут сдвинуться изучению ее с той сравнительно неподвижной точки, на которой оно стоит сейчас.

Мое исследование не ставило себе целью обследовать наших детей в половом отношении в том или ином году. Моей задачей было дать не моментальную фотографию, а общие закономерности. Мое исследование—исследование не инспектора и не историка, а сексуолога.

Я старался писать только о том, чему учил меня анализ собранных мною фактов, и, конечно, я не смог охватить всю совокупность вопросов, относящихся к детской сексуальности. Моя книга не исчерпывает проблему полностью. Поэтому я назвал ее „Очерком“. Однако, в процессе исследования я старался останавливаться на том, что сравнительно меньше изучено. Вот почему больше внимания я уделил сексуальным переживаниям девочек.

ШУРПЕ Э. Ю., СКОСЫРЕВ В. Н.

I. Половой вопрос в советской школе

Проблему сексуальной педагогики ни в практическом, ни в теоретическом отношении нельзя признать удовлетворительно разрешенной, как на Западе, так и в дореволюционной России.

Сексуальные проявления детей, вырастающие до чудовищных масштабов в буржуазных условиях, представляют одну из социальных болезней капиталистического общества. Врачебная и педагогическая практика этого общества бессильна в борьбе с вредными влияниями детской сексуальности потому, что правильное разрешение этих вопросов требует коренной перестройки самого общества. Буржуазные педагоги и врачи-сексуологи не могут вскрыть истинной причины и характера проявления сексуальности детей в силу неправильного подхода к данной проблеме.

Замалчивая действительные причины ненормальностей в половом вопросе, буржуазная наука остается беспочвенной и бесплодной в своих попытках вскрыть подлинные причины беспредельной половой вакханалии, обостренного эротизма, распада трогательно-сентиментальных семейных отношений, роста детской проституции—этой „самой наглядной, непосредственно-касающейся самого тела, эксплуатации пролетариата буржуазией“ (Энгельс. „Немецкая идеология“, стр. 562), вовлечения детей в сферу чудовищных половых извращений, болезней и т. д.

Буржуазное общество не может избавиться от всех тяжелых аномалий половой жизни ни принудительной стерилизацией, ни ханжеским лицемерием „благотворительных“ обществ, ни уродливыми потугами своих ученых подвести „расовый“ евгенический базис в половой проблеме. Буржуазная сексуология вынуждена вуалировать всяческими вздорными теориями трагическое состояние полового вопроса

и практику полового воспитания детей в условиях капитализма.

Одни ученые Запада рассматривают анти-социальные поступки детей, а также и половые аномалии детей, как следствие врожденного дефекта их нервно-психической организации, выражающегося в отсутствии морального чувства. Эта точка зрения на мораль, как на сверх „историческую категорию“, как на „высшее начало“, заложенное в готовом виде в человеческой природе, зиждется на идеалистической философии.

Рассматривая этих детей, как дегенератов, вырождающихся, лишенных моральных чувств, буржуазная наука снимает с государства ответственность за воспитание детей, нарушающих принципы „морального“ поведения. Другие представители этой области объясняют отрицательное проявление сексуального порядка среди детей исключительно влиянием на них неблагоприятных условий среды, при этом рассматривают среду механистически, как простую совокупность окружающих личность вещей и людей, сумму внешних раздражителей, забывая о том, что проблема среды есть проблема социально-классовая, историческая и разрешать эти проблемы возможно только в плане марксистского анализа общественных взаимоотношений классового общества.

Нет недостатка в буржуазной науке и в таких биологических теориях, которые причину детской сексуальности видят то в вечной дисгармонии природы между ранним пробуждением полового инстинкта и поздним половым созреванием, то в особой гиперсексуальной конституции ребенка, не выделяя при этом средовых влияний, то, наконец, в вечном конфликте между стремящимся к безграничному первобытному проявлению половым инстинктом и обуздывающими его общественным запретом, моралью, законом и другими нормами поведения. Все эти попытки биологизировать социальные отношения человека есть не что иное, как маскировка подлинных противоречий классового общества под вечные непримиримые противоречия природы и общества.

Вот что говорил Ленин об одной из этих теорий (Фрейда), раскрывая подноготную творцов и адептов этой теории: „Теория Фрейда сейчас тоже модная причуда. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как факир созерцанием своего пупа. Мне кажется, что изобилие теорий пола... вытекает из личных потребностей. Именно из стремления оправдать перед буржуазной моралью собствен-

ную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так же противно, как и любовное копанье в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это занятие не стремилось проявить себя, оно все же в конце концов вполне буржуазно. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев" (Клара Цеткин о Ленине).

Только марксистско-ленинская теория в состоянии правильно разрешить половой вопрос по отношению и к взрослым и к детям, только она в состоянии показать возникновение, развитие и гибель тех нездоровых наслоений в половой жизни, буржуазного общества, которые с особой силой давят на детей и уродуют жизнь молодого поколения.

В „Подготовительных работах для святого семейства“ (Маркс и Энгельс. Собр. соч., том V, стр. 621) Маркс и Энгельс отметили характер отношений между полами, которые проявляют в чувственном наглядно фактическом виде то, насколько стала для человека природой человеческая сущность или насколько природа стала человеческой сущностью человека“. Поэтому, на основании этого отношения, можно вообще судить о степени развития человека.

Отсюда—прогресс человеческого общества, его движение к социализму, немисливо без разрешения полового вопроса на новой основе подлинно-человеческих отношений между членами социалистического общества—мужчинами, женщинами и детьми.

В противовес этому в буржуазном обществе „в отношении к женщине, как к добыче и объекту, служащему для удовлетворения общественной похоти, выражена бесконечная деградация человека“ (Маркс—там же).

Это яркий пример того, как „Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно сентиментальный покров и превратила их в дело простого денежного расчета“ (из Коммунистического Манифеста, стр. 61, изд. 1928 г.).

При переходе к социализму в сфере половых отношений, как и во многих других областях общественной жизни, продолжают действовать все еще пережитки капитализма, „родимые пятна“ капиталистического общества. Маркс с особой силой подчеркивает эту сторону перехода к коммунистическому обществу, которое выходит из недр эксплуататорского общества „покрытым во всех отношениях—экономическом, нравственном, умственном различными пятнами старого общества“ (К критике Готской программы).

В ходе самой социалистической революции исчезают „родимые пятна“ буржуазной культуры, закоренелые привычки и мелко-собственническое сознание в отношениях между людьми, в том числе и между разными полами. Только революция каленым железом может выжечь все язвы господства эксплуататоров, излечить такие болезни, как проституция, половая распущенность, извращения, ранняя детская сексуальность и т. д.

„Революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей пакости старого общества и стать способным создать новое общество“ (Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. IV, стр. 60).

Проблема полового воспитания в марксистском освещении впервые получила разрешение в советской педагогике, педологии, гигиене, а практически осуществляется в политехнической школе.

Совместное обучение в школе, против которого до революции выступали очень многие русские буржуазные ученые, было введено с самого начала Октябрьской Революции.

Осуществление совместного обучения во всех школах, начиная от низших до высших включительно, по новому решило проблему полового воспитания.

Совместное половое воспитание практикуется в ряде школ Запада. В отличие от этих школ совместное воспитание в школе СССР было осуществлено на новой основе. Принципиально-новое в практике совместного обучения в советской школе в том, что это мероприятие осуществилось в школе, освобожденной от всех пут и традиций, сковывающих развитие буржуазной школы. Советская школа впитала в себя все сильное, прогрессивное, лучшее, что создано в педагогических высказываниях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Советская школа дает детям политехническое образование, знания основ наук, при этом проводится тесная связь обучения с производительным трудом на такой основе, что весь общественный производительный труд подчинен учебным и воспитательным целям.

Все эти обстоятельства создают принципиально новые условия для полового воспитания. Половое воспитание в советской школе не является изолированной проблемой, оно является частью коммунистического воспитания, потому про-

блема полового воспитания в советской педагогике, педологии и гигиене поставлена не в плане биологических или био-социальных теорий, как до сих пор этот вопрос ставили многие буржуазные ученые—Фрейд, Юнг, Циген и др. Принципиально новым в постановке проблемы полового воспитания является то, что половое развитие ребенка анализируется, как проявление общественного человека, оформляющегося через его общественную деятельность.

В нашей школе создались совершенно новые, пронизанные коммунистической моралью отношения ребят друг к другу, к взрослым. Укрепляя новые отношения детей друг к другу, как через втягивание детей в пионер-организации, так и через детское самоуправление, педагоги борются за укрепление в детях коммунистического мировоззрения, и тем самым школа систематически формирует детей в духе коммунистического воспитания.

С самого же начала советская политехническая школа поставила в педагогическом плане воспитание нового социалистического отношения человека к человеку, в том числе и представителей разных полов. В СССР мужчина и женщина равноправно участвуют в строительстве социализма и своего советского государства, совместно учатся. Потому теории о биологическом превосходстве и различии между полами решительно разоблачаются теоретически и практически опровергнуты социалистическом строительстве. Равно не встречает поддержки буржуазная теория, говорящая о том, что девочки должны получать иное воспитание, чем мальчики. Перед ними одинаково открываются широкие перспективы дальнейшего развития. Наравне с мужчиной женщины получают высшее образование и в дальнейшем наравне с мужчиной работают инженерами, профессорами и т. д.

Мелко-собственнические инстинкты, половая распущенность и проституция, половые извращения и другие пережитки капитализма встречают самый решительный отпор партийного, общественного мнения, печати, закона.

В плане воспитания политехническая школа решительно борется со всеми остатками буржуазного отношения к женщине, как к вещи, как к „частной собственности мужа“ (Маркс).

Впервые в истории человечества оформляется подлинное социалистическое отношение друг к другу и создается „новая экономическая основа для высшей формы семьи и для отношений между собою обоих полов“ (Маркс).

Широкая сеть детских учреждений (детские сады, ясли, площадки и т. д.) дает возможность правильного воспитания детей и охраняет их от безнадзорности и дурных в половом отношении влияний.

Школа успешно ведет борьбу за уничтожение капиталистических элементов в экономике и сознании детских масс, оказывая влияние в этом направлении и на взрослое население.

Важнейшей задачей школы является воспитание коммунистического отношения детей друг к другу и особенно разных полов, борьба с хулиганством, сквернословием, порнографией, организация детского досуга, развитие детских способностей, трудового и учебного энтузиазма, участие детей в общественной жизни.

В этом плане и разрешается проблема полового воспитания.

В числе мероприятий, оздоравливающих половую жизнь детей, следует указать на физическое воспитание. Физическое воспитание в СССР является огромным общественным движением трудящихся в борьбе за здоровье и за гигиену повседневной жизни. Физическое воспитание в СССР не сводится потому к гимнастике, но и включает в себя весь комплекс мероприятий по укреплению здоровья. Физкультура в таком виде становится важнейшей силой, создающей новые возможности для укрепления здоровья подрастающего поколения.

Советская школа уничтожила и буржуазные предрассудки вокруг „полового вопроса“. Научное объяснение половой жизни, методическое, осторожное, в соответствии с возрастом, в советской школе включено в программу школы. Широко развернута и врачебная консультация по этому вопросу. Врач-педиатр является важнейшей фигурой в школе. Его роль особенно велика в деле научного расчленения тех вопросов, которые возникают у детей вокруг половой жизни. Неизмеримо велика роль врача в борьбе со всякими половыми аномалиями (онанизм).

Советская школа нашла и новые пути в связи с родителями. Школа СССР тесно связана с семьей и ведет среди родителей большую работу по гигиенической и педагогической пропаганде. Эта работа среди родителей ведется систематически. Вопросы полового воспитания и просвещения обсуждаются совместно с родителями. Врач выступает на этих родительских совещаниях с докладами о состоянии (физическом, нервно-психическом) здоровья детей и по вопросам укрепления их здоровья и т. п. Родительские собра-

ния, постоянная связь школы с семьей и семьи с врачом ОЗДиП—важнейший фактор полового воспитания.

Наконец, весьма важную роль в проблеме полового воспитания играет художественное развитие, творчество молодых поколений.

Мы далеки от признания фрейдовской сублимации. Искусство—удел и занятия избранных, при капитализме, при социальном строительстве получает распространение в широких кругах трудящихся; открываются родники талантов и способностей, которые капитализм мят и давил; трудящийся приобретает возможность разностороннего развития личности. Дети и подростки находят полную возможность развития и тем самым освобождаются от самозакупорки, одиночества, обогащаются источниками наслаждения и избавляются от добавочных раздражителей в половом отношении. Однако, искусство—чрезвычайно глубокий возбуждающий фактор. Только в советских условиях оно освобождается от порнографии, разбухших сексуальных тем. Но далеко еще не в окончательном виде. Поэтому здесь необходим более тщательный отбор для детей и подростков произведений искусства, кино, литературы, борьба с чрезмерным увлечением кино, театром, низкосортными „романами“, так как эти увлечения вредят здоровью и снижают умственное и моральное развитие детей.

Таковы основные рычаги полового воспитания в советской школе, открывающего в условиях нашей школы такие возможности, которые и не снились буржуазным педагогам и сексологам.

Не удивительно поэтому, что развитие детей—мальчиков и девочек протекает в условиях СССР иначе, чем в буржуазных условиях. Буржуазные ученые свидетельствуют, что критическая фаза полового созревания протекает весьма остро. Такие симптомы как рост эутизма, пессимизма, негативизма, самоубийства, половых аномалий, сопровождает развитие буржуазного подростка в период полового созревания. Отмечается и рост половых извращений.

Все это, несомненно, стоит в связи с насыщенной чрезмерной эротикой окружающей средой, с осознанием подростком резких противоречий и в отношениях людей и классов, беспросветными перспективами его жизни, конфликтами идеологии и т. д.

Совершенно иное мы видим у советского подростка: перед ним открываются совершенно новые перспективы развития. Ясное понимание целей и перспективы, яркая со-

циально-классовая направленность, полная возможность производительности труда и дальнейшего своего развития—вот черты, которые характеризуют советского подростка. Советский подросток выступает активным участником в борьбе за овладение основами наук, техники, а также участвует активно в построении бесклассового общества. Этим объясняется почему у советского подростка мы не видим таких отклонений в периоде полового развития, которые отмечаются самыми буржуазными учеными относительно буржуазного подростка.

Самоубийство подростков, существовавшее до революции в СССР сведось на нет. Дети заражены пафосом социалистического строительства. Поэтому аутизму буржуазного подростка соответствует противоположное явление—огромный подъем общественной активности советского подростка. Это говорит о том, что психология советского подростка стала качественно иной.

В росте материального благосостояния и культуры нашей социалистической родины, зажиточности всего трудового населения, в ликвидации жилищной тесноты и т. д., а также при более глубоком внедрении принципов коммунистического воспитания в широкие массы трудящихся, в среду родителей, педагогов и врачей, мы приобретаем новые возможности в деле воспитания. Особенно плодотворными они будут в отношении полового воспитания подрастающего поколения.

Публикуемая работа „Очерки детской сексуальности“ проф. Блонского П. П. на основе фактического материала иллюстрирует половые проявления детей, воспитывавшихся в дореволюционной обстановке. Глубочайший индивидуализм ребенка, стихийность в половом развитии детей, буржуазный характер воспитания во всех его вариациях отложили свой отпечаток и на детскую сексуальность капиталистической эпохи, что с достаточной яркостью демонстрируется на примерах проф. Блонским.

Совершенно заброшенный и недостаточно разработанный половой вопрос до сих пор мало освещается в нашей литературе. Издаваемая работа проф. Блонского П. П. дает частичный материал для его разрешения в новых социальных условиях.

Проф. Блонский пытается обосновать правильное положение о том, что нормальное половое развитие детей возможно только в условиях социализма, в условиях капиталистического общества среда чрезмерно эротизирует ребенка.

Данное исследование далеко не исчерпывает ни по содержанию, ни по своим методам всей проблемы детской сексуальности, так как данные, приводимые автором в своих очерках, составлены исключительно на основе исследования области детской сексуальности методом ретроспекции. Однако один метод ретроспекции явно недостаточен для разрешения полового вопроса во всей его глубине.

Основной изъян этого метода—субъективизм: на прошлое мы переносим взгляды, оценки, суждения, ассоциации, этические и эстетические нормы настоящего. Оценка прошлого преломляется в аспекте новых отношений человека к действительности, которые обусловлены жизнью общества, противоречиями протекающей в нем классовой борьбы, таким объективно воспроизвести и правильно интерпретировать взрослому человеку свои поступки и переживания детства крайне трудно.

Лица, давшие проф. Блонскому П. П. сведения о своих прошлых сексуальных проявлениях, жили и развивались в капиталистическую эпоху и в эпоху пролетарской революции.

Диктатура пролетариата разрушила старые устои общества и создала новые общественные отношения. Поэтому данные анамнеза разных лиц, полученные ретроспективным методом, несоизмеримы по своему качеству и значению.

Несмотря на это, эти данные частично помогают нам осмыслить половую проблему детства наших дней, когда успехи социализма так велики на всех фронтах, в том числе и в вопросах культуры, быта, семьи и коммунистического воспитания.

Данные автора о сексуальных переживаниях мальчиков и девочек (хотя и говорят об эротизирующем влиянии среды) вследствие ограниченности материала недостаточно дифференцируют сексуальные проявления детей различных социальных классов и слоев и, что является главным недостатком, нигде не обнаруживают вмешательства родителей, педагогов и врача.

Можно с уверенностью сказать, что в современных условиях коммунистического воспитания детей при непрерывном внимании к ребенку со стороны школы, педагога, школьного врача, семьи, общественных организаций мы имеем положительные результаты в направлении искоренения ранних отдельных проявлений сексуальности.

Как известно, буржуазное мировоззрение характеризует и буржуазную нравственность. Яркий пример проявления любви у людей, зараженных буржуазными эстетическими

вкусами, можно видеть в материале, приводимом Блонским в главе „Психология любви“.

В своих очерках — однако проф. Блонский не до конца довел преодоление биологических концепций в интерпретации социального содержания эмоциональных переживаний ребенка (любовь, счастье, тоска и т. п.).

Проф. Блонский в одной из последних глав „Очерков“ критикует Фрейдовскую теорию детской сексуальности. Автор главным образом сосредоточил свое внимание на критике методов изучения детской сексуальности, применяемых Фрейдом. Как известно, Фрейд часто получал свои данные от больных психопатов по преимуществу ретроспекцией. На основании простых, логических доводов, используя свой фактический материал Блонский показывает ложное применение ретроспекции, несостоятельность и недоказанность основных положений фрейдизма. Отпадает таким образом миф о вытеснении неприятного, а с ним и власть над личностью неприятных с точки зрения Фрейда ранних детских сексуальных переживаний.

Автор располагает сравнительно большими статистическими действительными фактами, чего нехватает как раз Фрейду.

Этот критический материал, нам кажется заслуживает большого внимания и побуждает нас к расширению и постановке детальных и всесторонних исследований в этом направлении.

С таким же большим остроумием, легко обнаруживая инфантильность мысли фрейдистов, проф. Блонский разоружает фрейдистов и в их чрезмерной эротизации самых ранних детских возрастов.

Проф. Блонский стремится также отыскать социальные корни Фрейдовской теории сексуальности. Здесь он говорит лишь о совпадении развития этого течения с периодом полового разгула в буржуазном обществе, а также рассматривает это учение как реакцию против лицемерия, ханжества буржуазии, прикрывавшей религиозной мистикой сексуальную непорочность детей.

Нужно отметить, что последняя фаза развития фрейдизма особенно ясно иллюстрирует буржуазную сущность этой теории.

Мы можем лишь кратко перечислить наиболее яркие положения этой теории, оформляющей идеологию разоряющейся буржуазии и ее интеллигентских слоев, обреченных

на безработицу, голод
листоческого общества.

„Взбесившийся“, обезу-
гибели, в отчаянном протес-
ным обществом и его куль-
к до истории человечества—
лочка сознания, мучительно
Фрейд оказывается в полновла-
детской сексуальности

Проф. П. П. БЛОНСКИЙ

„В психологии, основанной
выкли считать исходным моме-
нны процессы, особенные сво-
пред нами при помощи анализ-
более старые, первичные, как о-
в которой они являлись единс-
переживаний“ (Фрейд. Сб. „Ос-
ории в психоанализе“, стр. 83).

Сущность человека по Фрей-
биологическом. В этом основно-
ширма, за которой прячутся все
человеческого общества.

Пансексуализм Фрейда являет-
шения биологизма, выражающего
мощных природных влечений („он
оболочки („я“).

Отсюда понятно, почему Фрейд
временному упадку и кризису капита-

Современное человечество по Фрейду
теза“, они слишком дорого заплатили

„Искусство представляет собой суррог-
вместо самых древних, все еще наиболее
ощаемых отказов во имя культуры“ (Будущее од-
Фрейд, стр. 16). Фрейд является одновре-
глубочайшего пессимизма. Считая, что о-
вление влечений закладывается слиш-
ранних детских сексуальных переживаний,
воду, что вероятно „вследствие болезнен-
жения или слишком сильных влечений
человечества останется навсегда антисоциальным“ (Там же,
стр. 11).

Культуру он рассматривает, как результат
запрета. С его точки зрения современное общество не может

вкусами, можно видеть в материале, пр^масс. „Невозможно от-
в главе „Психология любви“. к культурной работе,
всвоих очерках—однако проф. Б^риства над массой, так как
преодоление биологических концеп^тт отказываться от влечений
циального содержания эмоциональ^нн, что такой отказ неизбежен“
(любовь, счастье, тоска и т. п.).

Проф. Блонский в одной из^ннных капитализмом масс, пау-
критикует Фрейдовскую теорию^ттовали Фрейду такое махровое
главным образом сосредоточи^ллм, почему каждого ребенка (по
методов изучения детской секс^ттнному обществу, где преимуще-
дом. Как известно, Фрейд инстинктов (инцест, каннибализм,
больных психопатов по пре^ттзнь и т. д.), и почему весь секс-
основании простых, логичес^ттвенно окрашивается трагедиями
фактический материал Блонс^ттневрозы, насквозь сексуализиро-
нение ретроспекции, несос^тт этого подняться до правильного
основных положений фрейдиз^тт развития ребенка и правильно
о вытеснении неприятного, а^тт неприятных с точки зрения^ее сексуальные проявления тех или
неприятных переживаний.

Автор располагает срав^ора объективных данных по секс-
скими действительными ф^ттблюдения дает основание подвести
Фрейду. кого ретроспекционным данным и

Этот критический мат^ттвой теории сексуальности.
большого внимания и п^тт проф. Блонского начальной и пред-
становке детальных и^ттотре проблемы полового воспитания.
направлении. ем предполагает собрать материал по

С таким же больш^тт современных детей с помощью других
фантильность мысли
фрейдистов и в и^тт
детских возрастов

Проф. Блонс^т
корни Фрейдор
лишь о совр^т
вого ра^т
это уч^т

II. Источники нашего знания детской сексуальности

I. Детская сексуальность представляет огромные трудности для изучения. Простое наблюдение, являющееся богатым источником наших знаний о многих других областях детской жизни, оказывается плохим средством изучения детской сексуальности. С помощью его мы узнаем лишь проявления детской сексуальности, так сказать, внешние выражения ее, иначе говоря, сексуальные поступки. Сексуальные же переживания, как таковые, сексуальные чувства, мысли, желания и т. п. недоступны нашему внешнему наблюдению. Но поступок может считаться сексуальным, конечно, только тогда, когда он связан с сексуальными переживаниями. Цеплосредственно наблюдая лишь сексуальные проявления у ребенка и от них заключая к сексуальным переживаниям, мы рискуем делать неверные заключения. Эти заключения обыкновенно представляют собой умозаключения по аналогии и страдают всеми дефектами подобных умозаключений. В развернутом виде схема таких заключений такова: у нас, взрослых людей, данному сексуальному проявлению соответствует такое-то переживание; у ребенка мы наблюдаем данное сексуальное проявление; следовательно, у него имеется такое-то сексуальное переживание. Основанием для таких заключений является аналогия, предполагаемое сходство психологии детей и взрослых. Но такое предположение в значительной степени неосновательно. Так, например, наблюдая онанирование малюток, обыкновенно предполагают, что оно связано с сексуальными переживаниями, так как у взрослых такая связь несомненна. Но несомненна ли эта связь у малюток? Что, кроме простой и весьма зыбкой аналогии, проводимой в данном случае между малютками и взрослыми, дает основание утверждать, что онанирование малюток связано с сексуальными переживаниями? Нельзя ли с таким же основанием предполагать, что оно не связано с сексуальными переживаниями, иными словами, что онанизм малюток не есть явление сексуальной психологии? Или возьмем другой пример, еще более показательный —

эрекцию у младенцев: вряд ли возможно проводить здесь аналогию между младенцем и взрослым мужчиной и утверждать, что она — проявление полового возбуждения у младенца. Сознавая неосновательность проведения полной аналогии между детьми и взрослыми, некоторые наблюдатели впадают в противоположную крайность — полное отрицание всякой аналогии между детьми и взрослыми в сексуальном отношении. Так, например, наблюдая так называемую „возню“ между мальчиками и девочками в подростковом возрасте, они отрицают, что она сопровождается сексуальными переживаниями, утверждая, как они выражаются, „товарищеский“, а не сексуальный характер ее, тогда как отрицать сексуальный характер подобной возни между взрослыми мужчинами и женщинами рискнул бы только сексуально наивный человек. Но что дает право предполагать столь полное различие в этом отношении между взрослыми и подростками?

Правдоподобней всего предполагать во всех этих случаях не полную, а частичную аналогию. Но что это конкретно значит? Где пределы ее? В чем она состоит? Такая аналогия конкретно расшифрованная, конечно, может быть только следствием, а не первоначальной предпосылкой наших наблюдений, вообще наших исследований детской сексуальности.

Наши заключения затрудняются еще тем, что одно и то же следствие может быть результатом самых различных причин. Поэтому довольно рискованно заключать от проявлений к переживаниям. Иногда мы наблюдаем у детей дошкольного возраста рассматривание половых органов детей другого пола или вопросы о рождении. Но это можно мыслить и как проявление сексуального интереса, и как проявление простой любознательности без привходящих сексуальных переживаний. Очевидно, нужны какие-то дополнительные данные, чтобы решить, насколько эти поступки и вопросы имеют сексуальный характер.

Таким образом простое наблюдение, как метод изучения детской сексуальности, представляет большие трудности даже в тех случаях, когда сексуальные проявления доступны наблюдению. Но очень часто они скрыты от него. В ряде случаев эти проявления мало заметны внешне, выражаются слабо и нетипично: таковы, например, некоторые случаи легкого влюбления. С другой стороны, даже физиологически резко выраженные случаи полового возбуждения в условиях культурного быта могут благодаря одежде остаться незамеченными посторонним наблюдателем.

В огромном же большинстве случаев ребенок скрывает, конспирирует свои сексуальные поступки и переживания, даже маскирует их. Уже с самых малых лет ребенок знает отрицательное отношение к ним взрослых, знает, что надо скрывать, так как иначе ему угрожают неприятности и даже репрессии. Пожалуй, только грудной младенец и малютка ведут себя открыто в сексуальном отношении. Но уже даже маленький дошкольник достаточно опытен в том, что и как скрывать ему в области сексуальных проявлений. Лишь изредка он оказывается настолько наивным, что постороннее наблюдение имеет возможность уловить что-либо. Но чем старше ребенок, тем искусней он в скрывании и притворстве и тем меньше может служить простое внешнее наблюдение источником наших знаний о детской сексуальности.

Даже родители, вообще воспитатели, повседневно общаясь с детьми, плохо осведомлены о детской сексуальности, причем чаще всего они представляют ее преуменьшенно: пробелы своих наблюдений они принимают за отсутствие соответствующих реальных фактов. Еще больше пробелов в наблюдениях научных исследователей, которые имеют возможность непосредственно наблюдать детей только временами и притом в таких ситуациях, которые наименее располагают детей к сексуальным проявлениям.

Пожалуй, только у некоторых детей-психопатов сексуальные проявления вследствие интенсивности и яркости соответствующих сексуальных переживаний, или вследствие общей несдержанности их, иногда вследствие слабоумия и т. п. дают больше материала наблюдателю. Это — одна из основных причин, почему детская сексуальная психопатология известна гораздо больше соответствующей обычной сексуальной психологии. Но это же нередко причина своеобразной исследовательской аберрации: располагая сравнительно немалым материалом по сексуальности детей психопатов и имея очень мало материала по сексуальности нормальных детей, поддаются соблазну конструировать последнюю по аналогии с сексуальностью психопатов и наводить исследования детской сексуальности половыми извращениями психопатов. Но право проводить такую аналогию надо еще доказать. Во всяком случае из нее нельзя исходить.

Таким образом, простое внешнее наблюдение дает по отношению к нормальным детям дошкольного и школьного возраста чрезвычайно мало материала, скорее отдельные случайные эпизоды, чем общую детальную картину. При этом оно

может уловить лишь внешние проявления, отдельные поступки, заключение о сексуальном характере которых производится в большинстве случаев по аналогии с взрослыми или детьми-психопатами и страдает обычными дефектами подобной аналогии.

Отсюда следует, что не приходится возлагать в исследовании детской сексуальности больших надежд на простое внешнее наблюдение. Было бы ненужной крайностью совершенно отбрасывать его, но надо знать, что с помощью его можно уловить лишь немного, и надо соблюдать особенно большую осторожность, чтобы, делая выводы из него, не пользоваться неверными аналогиями.

II. Преимущества эксперимента над простым наблюдением общеизвестны, но при изучении детской сексуальности пользование экспериментом вызывает сомнение, особенно, если речь идет об эксперименте, как искусственном вызывании исследуемого явления: педагогически недопустимо нарочито вызывать у детей сексуальные поступки и переживания. Такой эксперимент может повлечь за собой нежелательные последствия вплоть до развращения детей.

Но, скажут нам, если недопустим эксперимент, вызывающий у детей сексуальные переживания, то возможен зато эксперимент, выявляющий уже имеющиеся у детей скрытые переживания. Речь идет о так называемом ассоциативном эксперименте. Этот эксперимент пользуется, особенно в фрейдистских кругах, высокой репутацией в качестве выявителя скрытых переживаний, по такая его репутация преувеличена, в частности по отношению к изучению детской сексуальности. Начнем со слов, провоцирующих соответствующие выявления детей. По педагогическим соображениям эти слова не могут иметь явно сексуальный характер. Тем самым затрудняется подбор их. Во всяком случае, чтоб удачно подобрать их, надо уже предварительно достаточно ориентироваться в переживаниях ребенка, настолько достаточно, чтобы быть в состоянии более или менее удачно предполагать, какое с первого взгляда нейтральное слово может выявить скрытое искомое переживание ребенка. Таким образом, ассоциативный эксперимент может удачно применяться только на сравнительно поздних этапах исследования детской сексуальности, а не на первоначальных. Его значение не основное: получаемые при помощи его данные скорее дополняют или подтверждают то, что утверждается или предполагается на основании других данных.

И даже с этой оговоркой ассоциативный эксперимент может быть использован лишь с большой осторожностью. Мы делаем выводы на основании характера и содержания ответов испытуемых, а также времени их реакции. Но далеко не всегда мы можем уверенно утверждать, что задержка реакции, экстраординарный характер ее и т. п. имеют причиной сексуальное переживание. Столь же далеко не всегда содержание ответов таково, чтоб их считать однозначно определенным указанием только на сексуальное переживание. Работы фрейдистов спорностью своих толкований являются как бы сигнализаторами необходимости соблюдать в толковании данных ассоциативного эксперимента очень большую осторожность: так часто здесь объявляли одно из многих возможных толкований за единственно возможное.

Таким образом, в экспериментальном изучении детской сексуальности, приходится рассчитывать только на ассоциативный эксперимент, да и тот имеет для данной проблемы далеко не основное, не редко и просто сомнительное значение.

III. Когда-то само наблюдение считалось основой психологии, сейчас же ему обыкновенно отводят второстепенное место. В исследовании сексуальности на него особенно мало приходится рассчитывать. Сексуальное переживание—такого сорта, что субъект не всегда бывает откровенен в них перед самим собой и уж, конечно, перед другим. Пожалуй, только рассказывая о своих доходах, люди лгут также часто и так много, как рассказывая о своих сексуальных делах.

Уже хотя бы по этой причине следует с очень большим скептицизмом отнестись к анкетам, которыми так злоупотребляют при изучении половой жизни. Однажды, когда производилась такая анкета (анонимная), я имел возможность иметь анкетные листы одного мужского коллектива, состоящего из девяти человек. В то же время, стоя к ним довольно близко, я имел возможность контролировать, посещали ли их женщины за наблюдаемое время (10 дней). Под вымышленным предлогом я произвел среди них (анонимно) добавочную анкету, где был вопрос, имели ли они поллюции в эти 10 дней. Наконец, я имел возможность осмотра простыней, на которых они спали. Только двое из девяти ответили в основной анкете, что они занимаются онанизмом и только двое из девяти ответили в добавочной анкете, что у них были за это время поллюции. Женщины, по моим сведениям, не посещали, да и жилищные условия исключали всякую возможность полового общения.

Тем не менее пятна от извержения семени оказались на всех простынях. После этого я не считаю себя в праве доверять подобным анкетам.

Что касается детей, то анкетирование их по вопросам половой жизни педагогически недопустимо. Не говоря уже о том, что дети плохо владеют интроспекцией и еще хуже умеют рассказывать о своих переживаниях, а свои сексуальные поступки они более всего расположены скрывать от взрослых, расспрашивать их о подобных вещах для целей научного исследования значило бы делать педагогически недопустимое.

Однако в одной форме все же оказывается возможным использовать показания, если не детей, то подростков и юношей. Это их дневники и переписка. Конечно, и эти документы требуют к себе критического отношения. Однако, они дают известный материал—преимущественно по психологии влюбления.

IV. При изучении детства обыкновенно придают мало значения воспоминаниям взрослых об их детстве (так наз. ретроспекция). Эти воспоминания обыкновенно страдают очень большими пробелами. Но эти пробелы, сами по себе, еще не решающий дефект, так как, при достаточно большом количестве воспоминаний различных взрослых, отдельные пробелы компенсировались бы, поскольку они случайны. Но в том то и дело, что забывание не случайность, но закономерное явление, подчиненное известным общим законам. А если так, тогда, следовательно, может оказаться, что некоторые факты из сексуальной жизни детей в большей или меньшей степени забываются всеми взрослыми. Наконец, воспоминание взрослых о своем детстве подвержено различным ошибкам памяти: так, например, общеизвестно, как некоторые местности (холмы, рощи), которые мы вспоминаем из своего детства как большие, на самом деле гораздо меньших размеров.

По Фрейдю, сексуальные переживания, как запретные, вытесняются из памяти согласно общему закону, по которому неприятное имеет тенденцию забываться. Вот почему взрослые не помнят своей ранней сексуальной жизни. Но вытесненное не просто забывается: оно пребывает в подсознательном, замещаясь в сознании чем-либо, с ним ассоциированным. Из этого общеизвестного учения Фрейда о „вытеснении“ и „замещении“ следует, с одной стороны, скептицизм по отношению к ретроспекции, как источнику знаний о детской сексуальности, а, с другой стороны, признание огромного значения ассоциа-

тивного эксперимента. Трудности и опасности пользования ассоциативным экспериментом при изучении детской сексуальности уже указаны выше, а в главе „Критика фрейдистских учений о детской сексуальности“ будет еще подробнее показано, как рискованно пользоваться этим методом, как основным в данной проблеме. Сейчас же следует рассмотреть, насколько уместен скептицизм по отношению к значению ретроспекции при изучении детской сексуальности.

Насколько правильна основная предпосылка, что неприятное имеет тенденцию забываться? Исследуя первые воспоминания детства, я нашел что содержанием 68% этих воспоминаний у взрослых людей является какой-нибудь несчастный случай. Легко представить, как быстро погибло бы животное, забывающее неприятное и опасное.

Собрав у студентов первые пришедшие в голову воспоминания: 1) из вчерашнего дня, 2) из текущего года и 3) из жизни до университета, я нашел:

Воспоминания (в %)	Вчерашний день	Текущий год	До универ- ситета
Приятное	27	19	19
Неприятное	18	38	64
Прочее	55	43	17

Таким образом ясно, что из памяти в первую очередь исчезает эмоционально индифферентное, а во вторую — неприятное и дольше всего человек помнит именно неприятное. Так оказывается несостоятельной основная предпосылка фрейдистской теории вытеснения.

Как раз наоборот: сексуальные переживания имеют тенденцию сохраняться в памяти сравнительно долго. Эти переживания обычно очень эмоциональны, но общепризнано, что эмоционально действующее дольше помнится (если оно не чрезмерно сильное, т. е. не приводит субъекта в состояние патологического аффекта). Но сексуальные переживания детства не только эмоциональны: не редко они переживаются как необычные, очень интересные, запретные, пугающие и т. д. По анализ первых воспоминаний детства показывает, что страх и интерес, наряду с болью—самые сильные мнемонические

факторы. Не надо забывать еще одной особенности сексуальных впечатлений: часто, как привлекательные, они повторяются памятью, неоднократно вновь и вновь переживаются в воспоминании, особенно в онанистических грезях; такое частое воспроизведение, конечно, способствует закреплению их в памяти. Когда собираешь воспоминания взрослых об их сексуальной жизни в детстве, поражаешься обыкновенно не беспомнятству опрашиваемых, а, наоборот, тому, как много их сохранилось, причем поражает нередко детализация этих воспоминаний, особенно по отношению к сексуальному стимулу, который часто описывается как очень сильно врезавшийся в память.

Таким образом ретроспекция как-раз при изучении сексуальной жизни детей может найти больше применения, чем, пожалуй, в какой-либо другой области. Но это не значит, конечно, что на нее надо возложить все надежды. Несомненно, что она страдает большими пробелами. Даже самые ранние воспоминания взрослых обычно не идут дальше четырех лет, и, значит, ретроспекция может дать картину сексуальной жизни детей школьного и старшего дошкольного возраста. Утешением для исследователя служит то обстоятельство, что младший дошкольный возраст и особенно самое раннее—предшкольное детство—в отношении сексуальных проявлений сравнительно легко поддаются простому внешнему наблюдению: дети этого возраста живут, так сказать, на глазах взрослых и еще не научились хорошо скрывать свои сексуальные проявления.

Надо помнить, однако, что ретроспекция дает воспоминания о сексуальной жизни в детстве скорее в виде отдельных эпизодов, чем в виде всей последовательной картины развития детской сексуальности. Выражаясь точнее, она дает воспоминания об отдельных случаях, которые почему-либо настолько запечатлелись в памяти, что помнятся и в зрелом возрасте. Как докажет последующее изложение, этого материала достаточно, чтобы получить представление об основных этапах развития детской сексуальности, но, тем не менее, ретроспекцию не надо переоценивать: она является главным, но не единственным источником наших знаний о детской сексуальности. Получаемый при помощи ретроспекции материал приходится дополнять данными простого наблюдения и ассоциативного эксперимента.

Ретроспекция основана на воспоминании, и при собирании данных ретроспекции следует остерегаться провоцировать воспоминание на ошибки. В тех случаях, когда вспоминаю-

щего вынуждают припоминать, опасность ошибок, конечно, велика. Поэтому следует ограничиваться по возможности рассказом опрашиваемого субъекта, избегая утруждать его допросом. Но и по отношению к этому рассказу лучше всего инструктировать ограничиваться лишь такими воспоминаниями, которые прочно запечатлелись и в верности которых опрашиваемый не сомневается. Ретроспекция имеет своим содержанием далекие по времени события, относящиеся к детству, когда человек еще не отвечает в полной мере за себя; поэтому здесь нет тех скрываний и лжи, которых так много в анкетах по половому вопросу, относящихся к жизни взрослого. При чтении воспоминаний взрослых о своей сексуальной жизни в детстве я выносил обычно впечатление откровенности, судя по тому, что сообщалось в них. Конечно, там, где это возможно по ходу исследования, лучше всего гарантировать анонимность.

Иногда указывают, что ретроспекция дает материал о половой жизни детей прежнего поколения, тогда как педагогу важно знать, какова половая жизнь современных детей. Это верно, но делающие подобное заключение смешивают задачи научного исследования с простым узко-эмпирическим обследованием, описывающим проходящие факты сегодняшнего дня. Научное исследование идет дальше фактов, и значение его не ограничивается данным кратковременным моментом. Иначе, таким же образом рассуждая, следовало бы отрицать значение почти всех психологических исследований, произведенных не в данном месте и не в данный момент, т. е. отрицать вообще науку.

III. Сексуальные переживания девочек различных возрастов

I. В основу моих исследований сексуальной жизни девочек я положил ретроспекцию взрослых женщин (преобладающий возраст 23—33 года), учительниц и студенток, воспоминания их о наиболее ярких сексуальных впечатлениях раннего детства: они должны были писать только о том, что очень хорошо помнят, притом начиная с самого раннего детства. Такая инструкция была дана с целью дать припоминанию минимально трудную работу („только то, что очень хорошо помнят“), но в то же время направить его в сторону возможно более раннего детства. До дачи воспоминаний в письменном виде в аудиторной обстановке я разъяснял огромное значение даваемых воспоминаний для науки, в частности для сексуальной педагогики. Воспоминания писались у меня на глазах, в общем, около 1 часа, притом анонимно. После того, как на основании этого материала я получил некоторое представление о наиболее ярких сексуальных впечатлениях в жизни девочек, я нашел возможность выяснить ряд возникших у меня вопросов относительно сексуальной жизни девочек у 14 женщин приблизительно той же профессии и того же возраста, как и те, которые писали воспоминания. Только здесь расспросы касались всех сторон сексуальной жизни девочек, на которые только я наталкивался в ходе исследования. Наконец, я имел возможность пользоваться ретроспекцией (в виде устных ответов на вопросы) пяти женщин, ведущих крайне распушенный в половом отношении образ жизни (множество мимолетных половых связей, как „потому что понравился“, так из-за возможности легкого случайного приработка, хотя в деньгах нет особой нужды, так как легальный заработок не ниже среднего). Само собой разумеется все опрашиваемые давали воспоминания лишь о своем детстве.

II. В полученном материале не было ни одного воспоминания, которое с уверенностью относилось бы к возрасту

ранее 4-го года. Самые ранние воспоминания обозначались лишь приблизительно: „трех-четыре лет“, „когда мне было три-четыре года“ и т. п. Таким образом, нельзя пользоваться ретроспекцией по отношению к раннему детству — дошкольному.

Относится ли эта амнезия только к ранней сексуальной жизни? Исследуя первые воспоминания детства, я нашел, что у взрослых (в возрасте 22—30 лет) максимум этих воспоминаний приходится на 4-й и 5-й год; средний возраст для этих воспоминаний — начало 5-го года (4,2 года). Таким образом, эта амнезия не специфична для сексуальной жизни: она охватывает всю жизнь в раннем детстве. Вот как были расположены по годам собранные мною 148 первых воспоминаний детства:

Г о д	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый	Шестой	Седьмой	Восьмой	ВСЕГО
Абсолютное число воспоминаний	1	10	28	37	41	17	10	4	148
Процентное число воспоминаний	0,7	6,8	19	25	28	11	6,8	2,7	100

Если эти числа представить графически, получается довольно симметричная кривая, кульминирующая в 4—5 году.

Из собранных мною 80 воспоминаний о ярких сексуальных впечатлениях раннего детства только 27 относилось к дошкольному возрасту. Из них были датированы только 21 воспоминание, причем почти все приблизительно. Поэтому их можно свести только в довольно приблизительную таблицу:

Г о д ы	3—4	Около пяти	6 и позже
Количество воспоминаний (самых ранних)	6	12	3

Как видим, таблица довольно похожа на предыдущую. Мы можем с достаточным основанием утверждать, что сексу-

альная жизнь в раннем детстве забывается приблизительно так же, как и вообще раннее детство. Ничего специфического амнезия ранней сексуальной жизни не представляет.

Однако, на одном обстоятельстве необходимо остановиться. Все же приблизительно четверть (26,5%) взрослых дало свои первые воспоминания детства из возраста до трех лет, тогда как ни одно сексуальное воспоминание не относилось к столь раннему детству. Чем это объяснить? Мне кажется, мало-значительностью сексуальных впечатлений в этом возрасте.

Из собранных мною 190 первых воспоминаний детства только одно, да и то с натяжкой, можно считать сексуальным („испугалась, что голая“). Эта указывает на то, что сексуальные впечатления самого раннего детства слабы. Воспоминания о ранней сексуальной жизни отсутствуют, вероятнее всего потому, что в сущности, в них нет ничего настолько значительного, яркого, что бы могло врезаться на всю жизнь. Таково наиболее правдоподобное предположение. Гипотеза об особой сексуальной амнезии по отношению к данному возрасту излишня: в ней нет нужды, и она ничем не обоснована.

Доступные для наблюдения внешние проявления сексуальности девочек в самом раннем детстве — онанизм и (спорно) необычные проявления нежности. У нас нет никаких оснований предполагать сексуальный характер этих проявлений нежности, кроме сомнительной аналогии с переживаниями взрослых в анологичных положениях. Таким образом, только онанизм является, по видимому, бесспорным проявлением сексуальности в самом раннем детстве. Но и здесь даже возникает вопрос, что понимать в данном случае под сексуальностью.

Я не имел возможности наблюдать девочек 0—3 лет в таком количестве и настолько тщательно, чтоб мог делать какие-нибудь заключения о распространенности среди них онанизма. Вообще все имеющиеся до сих пор высказывания по этому вопросу надо считать необоснованными, поскольку нет описания, на каком количестве детей производились наблюдения и как были организованы эти наблюдения. Поэтому неизвестно, какой процент детей в самом раннем детстве занимается онанированием. Но, независимо от этого, в том случае, если младенец или малютка онанирует, их онанизм, по своему психологическому характеру, не может не отличаться от онанизма более взрослых детей. В нем, например, отсутствуют онанистические представления, т. е. онанистические грезы.

Выражаясь психологическими терминами, онанизм в самом раннем детстве лишен гетеротропной эротической идеации, лишен обращенных на какой-либо сексуальный стимул представлений. Это просто доставляющая удовольствие манипуляция своими половыми органами. Этот ранний онанизм настолько еще элементарен, что никаких психологических переживаний, кроме простого удовольствия, он не имеет. Если добавить к этому, что у младенца или малютки нет еще, по крайней мере, в значительной степени сложных и интенсивных переживаний онанизма, как запретного, опасного, подлежащего конспирации акта, то становится вполне понятным, почему самое раннее детство не дает ярких сексуальных впечатлений и почему в то время как приблизительно четверть взрослых дают свои первые воспоминания детства из возраста до 3 лет, самые первые сексуальные воспоминания относятся к возрасту после 3 лет.

III. Только треть опрошенных женщин писали о своих сексуальных переживаниях в дошкольном детстве. Таким образом, примерно $\frac{2}{3}$ женщин отрицали наличие полового влечения у них в это время. Это отрицание можно объяснить или забвением, или лицемерием, или же это на самом деле было так. В своей работе „Das Problem der ersten Kindheits Erinnerung“ (Arch. f. d. ges. Psychologie, 1929) я установил, что первое воспоминание детства относится у взрослых в среднем к 4;2 годам. Конец дошкольного детства, возраст 5—7 лет уже сравнительно не плохо помнится взрослыми. Поэтому вышеупомянутое отрицание трудно объяснить забвением, если только не сделать предположения, что ранние сексуальные переживания особенно сильно забываются. Но такое предположение нас мало устроит, если мы примем во внимание, что в то же время треть опрошенных женщин утверждала, что половое влечение появилось у них только во время полового созревания, во время подростничества. Мало вероятно предполагать, что две трети женщин могли так сильно забыть все свои сексуальные переживания до подростничества, если бы эти переживания действительно были. Вероятней второе предположение — лицемерие, столь обычное, когда люди говорят о своей сексуальной жизни. Но я не склонен к этому предположению в данном случае. Помимо того, что анонимность была твердо гарантированной, и они писали о своем далеком прошлом, притом о детстве, с большим сознанием важности правдивых сообщений, те самые, которые отрицали

половое влечение у себя в раннем детстве, в то же время не стеснялись в своих сообщениях писать о себе в более позднем возрасте очень интимные и даже однозные подробности. Трудно допустить, чтоб писавшая так откровенно женщина вдруг проявила бы неискренность в утаивании своей более ранней дошкольной сексуальной жизни. Поэтому я склонен проявить доверчивость и думать, что действительно только у трети опрошенных женщин половое влечение пробудилось в дошкольном детстве.

Точнее сказать: „было пробуждено“. У всех этих женщин без исключения половое влечение было пробуждено внешними очень сильными эротическими стимулами. Эти стимулы были обычно следующих двух родов: или маленькая девочка оказывалась предметом сексуального посягательства (чаще всего), или (несколько реже) она являлась свидетельницей coitus'a.

Случаи, когда маленькая девочка оказывалась предметом сексуального посягательства, в свою очередь, могут быть подразделены на несколько видов. Чаще всего это было рассматривание ее половых органов (обычно более старшими) мальчиками и втягивание ее ими (в этом числе иногда братьями) в сексуальную игру или даже в нечто в роде полового общения. Иногда это было обучение ее онанизму подружками и девочками-няньками. Наконец, иногда это было сексуальное стимулирование взрослыми мужчинами, обычно посредством поцелуев и шуточного флирта, в некоторых же случаях — прямым и грубым сексуальным посягательством. В двух случаях толчком послужили картины с голыми мужскими телами и порнографические картины.

В тех случаях, когда половое влечение маленькой девочки было пробуждено тем, что она оказалась свидетельницей coitus'a, это было обычно coitus ее родителей. В нескольких же случаях это был coitus животных, но последний сексуально стимулировал лишь при особых условиях, о которых будет речь ниже.

Таким образом, в пробуждении полового влечения у маленькой девочки исключительно важную роль играет окружающая среда. При этом будящий внешний стимул обычно грубо примитивный и в то же время сильно эротический стимул. По своей примитивности он как бы соответствует примитивной психологии маленькой девочки. Человеческая любовь с ее сложными и тонкими проявлениями вне ее внимания, она проходит, не замечая, мимо ее. Иное дело — вышеперечисленные стимулы, относящиеся к примитивной,

так сказать, животной стороне сексуальной жизни: их нельзя не заметить; нельзя даже и ребенку пройти мимо них, тем более, что часто они направлены как раз на него. Вполне естественно, что примитивное существо, каким является маленькая девочка, возбуждается именно примитивными сексуальными стимулами.

И в то же время, как мы подчеркивали, это — в высшей степени сильно действующие стимулы: эротизирующее манипулирование половыми органами девочки, наблюдение coitus'a и т. п. Поэтому неудивительно, что они являются мощным толчком для пробуждения полового влечения.

Так — извне, примитивным и в то же время очень сильно эротизирующим стимулом — пробуждается половое влечение маленькой девочки. Если это верно, тогда понятно, почему в эти ранние годы оно оказалось пробужденным только у трети опрошенных женщин. Дело в среде: оно будит в этом возрасте половое влечение. Происходит это, главным образом, вследствие либо сексуальной агрессивности товарищей и взрослых, либо вследствие неосторожного поведения при ребенке. Вполне возможно, что в сексуально более испорченной среде и при менее осторожных воспитателях половое влечение будет пробужденным у гораздо больше, чем трети, девочек. С другой стороны, вполне вероятно, что в более совершенной среде половое влечение вообще в раннем возрасте еще не будет просыпаться.

Интересно, что ни одна из опрошенных 93 женщины не подтвердила распространенного в современной психологии мнения об эротизирующем действии на ребенка проблемы появления человека на свет. Не удовлетвовавшись этим, я произвел дополнительный специальный опрос по этому вопросу 158 женщин и получил все тот же результат. Вопрос о рождении человека возникает у ребенка чаще всего в 4—6 лет и нередко является одним из серии вопросов о генезисе различных вещей: „откуда то-то?“. По моим материалам он принимал эротический характер лишь тогда, когда им пользовались (чаще всего подруги) для скабрёзных дальнейших разговоров о coitus'e.

В зависимости от того, какой стимул будил половое влечение маленькой девочки, последнее развивается так или иначе. Как было уже сказано, чаще всего пробуждающим стимулом является сексуальное посягательство со стороны мальчиков, обычно проявляющееся в рассматривании половых органов девочки или сексуальной игре. Иногда, пройдя такой пассивный

эксгибиционизм, девочка становится в дальнейшем активной эксгибиционисткой, т. е. сама начинает предлагать мальчикам смотреть ее половые органы. Когда воспитательницы детских садов сообщали мне о замеченных ими проявлениях сексуальности у малышек, их сообщения почти сплошь (если речь шла не об онанизме) относились к эксгибиционизму девочек и подсматриванию мальчиков, причем девочка иногда оказывалась в активной роли, т. е. предлагающей.

Далеко не всегда дело кончается эксгибиционизмом. Из объекта рассматривания девочка иногда становится объектом сексуальной игры и коитоподобных действий. Вот один из примеров: „Девочки поднимали плаття, а мальчики подбегали с penis в руках и прикасались к голому телу“.

Все это, судя по сообщениям, не проходит бесследно для маленькой девочки, но, как правило, имеет исход в онанизме с соответствующими сексуальными грезами. Так пробужденное окружающей средой половое влечение находит себе в дальнейшем удовлетворение либо в онанизме, либо, при случае, в эксгибиционистских (пассивных или активных) или коитоподобных действиях. Девочка в действительности или (гораздо чаще) в онапистических грезах начинает стремиться к этому. Но дело не ограничивается этим. Некоторые из материалов определенно говорят, что образ соблазнителя-мальчика врезывается в память, как нравящийся, и играет роль впоследствии в образовании любовного вкуса: „и впоследствии, когда я стала взрослой, мне нравились мужчины с такими глазами“.

Так глубоко на всю дальнейшую жизнь влияет сексуальная история маленькой девочки.

Обыкновенно в этих случаях соблазнителями были несколько более старшие мальчики. Иногда среди них фигурирует то в роли сводника, то в роли активного партнера, брат.

Работая над еще неопубликованным мною исследованием о ревности у взрослых, я натолкнулся на несколько случаев ревности сестры к брату: то сестра горячо восстает против женитьбы брата, настаивая на его холостячестве, то она горячо ненавидит жену брата и устраивает ему настоящие сцены ревности, то она начинает ненормально сильно вплоть до болезни тосковать вследствие женитьбы брата и т. п. Теперь же, изучая развитие полового влечения у мальчиков и девочек, я снова натолкнулся на факты половых отношений между братом и сестрой. Правда, в общем, таких случаев немного, но все же в моей коллекции 6 из 93 указали на по-

ловые отношения с братьями во время дошкольного детства. Эти половые отношения возникают или как в случаях с другими мальчиками (экзгибиционизм — пассивный и активный; сексуальные игры), или в результате общей постели: „холод побуждал жаться друг к другу, это было очень приятно“, появилось желание телесного сближения, которое в виде трения и производилось в уединении (инициатор — брат). Роман брата и сестры, таким образом, должен найти свое место, в частности при психоанализе.

Но маленькая девочка может сексуально стимулироваться также и взрослыми мужчинами. Вот типичный рассказ: „Я гостила у дяди. Иногда он брал меня на руки и целовал. Мне нравились его губы, яркие и мягкие. Ощущение было приятное, и я стала нарочно подходить к нему, чтобы он меня поцеловал. После нравились мужчины такого же типа — с яркими губами и брютеты“. Такого рода сексуальное стимулирование обычно оказывается недостаточно сильным, чтобы полностью разбудить половое влечение девочки: по моим материалам оно не имеет результатом онанирование, онанистические грезы и т. п. И тем не менее все же влияние может быть очень глубоким, сказываясь на формировании любовного вкуса в течение дальнейшей сексуальной жизни даже взрослой женщины.

Вероятно, совершенно обратное действие имеет прямое посягательство взрослых мужчин на маленькую девочку. Я говорю „вероятно“ только потому, что считаю себя не в праве делать обобщение всего на основании двух случаев, имеющих в моей коллекции. В обоих этих случаях реакция девочки под влиянием боли и сильного страха — резко отрицательная, притом сохраняющаяся и в взрослом возрасте. В первом случае (изнасилование) „я почувствовала адскую боль... Его очень боялась. После этого отвращение вообще к половому акту, опасалась его“; во втором случае (развратные действия) „я почувствовала, что это не простая ласка. Мне было очень неприятно и очень страшно. Потом я боялась этого человека и ненавидела его. Впоследствии этот случай всегда вызывает гадливое чувство. Грубые ласки противны мне и сейчас“.

В тех случаях, когда половое влечение маленькой девочки пробуждается благодаря тому, что она оказалась свидетельницей coitus'a, обычно это был coitus ее родителей. Вид coitus'a, этого сильнейшего сексуального возбудителя, действующего притом в данном случае в очень заинтриговывающей обстановке,

эротизирует маленькую девочку, зажигая ее сексуальными чувствами и томлением. Как правило, пробудившееся половое влечение находит себе в дальнейшем исход в онанизме.

Мы уже видели, как будящий половое влечение маленькой девочки стимул имеет обыкновенно двойное действие, одно — в настоящем, обыкновенно развивая онанизм с соответствующими онацистическими грезами, и другое — в будущем, влияя на любовный вкус и характер полового влечения взрослой женщины. В данном случае вот это второе действие, по-видимому, отрицательное: „Я не люблю полового акта, несмотря на мои 24 года, несмотря на то, что я так долго ждала этого полового акта“, „половой жизнью жила, но она меня очень мало интересовала, иногда была брезгливость“, — так и примерно так писали все женщины данной категории. Возможно, получающаяся амальгама полового возбуждения и испуга и то обстоятельство, что coitus производят родители, обуславливает впоследствии ассоциацию с неприятным чувством.

Иногда толчком к пробуждению полового влечения маленькой девочки является вид coitus'a животных. По последствия, судя по моим материалам, оставляются не так самим впечатлением от виденного coitus'a, как скорее последующими „разъяснениями“. Эти последствия можно разбить на две группы: „Я потом узнала смысл от своих сверстников. Это дало повод наблюдать за животными и людьми. Я узнала, что и мои родители живут на подобие животных. С тех пор я избегала мальчиков, а в дальнейшем и мужчин до 23 лет“. Чрезмерно упрощенная „биологизация“, точнее „зоологизация“ человеческих половых отношений связала половое чувство с отвращением. Но бывает и другое положение: „Виденный половой акт лошадей пробудил во мне необыкновенное любопытство. Для удовлетворения его я обратилась с соответствующим вопросом к матери. Мать мне ответила: „Это лошадки играют“. Я не удовлетворилась и обратилась с тем же вопросом к прислуге. Та мне объяснила совершенно по-иному со всевозможными добавлениями, в конце концов рассказала о своем первом половом акте с мужем. Это объяснение дало большой толчок моим мыслям и даже повело к онанизму“.

Мечников когда-то указывал, как на одно из проявлений дисгармонии природы, на то, что половое влечение пробуждается гораздо раньше половой зрелости. В большом количестве случаев действительно бывает так. Но это, если судить на основании нашего материала, далеко не всеобщее явление,

и. по крайней мере у девочек, так бывает далеко не всегда. Половое влечение пробуждается раньше половой зрелости тогда, когда его будят. В моем материале, который был дан обычными нормальными женщинам, половое влечение маленькой девочки всегда оказывалось экзогенного происхождения. Решающую роль здесь играет среда. При этом эротизирующий стимул должен удовлетворять двум условиям: во-первых, он должен быть очень сильным (оперирование с половым органом девочки, coitus и т. п.) и, во-вторых, он должен быть сравнительно элементарным, так сказать, грубо примитивным, соответствующим примитивной психологии маленькой девочки. Пробуждение полового влечения проявляется в дальнейшем либо в онанировании с соответствующими грезами, либо в сексуальном общении с мальчиками, причем последнее сводится к показыванию половых органов, контоподобным действиям и т. п. Ранняя сексуальная биография девочки оказывает сильнейшее влияние на сексуальную психологию взрослой женщины, обуславливая в значительной степени положительное или отрицательное отношение ее к половому акту в зависимости от того, были ли первоначальные стимулы приятными или, наоборот, неприятными, например, пугающими, вызывающими боль и т. п. Даже на любовный вкус взрослой женщины влияют эти первые ранние впечатления.

Интересно, что ни в одном случае не указывалось, что онанирование, само по себе, повело к исканию сексуального сближения, сексуальным грезам и т. п. Зато в ряде случаев указывалось наоборот, как сексуальное возбуждение, вызванное внешним стимулом, повело к занятиям онанизмом.

Отнюдь не пытаясь давать более полный психологический анализ онанизма, так как для этого у меня нет материала, остановлюсь лишь на одном вопросе. Уже в самом раннем детстве мы наблюдаем иногда у малюток онанирование, причина которого коренится, вероятно, в столь обычном у малюток манипулировании органами своего тела: данное манипулирование, как приятное, впоследствии повторяется уже нарочито. Так вот возникает предположение (пока только как гипотеза), что этот самый ранний вид онанизма, который условно назовем простым манипулирующим онанизмом, связан только с элементарным чувством удовольствия, но совершенно лишен сексуальных представлений. Следующим по времени видом онанизма является тот, который условно можно назвать представляющим онанизмом, когда манипулирование связывается с определенными эротическими грезами. Этот „представляю-

ций онанизм“ уже не просто механического, но психологического происхождения и имеет более сложное содержание. Будучи иным по происхождению и более соответствуя более сложной психологии подрастающей девочки, он, возможно предположить, со временем вытесняет простой манипулирующий онанизм, случаи которого можно еще наблюдать иногда и у маленьких дошкольников, особенно у тех, которые лишены воспитания: так например, в деревне не так уж редко можно видеть 3-4-летних детей, „играющих“ своим половым органом. Этот „представляющий онанизм“, характерный для всех возрастов кроме малютнического, питающие его грезы берет первоначально от внешнего будащего стимула, и последующие грезы, как бы разнообразны они ни были, восходят нередко к этому стимулу, как к своему первоисточнику.

IV. Пропустим теперь по причинам, которые станут ясными несколько позже ранний школьный возраст, период смены зубов, и остановимся на девушке-подростке, находящейся в периоде полового созревания. Ее сексуальная психология в сильной степени противоположна сексуальной психологии маленькой девочки. Выявим же с самого начала то, что является специфическим для данного возраста.

Чтение девичьих дневников сравнительно быстро улавливает своеобразный шаблон их. Именно, иногда в некоторых записях очень сильно начинает фигурировать неудовлетворенность, недовольство всем окружающим, сердечная тоска и какое-то не очень определенное стремление. Шаблон состоит в том, что, когда начинают итти такие записи, можно не сомневаться, что в скором после этого времени появятся и иные записи — записи любви. Неудовлетворенность, тоска, томление являются как бы своеобразной интродукцией к последующему любовному роману. Самый роман этот с тем или иным „им“ разворачивается также не сразу: желание любви предшествует самой любви, и „он“ обыкновенно не сразу имеется на лицо, а не редко даже ищется.

Таким образом определенному влюблению в того или иного субъекта предшествует более или менее длительное состояние, которое можно было бы назвать „нахождением в состоянии готовности влюбиться“. Получается нечто весьма похожее на процесс созревания: девушка постепенно все более и более созревает для влюбления. Этот процесс, как было уже сказано, начинается с недовольства, неудовлетворенности, сердечной

тоски, томления и постепенно переходит в более или менее интенсивное искание „его“.

Внешние стимулы играют, конечно, роль, но иную, чем у маленькой девочки. Маленькая девочка (да простится столь шаблонный образ)—очень незрелый бутон, который сильное внешнее воздействие разворачивает, порою очень грубо. Подросток-девушка—уже почти готовый распуститься бутон, и здесь внешний стимул (обычно ухаживанье) лишь пробуждает уже само по себе готовое к пробуждению настроение. Внешний стимул здесь уже не сильный и грубый толчок, но выявитель, проявитель. Поэтому он может быть ничтожным по своей силе. В моих материалах нет недостатка в указаниях, как иногда небольшой повод, напр., сцена поцелуя на кинофильме, сцена в прочитанном романе, мощно будит сильнейшую любовную эмоцию. Характерно и психологически легко объяснимо также не редко встречающееся в материалах выражение: „тут я впервые почувствовала себя женщиной“. Например: „мне пачал оказывать внимание какой-то молодой человек,—тут я впервые почувствовала себя женщиной“, или „Однажды он меня поцеловал. Я до сих пор помню об этом поцелуе. Это оставило сильное впечатление. Я тогда впервые почувствовала себя женщиной, и мне был очень приятен его поцелуй“. Именно потому, что девушка сексуально уже созрела, так мощно действует на нее сам по себе сравнительно слабый эротический стимул: „Мне было лет 14—15, когда один малознакомый сильный мужчина сказал мне, что я становлюсь уже девушкой, что он давно обращает на меня внимание и при этом крепко пожал мне руку выше локтя, взял меня под руку. Я задрожала, хотела возмутиться, но не возмутилась. Мне было невероятно жарко, приятно и немного стыдно“.

В дошкольном возрасте половое влечение пробуждается далеко не у всех женщин, а у тех, у которых оно пробуждается в этом возрасте, это происходит под влиянием очень сильного в эротическом отношении стимула. Наоборот, в возрасте полового созревания половое влечение имеется у всех женщин, и внешний стимул играет здесь лишь роль выявителя того, что уже и без того созрело, и поэтому сам по себе может быть слабым, а действие его все же будет сильным. Это дает нам право утверждать, что мечниковская дисгармония между половой зрелостью и половым влечением, существующим до половой зрелости, не вечный закон природы, а всего лишь закон несовершенной среды, случайно или преднамеренно

преждевременно эротизирующей маленькую девочку: в более совершенной среде этой дисгармонии может не быть, и в такой среде половое влечение может развиваться одновременно с половым созреванием. Даже в имеющих у меня материалах и то 23 из 93 отрицают в своих воспоминаниях наличие у них заметных проявлений полового влечения до периода полового созревания. Это и следует признать нормой в том смысле, что именно так происходит дело при неблагоприятных условиях.

Но если именно это норма, тогда следует признать нормальным как раз тот вид полового влечения, который является специфическим в этом случае. Именно любовь является таким видом полового влечения в то время как у маленькой девочки половое влечение фигурирует прежде всего в грубо-чувственном виде.

Посвящая психологии любви свою другую статью, я в данной статье лишь кратко отмечу основные моменты этой психологии, притом поскольку лишь речь идет о молоденькой девушке. Первый предварительный момент нам уже известен: это предшествующий влюблению период неудовлетворенности, сердечной тоски, томления. Назовем эту стадию стадией возникновения потребности в любви. Он психологически характеризуется рядом томительных переживаний, локализирующихся главным образом в сердечной области. За этим моментом следует сравнительно скоро второй момент, когда девушка становится очень внимательна к тому, что относится к любви и повышено чувствительна к соответствующим стимулам. Назовем несколько неуклюже это стадией любовной сенсibilизации. Насколько можно было усмотреть из воспоминаний и дневников, эта стадия заканчивается обычно несколькими сравнительно легкими увлечениями, иногда совсем малозначительными, и через них переходит в следующую стадию—влюбления, которую я предпочел бы назвать стадией любовного эроса, так как для этой стадии самое характерное—постоянное и очень сильное стремление к любимому. Вот типичные для этой стадии строки одного воспоминания: „Я искала его встречи, вся горела этим желанием, но, когда встречались, я терялась, мне казалось, что весь мир смотрит на меня. Мысли все были сосредоточены только на нем, я заниматься наукой не могла“. Так наз. первая любовь столько раз описывалась в литературе, что мы можем здесь вполне ограничиться лишь одним типичным примером, тем более, что, в общем, воспоминания об этом у различных испытуемых довольно

сходны: „Мне было 14—15 лет, когда мне понравился друг моего брата. Я хотела только, чтобы он приходил к нам вместе играть, а главное, чтобы он никому из девочек не уделял больше внимания, чем мне. Особенно мне становилось скучно по вечерам в летнее время (к тому располагала обстановка—хороший тенистый двор, лунные ночи), у меня не было желания играть с девочками. Я бесконечно была рада, когда он с братом заходил к нам, но я очень горделиво вела себя, как бы не желая с ним говорить, а потом долго в кровати не могла уснуть, думая о нем. Приятно было слушать разговор о нем“.

Любовь молоденькой девушки или останавливается на этой стадии—стадии любовного эроса, любовного стремления, или переходит в следующую—последнюю—стадию: стадию любовного общения, полового сближения, т. е. в фактически брачные отношения. Тормозом для перехода любви в эту окончательную стадию, кроме согласия партнера, является, главным образом, действительное или представляемое как возможное неодобрение окружающего общества. Робость, застенчивость, сдержанность, законспирирование и т. п. характерны для очень большого числа случаев любовного эроса девушки-подростка. Но там, где общественная среда не дает тормозов, может наступить последняя стадия, т. е. в конечном результате, coitus или его суррогаты, например, широко практикуемые иногда способы полового общения без повреждения hymen.

Таким образом, в тех случаях, когда общественная среда не эротизирует преждевременно маленькую девочку, но, с другой стороны, и не чинит препятствий дальнейшему развитию любовного эроса молоденькой девушки, имеют место следующие три основных факта: 1) половое влечение развивается параллельно половому созреванию, 2) проявляется в форме любви, и 3) путь к половому сближению идет через любовь.

Но так обстоит дело далеко не всегда и даже, напротив, редко, так как общественная среда, конечно, активна по отношению к подрастающей девочке. Тормоза, с одной стороны, переход любовного эроса молоденькой девушки в половое общение (рассмотрение последствий этого торможения для девушки выходит за пределы данной статьи), общественная среда, с другой стороны, преждевременно эротизирует маленькую девочку. В этом случае (а таких случаев, когда женщина эротизирована до полового созревания, среди моих испытуемых $\frac{2}{3}$ всех случаев) в возрасте полового созревания довольно часто получается своеобразный дуализм: любовь молоденькой девушки и примитивная грубо сексуальная жизнь ее, прояв-

ляющаяся чаще всего в представляющем онанизме, образуют как бы два обособленных ряда. С одной стороны, она любит и проходит довольно шаблонно обычные стадии девичьей любви; с другой стороны, она онанирует и представляет грубо чувственные сцены. Этот своеобразный дуализм иногда протекает мирно: оба ряда не смешиваются, так сказать мирно уживаются друг с другом. Но такой мирный дуализм бывает далеко не всегда. В ряде случаев, наоборот, один ряд начинает влиять на другой. В моих материалах чаще всего наблюдалось влияние примитивно-сексуального ряда на любовный. Это влияние сказывается как на темпе развития любовного процесса, так и на самом характере любви. Влюбленные, при соответствующих условиях, быстрым темпом стремятся к окончательной стадии — полового сближения, и в любовных переживаниях сильно выступает на первый план как в любовных мечтаниях, так и в способах привлечения к себе любовного субъекта — чувственный момент. Наоборот, гораздо реже наблюдалось влияние любовного ряда на примитивно-сексуальный. Насколько можно было проследить, это влияние проявлялось в том, что занятия онанизмом либо ослабевали, либо сопровождались более сильной борьбой с тягой к онанизму, возрастанием отрицательно эмоционального отношения к нему и т. п., причем особенно сильно избегали, чтоб любимый субъект как-нибудь оказался предметом онанистических грез.

Молоденькая девушка уже имеет известные моральные и эстетические установки, которые в ряде случаев обуславливают ее резко отрицательное отношение к грубо чувственным стимулам: „поглаживание груди меня испугало, и я возмутилась... В этот день я чувствовала себя удрученной, и надолго у меня осталось отвращение“, „вид развратного ухаживания выработал у меня неприязнь к мужчинам, боязнь их, осторожность“; „разговоры подруг (на сексуальные темы) меня сильно испугали, я стала плакать, они испугались и перестали“.

Эти морально-эстетические установки в приведенных примерах имели до известной степени целесообразно защитное значение. Но в некоторых случаях гипертрофия их может привести и к травме. Так одна корреспондентка сообщает, как вид рожденья котят от любимой кошки произвел на нее потрясающее впечатление; впоследствии „мое семилетнее замужество было сплошным кошмаром в области половых отношений из-за боязни деторождения и привело в полном смысле слова к двум разбитым жизням, несмотря на то, что мы оба глубоко любили друг друга“.

V. Мы допустили в нашем изложении хронологическую непоследовательность, сделав сразу скачок от дошкольного детства к стадии полового созревания, пропустив детство смены зубов. Это мы сделали с умыслом, чтоб резко выступил контраст двух путей развития полового влечения у женщины. Первый путь—путь параллелизма между половым созреванием и развитием полового влечения—можно также назвать путем эндогенного развития полового влечения, так как последнее развивается главным образом вследствие внутренних причин (процесс полового созревания), и в этом смысле этот путь можно считать путем нормального развития полового влечения. Он идет от любви к половому общению. Второй путь—путь предпубертального, т. е. преждевременного развития полового влечения под влиянием главным образом экзогенных факторов (среда): путь в данной общественной среде частый, но, тем не менее, не могущий считаться нормальным.

Период смены зубов является промежуточным между молочозубым детством и стадией полового созревания. В качестве такого он не содержит в себе ничего ярко специфического. Половое влечение в этом возрасте имеет одну из трех следующих судеб: либо оно еще не пробудилось заметным образом, либо оно проявляется в грубо примитивном виде, либо, наконец, это—ранняя любовь. Девочка раннего школьного возраста уже достаточно выросла, и потому ее больше оберегают, больше стесняются; она меньше имеет случаев быть свидетельницей грубо эротических сцен. Как будто реже является она и объектом грубого полового посягательства. В результате половое влечение там, где оно возбуждено, обыкновенно проявляется лишь в виде представляющего онанизма. Именно этот представляющий онанизм является типичным видом онанизма для данного возраста. При этом, судя по имеющимся материалам, в этом возрасте разнообразится самая техника онанизма.

Однако, в этом возрасте сильнее выступает эротизирующее влияние детской компании, в первую очередь, подруг. Точно также и сильно эротизирующие внешние стимулы в этом возрасте гораздо более активизируют девочку. Так, например, из 7 случаев, когда маленькая школьница оказалась свидетельницей coitus'a, в 5 случаях затем был проделан coitus (из них в двух случаях с подругами и в одном—с братом). Можно утверждать, что влияние грубо эротических внешних стимулов именно в этом возрасте наиболее опасно в смысле непосредственного воздействия на половое поведение.

Но такие случаи все же не часты в этом возрасте. Для него характерны в тех случаях, когда половое влечение пробуждено, или вышеупомянутый представляющий онанизм, или любовь и поцелуи. Остановимся на анализе этой ранней любви (по нашим материалам на возраст смены зубов приходится примерно $\frac{1}{4}$ всех первых влюблений, остальные—на возраст полового созревания), развивающейся, вероятно, в результате раннего полового созревания.

Чаще всего предметом влюбления является мальчик. Роман обыкновенно начинается с дружбы: „Я очень была дружна с одним мальчиком, скучала, когда его нет. Мы часто убегали вдвоем, и мне, помнится, очень нравилось сидеть с ним где-нибудь в укромном уголке“. Но часто роман маленькой школьницы происходит в форме дразнения с целью привлечь к себе внимание. Например: „Часто дралась, особенно с одним, который мне нравился, старалась его дразнить, толкать и этим заставить его обратить на меня внимание. Последним средством было снять шапку с головы и убегать, а он тогда меня ловил. Мне нравилось, когда он меня ловил“. В наших школах педагоги часто обращают внимание в группах, где учатся дети 11—13 лет, на случаи подобных „дразнений“ мальчиков девочками (и обратно—„приставаний“ мальчиков) и считают их „плохими отношениями“ между мальчиками и девочками. Не редко педагоги обращались ко мне за консультацией по поводу этих „плохих отношений“. Мы видим теперь, что вряд ли эти почти амурные отношения можно считать „плохими“.

Я назвал эти отношения „почти амурными“, потому что здесь мы еще не имеем дела с полным развитием любви. Следующий рассказ—воспоминание можно считать типичным для этой ранней, я бы сказал, зародышевой любви: „В то время мне было лет 10—12, а ему—15. Встретившись, мы прежде всего поссорились. Он разрушил все наши планы игр. Затем, отделившись от нас, стал нас преследовать. Однажды, встретив нас, он, отделив меня от подруг, сказал мне, что он меня не любит за то, что я не соглашаюсь с ним ни в чем и всегда спорю, поэтому он и не желает встречаться со мной и хочет уехать отсюда. Тогда я не стала с ним спорить, но, вместе с тем, избегала его. Спустя немного времени он позвал меня с собой в свою комнату, сказав, что он хочет показать мне книгу. Но вместо книги он поцеловал меня. Мне было очень стыдно. Долго я не могла с ним встретиться. Потом я уехала (дело было на даче)“.

Если в дошкольном детстве любовь вообще отсутствует, а в девичьи годы кульминационным завершением ее при отсутствии тормозов является половое общение, то в возрасте смены зубов кульминационная точка ранней любви — поцелуй. При этом характерна обычно амбивалентная реакция: с одной стороны „хотелось кричать и ударить его“, стыд и депрессия, а с другой — „было приятно“, восторг, возбужденность. Вот типичный для этих ситуаций рассказ: „Он незаметно поцеловал меня сзади в шею. Я вся вспыхнула, и кровь жарко как-то кинулась в голову. Я встала и убежала. Весь остальной вечер я была сама не своя: какой-то восторг и необыкновенная возбужденность. После нескольких дней я была как бы тяжело убита, и мне казалось, что случилась какая-то очень нехорошая вещь. Этого мальчика я все-таки встречала с большим удовольствием, но в то же время сама от него пряталась“.

Поцелуй и вообще любовные ласки в этом возрасте играют роль сильного возбудителя. Он как бы несколько форсирует развитие любовного влечения девочки, ускоряет и усиливает это развитие. „Видя поцелуй, я хотела этого же, но я лет до 14 боялась, что от поцелуя родится ребенок“, „я стремилась найти себе мальчика, который бы взял меня так же за руку“ — подобные воспоминания часто фигурируют в моих материалах.

К этому же возрасту относятся первые упоминания о гомосексуализме. У меня слишком мало материала для более или менее широких выводов, но кое-что все же можно утверждать, правда, не так с целью теоретических обобщений, как, скорее, в порядке постановки проблемы.

Упомянутые случаи гомосексуализма в этом возрасте резко распадаются на две совершенно различных группы. Первая группа — грубо примитивные сексуальные действия между девочками, состоящие большей частью в воспроизведении виденного или слышанного coitus'a. Это своего рода экспериментирование, причем характерно, что ни в одном случае я не встретил указания на длительность подобных занятий. Это дает основание сближать подобное экспериментирование с такими явлениями как взаимное рассматривание половых органов с названием их особенными именами или обучение подруги онанированию. Для меня неясно, можно ли относить все это к гомосексуализму. Никаких фактов, указывающих, что это послужило к дальнейшему развитию гомосексуализма, у меня нет.

Совершенно иначе обстоит дело с другой группой случаев, где гомосексуализм уже несомненен. Все эти случаи пред-

ставляют собой влюбление маленькой школьницы в женщину, причем в моих материалах эта женщина всегда была взрослой и почти всегда (кроме двух случаев) учительницей девочки, а самое влюбление, точнее повод к нему, эксцентричным, незаурядным. Так в одном случае девочка влюбляется в беременную учительницу, притом, так, что „я ее провожала и встречала и, признаюсь, была готова целовать край ее одежды“; в другом случае девочку поразили пышная грудь и руки виденной ею случайно обнаженной учительницы и т. д. В следующем возрасте (стадия полового созревания) случаи гомосексуального влюбления становятся уже сравнительно частыми (гораздо чаще, чем в каком-либо другом возрасте жизни), но объект влюбления здесь чаще всего подруга.

VI. В общем можно различать два вида развития полового влечения — преждевременное и *suo tempore*. Преждевременное развитие происходит исключительно под влиянием внешней среды. Эта среда далеко не индифферентна в данном отношении к маленькой девочке. Нередко она агрессивна по отношению к девочке: ее побуждают к эксгибиционизму и сексуальным играм старшие мальчики, ее развращают подруги, наконец, иногда ее возбуждают сексуально, сознательно или бессознательно, взрослые мужчины. Но и там, где среда сексуально не агрессивна к ребенку, она порою неосторожна с ним, беззащитна, делая маленькую девочку свидетельницей самых эротических сцен. Там, где мы имеем налицо преждевременное пробуждение полового влечения у девочки, причину следует искать прежде всего во внешних стимулах, а не в проблематичной „гиперсексуальной конституции“. Эти стимулы обыкновенно весьма реальны и легко сравнительно обнаруживаемы, тогда как пресловутая конституция все же только гипотеза, гипотетический X. Даже онанизирование в этом возрасте, сильно отличающееся от простого манипулирующего онанизма малюток, генетической основой своих грез имеет определенный внешний стимул.

Это преждевременное развитие полового влечения имеет ряд вредных психологических последствий, не говоря уже о физическом вреде. В случае, если стимул-будитель возбудил отрицательную эмоцию, впоследствии развиваются сексуальные фобии, отвращение к половому акту и т. п. Если же, наоборот, этот стимул был приятен, развивается тяга к преждевременному половому общению, так сказать, примитивизируется, делает более примитивной, более элементарной впо-

следствии любовь, тем самым лишаясь сложного культурного содержания. Таким образом, остро стоит вопрос об организации сексуально здоровой среды для ребенка.

В том случае, если эта среда преждевременно не эротизирует девочку, половое влечение у нее пробуждается эндогенно в возрасте полового созревания, притом не в грубо примитивных формах элементарного полового влечения, но в форме любви. Вначале развивается сначала смутно, потом более ясно осознаваемая потребность в любви. Эта потребность влечет за собой немного спустя искание предмета любви и по нахождении его, влюбление. Так последовательно с внутренней необходимостью проходятся уже упомянутые нами стадии любовной потребности, любовной сенсibilизации и, искания, любовного эроса (стремления) и при соответствующих условиях — полового сближения. Среда играет здесь несравненно меньшую роль. Главная ее роль здесь не будитель, так как потребность в любви просыпается главным образом вследствие внутренних причин. Но это не значит, что ее роль здесь вообще ничтожна. Она влияет отчасти на образование любовного вкуса, более точно, на индивидуальные особенности его. Кроме того, она играет роль тормоза при прохождении любовью вышеназванных стадий, особенно двух последних. Соответствующе организуя среду, мы можем влиять так или иначе как на ход любви, так и на выбор объекта любви.

VII. Анализ наиболее ярких сексуальных впечатлений девочки дает возможность составить до известной степени представление о развитии детской сексуальности.

Когда-то Мечников одним из видов дисгармонии природы считал дисгармонию между половым созреванием и задолго до него пробуждающимся половым влечением. Эту дисгармонию он считает как-бы законом природы. На самом же деле такого закона природы нет: у почти трети опрошенных мною женщин половое влечение пробудилось только во время полового созревания.

Нормально половое влечение пробуждается только во время полового созревания. Это нормальное положение мы имеем в ряде случаев. Но как не часты случаи совершенно здоровых людей, так точно не часты и эти нормальные случаи. Их больше в сексуально здоровой среде и их мало в сексуально неблагоприятной среде. Поэтому частота этих случаев очень сильно колеблется в зависимости от условий воспитания девочки — степени ее бездеятельности, жилищных

условий, поведения с ней и при ней, условий ее спальни и т. п. В одних условиях все 100% девочек в дошкольном возрасте могут уже иметь половую жизнь.

Но вполне мыслимо, что в других условиях таких девочек может быть 0%.

Ненормально, если половая жизнь (в том числе и половое влечение) появляется раньше полового созревания. „Ненормально“ это значит, что так бывает только под влиянием экстраординарных внешних стимулов или в случаях, подлежащих ведению психопатологии. Нужны очень сильные эротизирующие стимулы, чтобы у маленького дошкольника пробудилось половое влечение. В огромном большинстве случаев у девочек это или непосредственное воздействие (в том или ином виде) на их половые органы, или резко эротическая сцена. Стимул — сильный в эротическом отношении, но примитивный.

В сексуальном отношении дошкольника еще довольно примитивна как в силу своей сексуальной незрелости, так и вследствие общего недостаточного еще развития. Поэтому она возбуждается только сильными и примитивными стимулами. Примитивно и реагирует она на эти стимулы — онализмом или гетероэротическими актами.

В отличие от онанизма в самом раннем детстве онанизм в дошкольном возрасте, с психологической точки зрения, более сложен. Психологическая схема раннего детского онанизма: онанирование + удовольствие. Это — просто приятная процедура, сначала, по всей вероятности, периферического происхождения, а затем постепенно переходящая в приятную привычку. Однако, от решения вопроса, насколько в этом возрасте онанизм привычен, т. е. становится уже привычкой, я уклоняюсь, так как не располагаю достаточным фактическим материалом. Пожалуй, можно, в виде гипотезы, подлежащей проверке, допустить, что в этом возрасте привычка онанировать еще не стойкая. Основания для такой гипотезы: 1) этот возраст вообще характеризуется сравнительной нестойкостью привычек (ребенок легко отвыкает), 2) стимул — внешний, и потому легче поддается устранению.

Иной оказывается психологическая схема онанизма в дошкольном возрасте: эротическое представление — онанизм-удовольствие. Здесь стимул уже центральный (представление). Пока живо это представление (а оно то и дело оживляется воспоминанием, то и дело репродуцируется), будет иметься стимул к онанированию. Если к онанизму в самом раннем

детстве побуждало элементарное чувство, простое удовольствие от онанирования, причем объектом воздействия были внешние половые органы, то в дошкольном возрасте на первый план выступает уже эротическое воображение, и половые органы возбуждаются сначала изнутри под влиянием этого воображения. Таким образом, здесь половое возбуждение уже не периферического, а центрального происхождения. Отсюда вывод: если в самом раннем детстве меры против онанизма — исключительно физического характера, то в дошкольном возрасте одних этих мер недостаточно, здесь нужны меры и психологического характера.

Там, где дело не ограничивается только онанизмом, бывают, обычно при отсутствии надзора и по инициативе более старших детей, и другие сексуальные поступки. Чаще всего это или имитация в той или иной форме полового акта или пассивный эксгибиционизм. Эти имитации являются обычно своеобразной сексуальной подражательной игрой, иногда довольно (но не очень) сложной драматизацией (напр., известные сексуальные игры в „папу“ и „маму“). Роль подражания здесь очевидна. Пассивным эксгибиционизмом я называю показывание девочкой своих половых органов по просьбе своих партнеров по игре (напр., известная сексуальная игра в „доктора“). Таким образом, сексуальные реакции в этом возрасте примитивны и грубо чувственны. Это легко объясняется тем, что психология дошкольницы вообще еще достаточно примитивна.

Первоначальный стимул детской сексуальности в этом возрасте — внешний. В дальнейшем эта сексуальность поддерживается либо чувством удовольствия, испытываемым в результате соответствующих процедур, либо также и воображением и памятью. Но какие психологические переживания, наоборот, препятствуют развитию сексуального поведения в этом возрасте? Уже почти с самого начала к сексуальным переживаниям маленькой девочки присоединяется страх, то когда она сама или близкие ей люди становятся предметом грубых сексуальных атак, то когда она боится обнаружения запретных сексуальных игр. Это или страх перед нападением, каковым ей может иногда представиться сексуальная атака на нее или близких ей людей, или страх быть застигнутой во время запретного действия. Несколько позже, по мере развития общественного поведения и сознания маленькой девочки, начинают выступать на первое место стыд, в дальнейшем — отвращение, сложное чувство, главнейшим компонентом ко-

орого, по Бэну, являются страх и ненависть. Страх перед посягательством на ее тело, страх перед социальной репрессией (наказание, осуждение и т. п.), а иногда и ненависть к посягателю — вот, судя по имеющемуся у меня материалу, те основные переживания, которые в данном возрасте парализуют сексуальное удовольствие. Если страх мы определим как эмоциональную реакцию на предстоящую неприятность, а ненависть — как эмоциональное отношение борьбы с источником неприятности, тогда, с генетической точки зрения, такую эволюцию сексуальности можно представить как парализование сексуального удовольствия предвосхищением связанных с ним неприятностей. Амальгама сексуального возбуждения и страха обычна в этом возрасте.

Хотя имеющийся в моем распоряжении материал недостаточен для вполне категорического утверждения, все же он дает некоторое основание предполагать, что возбужденная извне сильным эротическим стимулом сексуальность маленькой девочки до известной степени затихает, если не поддерживается соответствующими стимулами извне. Если можно так выразиться, ребенок начинает забывать данное впечатление, воспоминание о нем ослабевает и перестает уже эротизировать ребенка. В этом случае сексуальные переживания оказываются преходящим эпизодом в жизни девочки дошкольного возраста: эротизирующая среда простимулировала ее, но дальше, если нет такого влияния среды, девочка начинает жить нормальной для данного возраста жизнью. По показаниям некоторых испытуемых, у них прекращался даже возникший анализм.

В таком случае не наблюдается даже того активного „искания“ эротизирующего стимула, сексуального объекта, которое характерно для более позднего возраста. Это „искание“ обыкновенно бывает только в первое время после первичного стимула: ребенок стремится не спать и подсматривать в общей спальне половые сношения родителей, затевает сексуальные игры и т. п. Но если среда уже не дает питательного материала в течение значительного времени, такие активные попытки как-будто бы замирают.

Но, к сожалению, бывают, конечно, и такие случаи, когда среда дает ребенку возможность иметь сексуальные стимулы и получать соответствующее удовлетворение. Тогда сексуальные переживания становятся привычными, более или менее постоянными, притом в элементарном чувственном виде. Характерно, что все упомянутые мною в начале этой статьи

опрошенные женщины, ведущие распущенный в сексуальном отношении образ жизни, имели как-раз именно такое дошкольное детство.

VIII. Уже выше мы показали, что младший школьный возраст является в сексуальном отношении переходным в том смысле, что мы здесь находим либо примитивно-чувственные проявления сексуальности, как у дошкольников, либо влюбление, аналогично подростковому возрасту. Во втором случае мы имеем как бы раннее преждевременное пробуждение любви.

Я выбрал 10 очень развитых интеллектуально женщин, при том таких, которые, по их словам, и в детстве интеллектуально превосходили сверстниц, и спросил о времени их первого влюбления. То же самое я произвел и по отношению к 10 женщинам, самым тупым интеллектуально. В расспросах я тщательно подчеркивал, что речь идет о влюблении, а не о простом половом общении. В результате оказалось, что первое влюбление имело место в доподростковом возрасте у 6 женщин первой категории и только у одной—второй категории. На основании этого можно сделать предположение, что влюбление, как сравнительно сложное переживание, предполагает уже известную степень умственного развития, но последнее не является, конечно, единственным условием. С другой стороны, в моем маленьком материале я не нашел никакой заметной связи между примитивно-чувственной сексуальностью в младшем школьном возрасте и умственным развитием. Нередко такая сексуальность являлась продолжением аналогичной сексуальности в дошкольном возрасте.

Сравнительно сложная эротика любви и поцелуя, характерная для подросткового, а иногда и для предпубертального детства, по всей видимости, не связана непрерывной нитью развития с примитивно-чувственной сексуальностью младшего возраста. В онтогенетической эволюции корни любви ветвятся в более сложных явлениях, чем примитивная сексуальная чувственность. В то время как сексуальность маленькой девочки является обыкновенно продуктом эротизирующих влияний со стороны окружающей среды, любовь является скорее продуктом созревания, и не среда играет здесь главную роль: если для маленькой девочки сильное сексуальное впечатление обычно врывается извне как бы экспромптом и застаёт ее совершенно неподготовленной, то

у подростка-девушки потребность любви, готовность влюбиться обыкновенно предшествует самой любви.

Подросток-девушка сама сознает в огромном большинстве случаев разницу между переживаниями любви и примитивно-чувственными сексуальными переживаниями. Больше того: нередко она переживает эту разницу как антагонизм. Характерно для многих девушек-подростков, что как-раз в этом возрасте параллельно развивается потребность в любви и влюбление, с одной стороны, и резко отрицательное отношение (чаще всего в виде отвращения) к сексуальным атакам со стороны других лиц. Все в большей и большей степени путь любви становится единственным путем к половой жизни. Так как в дальнейшем психологии любви я посвящаю специальное исследование, то сейчас не вхожу в детали юной любви.

Типичными для данного возраста переживаниями являются также эротическое грезерство и эротические разговоры. Грезы бывают как любовного, так и примитивно-чувственного содержания. Любовные грезы, судя по ретроспективным рассказам и по дневникам, по своему содержанию обычно или фантазии о любовной удаче (иногда о смерти—с посмертной, если можно так выразиться, удачей, напр., когда любимый сожалеет о ней), или повторные воспоминания, как бы снова переживание в различных вариациях различных случаев близости к предмету любви. Обычно эти грезы протекают в сфере сознания (во всяком случае у нормальных), лишь изредка спускаясь в сферу полусонного состояния и даже сновидения. Что касается грез примитивно-чувственного содержания, то они, наоборот, чаще всего бывают, когда бывают, в сновидениях или (реже) в полусонном состоянии и переживаются девушкой (по крайней мере той, у которой сексуальные переживания впервые появились только в подростковом возрасте) как не продукт ее сознательной воли, но то, с чем ее воле следует даже бороться, во всяком случае, как нечто произвольное. Во вполне бодрствующем состоянии эти грезы обычно связаны с онанизмом.

Анализируя сексуальные переживания девушки-подростка, мы встречаемся с влюблением, как наиболее обычным в данном возрасте видом этих переживаний. Но анализ ранней любви легче было бы производить, если бы был ранее произведен общий психологический анализ любви. К сожалению, психологическая наука не отличается количеством и качеством таких анализов. Поэтому нам необходимо произвести

его самим, чтоб затем на фоне общего психологического анализа любви глубже и ясней рассмотреть своеобразие любви подростка.

IX. Но прежде, чем расстаться с темой этой статьи, следует коснуться еще нескольких вопросов. Почти в любой популярной книжке по половому вопросу много внимания уделяется детским вопросам о происхождении человека. В своем материале я не нашел ни одного случая, когда бы этот вопрос возникал у ребенка в связи с сексуальными переживаниями. Для маленького ребенка этот вопрос—не сексуальный, а научный; в основе его лежит не сексуальный, а обыкновенный теоретический интерес о происхождении. У взрослого такой интерес привел бы к ознакомлению в той или иной степени с эмбриологией или акушерством. Но у ребенка вопрос о происхождении—вопрос не роста и развития, а (в огромном большинстве случаев) вопрос о происхождении в локальном смысле: „откуда я (или только что родившийся ребенок и т. п.) взялся, появился?“. Сексуальным этот вопрос является не сам по себе, а в результате тех объяснений, которые случается получать ребенку. Окружающая среда (подруги, няня и т. д.) нередко пользуется этим вопросом ребенка для эротических разговоров с ним о coitus'e, а иногда и для непосредственного развращения его.

Точно также вид coitus'a домашних животных, сам по себе, не эротизирует еще не осведомленного в смысле этого акта ребенка, но только вызывает в нем интерес и вопрос.

Но опять и здесь та же среда нередко пользуется этим вопросом для эротических разговоров с ребенком. Иное дело уже „просвещенный“ ребенок: того подобный вид животных иногда слегка эротизирует.

Фрейдизм сильно преувеличил и до известной степени исказил сексуальный характер детских исследований о различии полов, по крайней мере по отношению к девочкам. В моем материале нет ни одного случая, когда бы открытие различия полов эротизировало, само по себе, девочку. Эротизация девочки в таких случаях происходит в совершенно ином контексте. Чаще всего и притом интенсивнее всего эта эротизация происходит не тогда, когда девочка узнает (видит) половое отличие мальчика, но наоборот, когда мальчики узнают (видят) ее половое отличие. Выражаясь ясней и точнее, когда она (ее половые органы) являются предметом рассма-

тривания. В тех случаях, когда она проявляет здесь активность, последняя состоит в предложении рассмотреть ее. Несравненно реже и слабее эротизируется девочка в качестве не объекта, а субъекта рассматривания.

Точно также, судя по показаниям опрошенных, первые менструации для девочки скорее медицинский или эстетический вопрос, а не сексуальный.

IV. Сексуальные переживания мальчиков различных возрастов

I. От изучения сексуальных переживаний девочек я обратился к изучению этих же переживаний у мальчиков. Считая, что анатомо-физиологическая разница полов не может не сопровождаться разницей сексуальных переживаний их, я считал невозможным смешивать оба пола и суммарно говорить о детской сексуальности, безотносительно к полу. Как увидим ниже, сексуальность мальчиков, действительно, представляет ряд своеобразий: сексуальные проявления детей зависят не только от возраста, но и от пола.

Собирание материала обнаружило в скором времени такое однообразие его в смысле констатирования общих закономерностей, что не оказалось нужным большое количество материала. Поэтому я ограничился только 25 субъектами. У Эллиса в работе „Половое чувство“ собран ряд подобных ретроспекций и, хотя они принадлежали людям другой эпохи и страны, те же общие закономерности можно было увидеть и там. Это лишний раз убеждало меня в ненужности большего материала.

Сексуальные ретроспекции мужчин в большинстве случаев я имел возможность получать в устном виде, что давало возможность выяснять ряд деталей более обстоятельно. При этом мое внимание обратило одно обстоятельство, характерное, по моему мнению, для сексуальной психологии взрослых мужчин и женщин.

У меня получалось впечатление, что женщины гораздо словоохотливей и искреннее рассказывают о своих детских сексуальных переживаниях. Кроме того мое внимание обратила одна деталь—склонность многих мужчин скрывать свой онанизм в детские годы: сравнительно редкий сам по себе сообщал о нем, и даже спрошенный нередко сначала называл более позднюю дату начала онанизма, которая, по мере расспросов, постепенно отодвигалась на более ранний срок.

Предположительно я объясняю это тем, что, поскольку онанизм у мальчиков воспитателю заметить легче, и потому мальчики чаще подвергаются репрессиям, они приобретают привычку скрывать его и вырабатывают целую систему отпирательств. Но, конечно, это предположение весьма гипотетическое.

II. Собранный материал дает основание утверждать, что, как и у девочек, в дошкольном детстве сексуальные переживания мальчиков имеют своей начальной причиной внешний сильно действующий эротизирующий стимул. Чаще всего у мальчиков таким стимулом является сексуальное „обучение“ его более старшим ребенком. Этот „учитель“ обучает или онанированию или половым отличиям девочки (нередко и тому и другому вместе), причем в последнем случае иногда сводит с девочкой, готовой к эксгибиционизму и соответствующим манипуляциям. Иногда же соблазн детей идет от женщины; в таком случае это нередко девочка приблизительно тех же лет или немного постарше, которая почти всегда начинает свои действия с предложения посмотреть ее половые органы.

Собранный материал, особенно английский у Эллиса, но также и мой, русский (в гораздо меньшей степени), обнаруживает сильное эротизирующее влияние телесных наказаний, свидетелем которых был данный мальчик и во время которых наказываемый или наказываемая были обнажены.

Наконец, несколько воспоминаний упоминают об эротизирующем влиянии телесных наказаний, которым подвергался сам субъект в раннем детстве. Насколько можно судить по моему материалу, эротизирует здесь как будто бы не наказание, как таковое, а та ситуация, которая при этом получается. Во всех относящихся сюда воспоминаниях наказывает женщина, причем в воспоминаниях явно выступает на первый план воспоминание от физического давления (напр.: „пригнула к своим коленям“) и сильного прикосновения к телу наказывающей, обычно к ее погам, вид и ощущение которых в этих воспоминаниях фигурируют очень заметно.

Сексуальные проявления мальчиков в дошкольном возрасте, если они бывают, обычно бывают в виде онанирования или сексуальных игр и манипуляций с товарищами. Как и у девочек, сексуальные проявления у мальчиков в этом возрасте скорее эпизодичны (за исключением онанизма). Иными словами, в случае, если внешние стимулы среды уже не эротизируют, то постепенно затихают и сексуальные проявления (иногда,

но значительно реже, даже и онанизм). Влияние среды в этом возрасте огромно: сексуальные переживания вызываются и поддерживаются извне.

Но даже в столь раннем возрасте уже замечаются половые различия сексуальной психологии. Поведение мальчиков более активно. В рассказах дошкольниц-воспитательниц о сексуальных проступках детей обычно фигурирует подсматривающий и рассматривающий мальчик и показывающая девочка.

Вторая резко бросающаяся в глаза разница—та, что в мужских воспоминаниях о дошкольных сексуальных впечатлениях чаще и значительней, чем в женских, фигурируют зрительные впечатления—случайные или связанные с подсматриванием, активными поисками этих впечатлений. В женских же воспоминаниях больше фигурируют действия, а не зрительные впечатления.

Как и у девочек, у мальчиков все вышесказанное относится скорее к старшему дошкольному детству, причем получается впечатление, что у мальчиков первые сексуальные переживания возникают немного позже, чем у девочек. Но не надо думать, что в старшем дошкольном возрасте они уже имеются у всех мальчиков. У двух третей опрошенных мною даже самый тщательный опрос в этом отношении не дал ничего. Значит, и у мальчиков, как и у девочек, сексуальное переживание в дошкольном возрасте, даже в старшем, вовсе не необходимость. Большая или меньшая частота этих переживаний зависит от среды и даваемых ею впечатлений.

По отношению к более раннему возрасту с полной уверенностью можно констатировать только в ряде случаев онанизм. При мало мальски достаточной наблюдательности обнаружить онанизм у мальчика в раннем детстве не представляет трудностей. Обычно он производится либо путем манипулирования, либо посредством трения лежа на животе, подобно тому как у девочек также бывает в случаях онанизма либо манипулирование, либо трение ногами и т. п. Условием называть эти два основных вида онанизма манипулирующим и фрикционным (трущимся) онанизмом. По имеющимся у меня материалам малыши-мальчики обычно практикуют фрикционное онанирование; у более старших детей наблюдается и манипулирующий онанизм. Я не имел возможности проверить с полной основательностью роль возраста в этом. Но проблема детской сексуальности еще так слабо изученная проблема, что уместно здесь высказывание

предположений для последующей проверки. В качестве такой гипотезы я высказываю следующее предположение: в раннем (но не грудном) возрасте преобладает фрикционное опанирование, а у мальчиков, начавших опанировать в более позднем возрасте, практикуется манипулирующий опанизм. Если это предположение подтвердится, оно может иметь практическое значение: смотря по тому, какой опанизм имеется у данного субъекта—школьника или взрослого, можно было бы определить, как рано начал он опанировать.

Одним из объектов, о которые трутся опанирующие дети, являются люди, точнее (в большинстве случаев) ноги их. Я подчеркиваю этот факт, так как в будущем изложении из него будут сделаны некоторые выводы.

От опанизма, непременною компонентом которого является организм, надо отличать простое манипулирование половым органом. Судя по воспоминаниям опрошенных, последнее часто практикуется в карманах: штанишки с карманом, точнее держание рук в карманах провоцируют это манипулирование. С другой стороны, на такое манипулирование наталкивают мальчиков распространенные среди них опыты при мочеиспускании. Но и манипулирование в карманах, и опыты при мочеиспускании, судя по моим материалам, наиболее характерны для предпубертального возраста, и наблюдаются ли они раньше старшего дошкольного возраста, т. е. раньше 4—5 лет, мне неизвестно. Фрикционный же опанизм у малышей-мальчиков настолько распространенное явление, что, даже случайно соприкасаясь с ними, можно нередко увидеть лежащего на животе и трущегося малыша или азартно, как бы в игре (как бы „приставая“) трущегося о взрослого. Осмотр белья такого малыша после того, как он „затих“, т. е. когда акт кончился, ясно демонстрирует следы бывшего опанирования вплоть до обмачивания, которым нередко заканчивается оно в этом возрасте.

Если различать опанизм, как простой физиологический акт, сопровождающийся элементарным чувством удовольствия, от психологически более сложного опанирования, сопровождаемого эротическими образами, то несомненно элементарный характер опанизма в самом раннем детстве. Когда же он у мальчиков переходит в более сложную форму, я затрудняюсь сказать с полной определенностью. Но, кажется, что и здесь мальчики запаздывают сравнительно с девочками. По крайней мере, в женских воспоминаниях, относящихся к 4—6 годам, я не раз встречал указание, как эротическая

сцена натолкнула их на онанизм, тогда как в мужских воспоминаниях из этого возраста я не находил таких указаний: в них всегда говорилось только о самой процедуре, о самом акте.

III. Анализируя воспоминания женщин о сексуальных переживаниях в предпубертальном детстве, я нашел, что в них лишь четвертая часть сильных сексуальных впечатлений имеет примитивно-чувственный характер, остальные же имеют своим содержанием поцелуй и любовь. Совершенно иное содержание в данном возрасте дают воспоминания мужчин—как-раз обратное.

Чем же это объяснить? Мы уже подготовлены исследованием о сексуальных переживаниях девочек к утверждению, что в норме половое влечение пробуждается только в возрасте полового созревания и проявляется в форме любви; лишь в результате эротизирующих влияний среды половое влечение пробуждается преждевременно, и тогда, вследствие сравнительно примитивной психологии ребенка, оно фигурирует в примитивно-чувственной форме. То же мы видим и у мальчиков. Но так как мальчики в половом отношении созревают позже девочек, то отсюда получается, что в раннем школьном возрасте мы находим у мальчиков сравнительно меньшее количество влюблений и связанных с ними переживаний и поступков, чем у девочек. Таким образом, в тех случаях, когда у них в этом возрасте имеют место сексуальные переживания, последние проявляются часто в примитивно-чувственной форме. Онанизм, сексуальные разговоры, эротические картины, подсматривание, сексуальные игры и половые сношения—вот примерно те виды сексуального поведения, которые мы находим в соответствующих мужских воспоминаниях. Онанизм в этом возрасте имеет уже сложное психологическое содержание: процедуры сопровождаются не только удовольствием, но и эротическими образами или эротизирующими зрелищами. Таким образом, в этом возрасте схема такова: эротизирующая реальная или представляемая картина—опанизирование-удовольствие. Всякого рода реальные эротизирующие зрелища или картины очень сильно стимулируют опанизирование. В начале данного возраста это скорее какие-нибудь виденные реальные эротизирующие сцены, а ближе к половому созреванию начинают заметно фигурировать и эротические картины. Соответственно этому в сексуальном поведении такого мальчика начинает играть

заметную роль подсматривание различных эротизирующих ситуаций (раздевание, купание лиц другого пола и т. п.) и— несколько позже—также стремление смотреть эротические картинки. Все это используется им чаще всего как стимул к онанизму. При отсутствии реального такого стимула роль его восполняет соответствующее воспоминание. Комбинирующее воображение, играющее большую роль в более взрослом возрасте, пока фигурирует еще слабо, несравненно слабее, чем, например, в разговорах на сексуальные темы в этом возрасте.

В собранных воспоминаниях имеются указания, что какая-либо виденная эротическая ситуация или даже (и притом чаще) картина очень сильно стимулировала к учащенному онанированию. Еще чаще она оказала длительное, измеряемое годами, влияние на содержание и характер онанистического воображения. Как правило, онанирование обычно совершается строго конспиративно и скрывается даже от товарищей. Но имеется ряд случаев, когда онанировали в присутствии товарищей и даже совместно. Последнее, судя по воспоминаниям, чаще всего случается тогда, когда один научил другого.

Сексуальные разговоры в этом возрасте уже имеют место но еще далеко не так часты, как в подростковом. По содержанию, эти разговоры чаще всего сексуально—„просвещающие“: более осведомленный в сексуальном отношении передает свои познания в этой области своим товарищам. Насколько удалось выяснить из воспоминаний опрошенных мужчин, так получившееся их „половое просвещение“ обычно состояло в следующем: усвоение вульгарно-цензурных названий половых частей, ознакомление с внешним видом женских половых частей, в чем состоит онанизм и совокупление, как родится ребенок. Для этих разговоров характерно как бы щеголяние знанием циничных выражений и употребление их в брани. Чем невоспитанней и безнадзорней данная детская компания, тем в более циничном и в то же время в более привлекательном виде преподносятся сексуальные рассказы. Для них типичен их соблазняющий характер, а товарищ-просветитель сплошь и рядом оказывается товарищем-соблазнителем, развратителем. Соблазнение осложняется еще тем, что в разговорах „просветитель“ обсуждает степень сексуальной доступности знакомых девочек, и если у него уже имеются какие-либо связи с ними в этом отношении, предлагает воспользоваться ими и своему товарищу. Ревность в этом возрасте, как правило, отсутствует. Она

имеет место лишь в том случае, если субъект лишается благодаря другому, своей партнерши.

Внимание наблюдательного сексолога не может не привлечь борьба в этом возрасте, особенно ближе к возрасту полового созревания, приблизительно в 11—14 лет. Иногда можно наблюдать шутливые жесты, как бы угрожающие половому органу товарища. Заинтересовавшись, какую роль играет сексуальное переживание в борьбе, я произвел специальный опрос по этому вопросу. Воспоминания указывали, что иногда борьба сексуально возбуждала и имела исход в онанизме как у побежденного, так и у победителя. Однако, такие случаи все же, вероятно, редки. Никаких моментов гомосексуализма при этом я не нашел. Отсутствовали обычно и онанистические представления, и таким образом акт имел скорее элементарный физиологический характер. Пожалуй, можно предположить, что стимулом здесь является общее возбуждение от борьбы и, в частности, давление.

В сексуальном анамнезе, относящемся к данному возрасту, меня поразила сравнительная частота случаев сексуальных агрессий, которым подвергались опрошенные со стороны более взрослых лиц женского пола. Формы этой агрессии были очень разнообразны, начиная с провоцирования на сексуальную „возню“—своеобразную легкую борьбу с взаимным сексуальным возбуждением и кончая втягиванием в половое общение. Поразило также возрастное разнообразие этих лиц, начиная с ровесницы девочки и кончая, например, подругой матери (в трех анамнезах из 25). Соблазнение мальчиков этого возраста (обычно ближе к подростковому возрасту) взрослыми совершенно несравнимо по частоте с тем, что я нашел в женских анамнезах: там это—очень редкое явление.

Было бы грубейшей ошибкой думать, что все вышеописанное входит в сексуальную биографию каждого мальчика этого возраста. Эти биографии в данном отношении очень разнообразны: встречаются и очень богатые сексуальным содержанием, и даже совершенно лишенные его. Как и у девочек, сказывается огромное влияние среды. Одна среда эротизирует мальчика, а другая, наоборот, оставляет его без сексуальных переживаний. Чем здоровей среда в данном отношении, тем в большей мере имеет место последнее. Но мальчики, как это с несомненностью выявляет мой материал, несравненно чаще девочек подвергаются в данном возрасте сексуальной агрессии. Среда, при прочих равных

условиях, эротизирует их более энергично. Девочка, с одной стороны, сексуально более оберегается, а, с другой стороны, реже и гораздо осторожней подвергается сексуальной агрессии, особенно со стороны взрослых. Не то с мальчиками. Старо-бытовая среда оберегала их в меньшей степени, а то даже и чрезмерно терпимо относилась к сексуальным проявлениям будущих мужчин. С другой стороны, насколько чутко относятся к приближению взрослого мужчины к девочке-школьнице, настолько чрезмерно простодушно относятся к приближению взрослой женщины к мальчику-школьнику. Последняя обыкновенно действует без всякого риска для себя. Судебная хроника почти не знает дел о развращении малолетних женщинами, а насколько часты эти случаи в жизни, это сможет проверить любой читатель этой книги, опросив о первых шагах половой жизни примерно десяток своих знакомых мужчин, конечно, если последние будут давать показания правдиво и искренно.

Как и у девочек, в этом возрасте у некоторых мальчиков уже случается влюбление. Чаще всего влюбляются в девочек, но иногда и в более взрослых женщин. Влюбленные проходят ряд стадий, начиная с дружбы или так наз. „приставанья“, причем эта начальная стадия часто бывает затяжной. В этой дружбе отмечается очень большая услужливость и внутреннее переживаемое нежное чувство. „Приставанье“ выражается обыкновенно в стремлении почаще быть вместе, провожать, писании записочек и т. п., а также в частом задевании (толкании, дразнении и т. п.). В последнем случае иногда отношение принимает внешне несколько даже враждебный характер. Конечная стадия влюбления, в случае удачи, обыкновенно поцелуй. В моем материале все описанные случаи такого раннего влюбления имели, в общем, невинный характер. Продолжительность влюбления обыкновенно небольшая. При анализе материала мое внимание обратило следующее обстоятельство: в анамнезе часто фигурировало, то как толчок к влюблению то как то, на чем концентрировалось оно, какие-нибудь качества данной особы. Чаще всего это были: звук ее голоса, цвет и форма глаз, платье или какое-нибудь украшение и т. п.

В имеющемся у меня материале я не нашел ни одного случая в данном возрасте, когда бы элементарно чувственные сексуальные переживания и любовные переживания относились у данного субъекта к одному и тому же лицу. Я объясняю это тем, что в этом возрасте обычны элементарно-чувственные

переживания периферического происхождения, тогда как любовные — центрального: первые возбуждаются внешним толчком, чаще всего тем или иным соблазном, вторые же возникают спонтанно. Будучи различными по своему происхождению, они различны и по своему психологическому характеру и потому переживаются субъектом, как различные переживания. В моих материалах обычный контекст анамнеза таков: говоря о своих грубо чувственных сексуальных переживаниях в данном возрасте, субъект дальше говорит: „Тогда же я влюбился в...“ и переходит к рассказу о своем влюблении в совершенно другое лицо.

IV. В сексуальных переживаниях подростка, наоборот, первое место занимает любовь. Так как о ранней любви в дальнейшем будет говориться специально, то в данной статье ограничимся лишь указанием, что в этом возрасте сознание разницы между любовью и голым половым влечением сплошь и рядом переходит в сознание антагонизма между ними в том смысле, что подросток уже сам активно устраняет из любовных переживаний примитивно чувственные переживания, а с другой стороны, столь же активно отрицает любовь к тем девочкам или более взрослым женщинам, с которыми у него установились примитивно-чувственные отношения, начиная с их фигурирования в его опапистических представлениях. кончая половыми связями, если последние имели место. Я подчеркиваю, что это сознание наиболее ярко в этом возрасте: в юношеском возрасте, когда половое созревание уже произошло, это сознание тускнеет, и влюбление юноши может перейти в половую связь, как и простая половая связь может осложниться любовным отношением.

Сосредоточимся на примитивно-чувственных сексуальных переживаниях подростка. Подростком условимся называть мальчика эпохи полового созревания, отличая его от половозрелого юноши. Обычное смешение, неразличение подросткового и юношеского возраста, пожалуй, нигде так не вредит, как при изучении сексуальности, так как существует огромная разница между сексуальным поведением еще созревающего подростка и уже созревшего в половом отношении юноши.

В предыдущих возрастах, как мы видели, сексуальные переживания стимулируются извне, и если нет эротизирующего, притом сильно эротизирующего влияния среды, нет и сексуальных переживаний ребенка. Не то у подростка: во-первых, он становится чутким и к сравнительно слабым

эротическим стимулам; во-вторых, он как-бы идет сам им навстречу, активно ищет их. Кроме того, у младшего ребенка однажды возникшее сексуальное переживание может заглохнуть, если не поддерживается средой, а у подростка оно имеет тенденцию сохраняться и даже развиваться дальше.

Яснее всего это видно на онанизме. В более раннем возрасте (чем раньше, тем чаще это бывает) ребенок, натолкнутый на онанизм либо периферическим раздражением половых органов, либо очень сильным сексуальным возбуждением, либо обучением онанизму, нередко бросает потом онанировать: „некоторое время после этого онанировал“, „потом отвык“, „бросил“,—такие фразы порою встречаются в собранных мною анамнезах, когда говорится о раннем онанизме. Но, с другой стороны, часто встречаются и фразы такого содержания: „занимался онанизмом с таких-то лет (называется какой-нибудь год школьного возраста) до (называется поздняя дата до брака, до сегодняшнего дня и т. д.).“

Сексуальная активность в этом возрасте состоит, главным образом, в искании эротизирующих стимулов, главным образом, зрительных. Кроме реальных явлений таковыми являются также картины. При этом такую роль играют картины и не явно эротического характера. Эротическим стимулом может быть какая-нибудь деталь, вообще говоря не эротическая, чаще всего ноги, иногда грудь и т. д.

Начинает уже заметно выступать, в качестве эротического стимула, книга, причем и здесь такую роль играют иногда сравнительно невинные фразы, так сказать доэротизируемые подростком посредством воображения: намек он может превратить, нередко даже без достаточных оснований, в целую подробную картину.

Учащаются случаи активного приставания к лицам женского пола, чаще всего к девочкам и девушкам, с сексуальной целью. Учащаются и обратные случаи—сексуальной агрессии по отношению к подросткам, гораздо более частые, чем обычно это думают.

Ребенок довольно беззащитен по отношению к сексуальным влияниям среды. Как мы видели, внутренним противодействующим фактором у него является обыкновенно лишь страх, но и тот фигурирует, как достаточно сильный фактор, преимущественно у девочек, у мальчиков же он наблюдается в меньшей степени, насколько я мог установить по своим материалам. Подросток же уже имеет сильную внутреннюю защиту против развращающих влияний среды. Это—чувство

отвращения. В моих материалах мне удалось проследить его до предпубертального детства включительно. Но в предпубертальном детстве это скорее чувство физического отвращения. В нескольких анамнезах рассказывается, как вид и запах вульвы или демонстрация товарища, соблазняющего на онанизм, вызвали резкое чувство физического отвращения (все эти анамнезы относились к 7—10 годам). У подростка же выступает уже чувство морального отвращения, притом гораздо чаще. Характерно, что моральное отвращение к подобным вещам часто совпадает по времени с влюблением в кого-либо.

Сравнение мужских и женских анамнезов, относящихся к подростковому возрасту, очень определенно свидетельствует, если подходить к ним с моральной точки зрения, не в пользу подростков-мальчиков. Одна из причин этого предположительно указана выше: любовь у мальчика-подростка обыкновенно начинается фигурировать позже, чем у его ровесниц, и потому, если имеют место сексуальные переживания, они бывают чаще элементарно-чувственные. Но среда, в случае ее старобытовых установок, обычно относится к мальчику в сексуальном отношении нередко менее бережно. Поэтому элементарно-чувственные сексуальные переживания упрочиваются и даже развиваются дальше в том же направлении. Подросток и сам меньше сдерживается страхом, и сексуальные агрессоры его также меньше опасаются. Наконец, и морально отрицательное отношение не всегда вырабатывается у него в должной мере.

В этом отношении немалую роль играют и учащающиеся в этом возрасте сексуальные разговоры. В предпубертальном возрасте сексуальные разговоры не часты, а у многих и очень даже редки, причем содержание этих разговоров скорее осведомляющее: собеседники обмениваются своими знаниями в этой области. В юношеском возрасте эти разговоры уже часты и по своему содержанию могут быть названы анекдотическими: обычно это всякого рода истории, происшествия и т. п. Сексуальные разговоры подростков и по частоте, и по содержанию занимают промежуточное положение. Но в них можно найти и специфическое: их отчасти можно назвать установочными в том смысле, что эти разговоры часто содержат определенную установку к тому, что в них сообщается—положительную или отрицательную (осуждение, хвастовство, похвальба и т. п.).

V. Психология любви

Насколько большую роль играет любовь в жизни, настолько малое внимание уделяет ей психологическая наука. От этого страдает и жизнь и наука. В жизни любовь, как малоопознанное явление, скорее в качестве стихийной силы владеет человеком, нежели повинуетя ему. В науке, мало изучая столь основное переживание, мы тем самым лишаем себя необходимейших материалов для разрешения ряда основных проблем, относящихся к психологии потребностей, влечений, стремлений, чувств, эмоций и т. д.

Предлагаемая работа основана главным образом на материале, полученном мною на 36 лицах (взрослые интеллигенты—поровну мужчины и женщины), подвергшихся мною соответствующим обследованиям—опросам и экспериментам, о которых речь будет ниже. Добавочным материалом служили те данные о любви, которые я находил в моей коллекции юношеских дневников и в другой моей коллекции воспоминаний взрослых о своей сексуальной жизни до ранней юности включительно.

I. Просматривая юношеские дневники, можно подметить в них своеобразную закономерность. Вот в некоторых из них появляются жалобы на неудовлетворенность, тоску и одиночество. Эти жалобы как бы предвестники особого состояния, которое можно назвать потребностью в любви. С уверенностью можно предсказать, что, спустя некоторое время, в том же дневнике появятся страницы с выражениями этой потребности. Для иллюстрации этой потребности приведу несколько строк из дневника одной 17-летней девушки: „О какая ужасная тоска! Бежать скорее из этого омота! Бежать далеко в прекрасную чудную страну, где жизнь труда подслащена чувством любви и красоты!“ „Любить своего друга жизни и быть любимой... Но кого!.. Кого любить?... Ведь это так необходимо“. Подобных записей можно привести сколько угодно.

В огромном большинстве случаев и у взрослых можно констатировать возникновение потребности в любви, предшествующее фактическому влюблению. Вот для примера одно из ярких описаний такой потребности в любви: „Весной я переживал вторую молодость: сладкая весенняя меланхолия и какая-то беспредметная влюбленность. В кого? Буквально каждая интересная женщина вызывала у меня непродолжительную, почти мгновенную влюбленность. Летом служебные неприятности отвлекли меня. Развилась ужасная тоска. И тогда любовные настроения вернулись опять, но уже тяжелые, мучительные. Я томился и страдал от жажды любви“. Дело, как и следовало ожидать, кончилось влюблением.

В большинстве случаев возникновение потребности любви с ее спутниками—неудовлетворенностью, тоской, стремлением к любви—явно предшествует фактическому влюблению. Но иногда в своем анамнезе испытуемые отрицали это, утверждая что влюбление было для них неожиданностью, что ему не предшествовала потребность в любви. Однако, более углубленный анализ и здесь обнаруживал все ту же картину. Привожу для примера из моего материала два наиболее неясных случая. А. Б., женщина 31 года, замужняя, неожиданно для всех, в том числе и для себя, влюбляется в своего сослуживца. Однако, расспросы о ее семейных отношениях обнаруживают, что уже за год—полтора до этой „неожиданности“ у нее появилось недовольство мужем и домашней жизнью, а с другой стороны, увлечение любовными романами и разговорами о „настоящей“ любви. В другом случае С. Д., ревнивый муж жены-кокетки, „вдруг“, „внезапно“ влюбляется в одну девушку. Расспросы обнаружили, что кокетство его жены, совершенно при этом забросившей его, сильно возбуждало в нем желание любви, которое оставалось без удовлетворения: „Я все время думал о любви и о том, как хорошо быть любимым“. Так везде и всегда в моем материале любви предшествует потребность в любви, более или менее заметная „жажда любви“, подобно тому, как у голодного потребность в еде, голод, предшествует еде и у жаждущего потребность в питье, жажда, предшествует утолению жажды, самому питью.

Общезвестный факт, что возраст полового созревания в то же время возраст любовной жажды и влюблений. Что касается взрослых, то в моем материале 12 женщин из 18 определенно заявили, что обострение потребности в любви у них совпадало с менструациями, а 10 мужчин из 18 заме-

чали в это время учащение эрекций. Это дает основание говорить о физиологической причине возникновения потребности в любви.

Сильный голод вызывает сильное стремление к еде и интенсивное утоление голода: голодный жадно ест. Нечто аналогичное мы видим и в любви: сильная потребность в любви вызывает сильное стремление к любви и сильное, бурное влюбление, но в моем материале я не обнаружил никакой связи, ни прямой, ни обратной, между сильной потребностью в любви и постоянством, длительностью последующего влюбления. Также не было обнаружено связи между бурностью и длительностью влюбления.

II. Итак, готовность влюбиться предшествует самой любви как у голодного потребность в еде, голод, предшествует еде. Иначе говоря, любовь, как общее беспредметное еще настроение, предшествует любви, как специфическому отношению к определенному лицу. Последнее, т. е. влюбленность, возникает лишь тогда, когда есть такое лицо. Но почему влюбляются именно в этого, а не в другого человека?

На первый взгляд как возникновение, так и исчезновение любви кажется совершенно случайным, абсолютно необъяснимым, и, например, поэт Fr. Palm в стихотворении „Mein Herz, ich will dich fragen“ ведет такой диалог со своим сердцем:

Und sprich, woher kommt Liebe?
„Sie kommt, und sie ist da!“
Und sprich, wie schwindet Liebe?
„Die war's nicht, der's geschah!“

Но научная мысль, конечно, не мирится с подобной необъяснимостью. И мы уже знаем, что любовь появляется не вдруг, но имеет определенное продромальное состояние (потребность любви) и, при известной зоркости, может быть с известной вероятностью предсказана. Точно также оказывается, что нет ничего необъяснимого и непонятного, почему влюбляются в одно лицо, а не в другое.

Я провел со своими испытуемыми, с каждым в отдельности, два сеанса. Во время первого я производил опрос в такой форме: мужчина (женщина) какого роста Вам больше всего нравится? А еще что Вам нравится? Еще? Какая черта характера? Еще? Результаты этого первого сеанса были удивительно единодушны. Все опрошенные женщины указывали на высокий рост и представительную фигуру, а также

на силу в различных проявлениях ее (физическая сила, или сильный характер, или сильный ум, или импонирующее общественное положение) и на внимательное отношение со стороны мужчины. Все опрошенные мужчины заявили, что они предпочитают красивых женщин, причем при расшифровке признаки красоты обычно совпадали с признаками здоровья; также все подчеркнули, что в женщине их отталкивает сварливость.

Единодушные ответы свидетельствуют, что в данном случае мы имеем дело с проявлением не индивидуальной, но родовой черты. Иными словами мы имеем дело с инстинктивным „родовым“ любовным вкусом. У женщин этот инстинктивный половой вкус может быть формулирован так: ухаживающий сильный мужчина. У мужчин это покладистая здоровая женщина.

Если бы существовал инстинктивный половой вкус, было бы сравнительно однообразие влюблений. Но на самом деле этого нет: не только разные люди влюбляются в лиц разного типа, но нередко один и тот же человек влюбляется во время своей жизни в совершенно различных людей. Однако и в этом, с первого взгляда, столь пестром разнообразии должна, конечно, существовать определенная закономерность. С целью выяснения этой закономерности я подвергал своих испытуемых второму сеансу, во время которого допрашивал их о фактически бывших их влюбленностях, причем просил давать описание предмета влюбления и характера самого влюбления.

К счастью для меня первая женщина, подвергшаяся опросу о ее фактических влюблениях, имела таковых значительное количество (11). Это дало возможность уловить известную закономерность их. Записывая ее сообщения, я стал замечать что, в ее описании повторяется ряд черт. Это натолкнуло меня на мысль о классификации ее объектов. Оказалось довольно легко разбить все объекты любви на две группы. К первой принадлежали высокие представительные мужчины, веселые, лишь немного старше ее, обычно усиленно за ней ухаживавшие. Легко заметить, что мужчины этой группы соответствуют инстинктивному родовому вкусу женщины к ухаживающему сильному мужчине. Наоборот вторую группу объектов ее влюбления составляют худощавые, невысокого роста, с мягким характером, значительно старше ее. „Я не чувствовала себя свободной. Любовь была более серьезной, напряженной, иногда мучительной“. Я прошу ее

описать ее отца. Оказывается, ее отец, которого она сильно любит и до сих пор,—невысокий худощавый брюнет, с мягким слабым характером. Таким образом, налицо дуализм инстинктивного родового и приобретенного в детстве любовного вкуса: эта женщина в своих многочисленных романах все время ищет, с одной стороны, сильного самца, а с другой отца, причем ей не удалось синтезировать эти два образа.

Но дуализм вовсе не обязателен. Г. Д., литератор, 42 лет. С 22 до 36 лет жил по любви с первой женой, бросившей его. Затем влюбился в другую, на которой сейчас женат. Она ему напоминает первую жену. Сейчас он влюблен в сестру жены, которая, по его выражению, „как-бы улучшенное издание жены“. Все любимые им женщины имеют основные черты, как оказалось, те же, что и его мать, только они были гораздо полнее, здоровее и выше. Можно сказать, что он всю свою жизнь любил „материнский тип“, евгенически коррелированный „родовым типом“ здоровой самки.

Из моих 36 испытуемых 22 в своих романах сочетали так или иначе „родовой“ и „родительский тип“. Обычно это был как в только что сообщенном случае, „родительский тип“, коррелированный „родовым“. Гораздо реже в той или иной степени это был дуализм этих обоих типов. Словом, получалась более или менее удачная амальгама двух любовных вкусов, инстинктивного и приобретенного.

Но сводить во всех случаях приобретенный любовный вкус к влиянию „родительского типа“ было бы неверно. Х. У., 32 лет, учитель. В детстве был соблазнен подружкой матери, имел с ней связь до 14 лет и с тех пор влюблялся исключительно в пожилых женщин. Женится 20 лет на женщине 36 лет. Брак был ужасен. С тех пор исцелился от страсти к пожилым женщинам. В другом случае фигурирует дядя, часто приходивший в семью и сажавший девочку к себе на колени, причем целовал ее в губы своими сочными яркокрасными губами, что производило на нее сильнейшее впечатление. В результате „я сейчас люблю мужчин исключительно такого типа“. В третьем случае фигурирует мальчик, друг ранних детских игр, в том числе сексуальных: „Тогда мне было стыдно, но очень приятно. Я до сих пор люблю мужчин похожих на него“. Так вместо родителя может иногда (гораздо реже) фигурировать и другое лицо, причем в моем материале это всегда был человек, причинивший в раннем детстве очень сильное и очень приятное сексуальное переживание.

У 5 лиц я встретился с тем, что назвал бы психологическим (не психопатологическим) фетишизмом. Так как анализ всех этих случаев дает однообразные результаты, то я ограничусь лишь одним примером. П. Р., служащий, 48 лет. Ему нравятся спокойные ласковые женщины, с большими голубыми глазами и вполне определенной прической с тонкой рукой с просвечивающими „голубыми жилками“, в блестяще-лакированных закрытых туфлях на низких каблуках. На всех этих деталях он очень останавливается при опросе его. Это его „идеал“, притом настолько сильный, что он сразу влюбляется в обладательницу хотя бы одного-двух из вышеназванных свойств. Он влюбляется скорее в эти качества, чем в саму обладательницу их. Поэтому увлечение обычно сменяется разочарованием, поскольку другие качества данной женщины, непривлекательные для него, с течением времени становятся все заметнее. Я подвергаю его ассоциативному эксперименту с последующим опросом. На слово „рука“ он реагирует словом „гладить“ и в дальнейшем сообщает, что ему вспомнилась сначала массажистка, массирувавшая его в годы отрочества, а затем мать, в раннем детстве усыплявшая его такой лаской; нетрудно тогда догадаться, что поэтическая „тонкая рука с голубыми жилками“ на деле оказывается реминисценцией несколько венозной старческой материнской руки. Выясняется также, что нравящиеся ему глаза и прическу имела женская головка на картине в родительском доме, которой все окружавшие восхищались как очень красивой. Наконец, на „лакированные туфли“ он реагирует словом „калоши“ и последующее обследование выясняет, что самое раннее сексуальное воспоминание — прислуга, в мокрых калошах на босу ногу моющая пол, и он лежащий на полу и подсматривающий: возможно, что при этом он онанировал, так как прислуга, подняв его с полу, смеялась, что он „мокрый“, и впоследствии он любил онанировать, лежа на полу около новых женских калош. Итак он своим фетишистским влюблением как бы говорит: я люблю женщину, прическа и глаза которой, как мне внушено в раннем детстве, замечательно прекрасны, которая успокаивает меня той лаской, какой обыкновенно успокаивала меня, лаская, моя мать, и которая будит в глубинах моей памяти сильнейшее сексуальное впечатление раннего детства.

Таким образом, влюбление данного субъекта в определенное лицо вовсе не оказывается беспричинным, необъяснимым.

Любовный вкус образовывается в результате действия известных причин: с одной стороны, это инстинктивная половая тяга к сильному или здоровому представителю другого пола; с другой стороны, это образ родителя, который детьми обычно сильно идеализируется; в третьих, это внушения среды, следование ее вкусу; наконец, это человек, который первый дал очень сильное и приятное сексуальное переживание. В конечном результате получается своеобразный сплав: иногда более цельный, иногда более мозаичный любовный вкус данного субъекта.

С этим связывается столь обычная в любви идеализация любимого человека. Эта идеализация на самом деле вовсе не так нелепа и неосновательна, как это не редко кажется с первого взгляда: предметом инстинктивного родового вкуса является физиологически полноценный человек другого пола, родитель для ребенка также обычно совершенный человек. Таким образом, влюбленные вызывают действительно идеальные (с точки зрения рода, среды, социальных установок, ранних детских впечатлений) качества. Этим объясняется также, почему любимый обыкновенно кажется красивым.

В известном смысле каждое влюбление в большей или меньшей степени является фетишистским, так как внимание влюбленного фиксируется на этих действительно для него идеальных качествах, тогда как остальные качества фигурируют на заднем фоне, оказываются вне поля внимания. Впрочем, это не совсем точно. Сильное чувство, как известно, является очень мощным ассоциативным фактором, и потому, в силу законов ассоциации, становится любовным возбудителем и прочее, что связано с предметом влюбления. Таковым является, в одну из первых очередей, имя его, как то, что очень сильно ассоциировано с личностью любимого человека:

Tout ce que la pensée a de plus doux encore,
O lyre, est moins doux que son nom
(V. Hugo. Sonnet).

Таковым являются также его фотографии, части одежды, всевозможные сувениры, его манеры, жесты, различные черты его личности и характера. „Я сознаю его недостатки, но они не имеют для моей любви никакого значения. Я люблю его со всеми его недостатками“ — так выразилась одна из испытуемых, и тот же смысл выразил ряд фраз многих других.

Характер любовного вкуса, любовного „идеала“ сильно влияет на характер любовного отношения. Мой материал недостаточен для того, чтоб детализировать только что высказанный несомненный тезис в виде строго научных точных положений, но в порядке общих эмпирических впечатлений кое-что, все же, можно детализировать. У большинства любовный идеал был амальгамой родового инстинктивного вкуса и родительского образа, и, в соответствии с этим, их отношение к любимым субъектам было, насколько это возможно было установить, амальгамой сексуального и „детского“ отношения. „Детским“ отношением я называю такое отношение, для которого характерны послушание, стремление угодить, отношение как к авторитету и в то же время нежность, своеобразная похожая на детскую ласковость. Это „детское“ отношение иногда выступает настолько ярко, что влюбленный (в том числе и мужчина) частично начинает даже внешне вести себя как ребенок в смысле манер, обращения, речи и т. д., и называние его партнером „деточкой“ в этом смысле до известной степени соответствует действительности. Наконец, вполне твердо удалось установить, что те черты „любовного вкуса“, которые обязаны своим происхождением сильнейшим и в то же время приятным сексуальным впечатлениям раннего детства, являются во время любовных отношений очень сильным эротическим стимулом.

III. Каковы внешние наиболее легко доступные постороннему наблюдению проявления влюбленности? Я попытался подойти к решению этого вопроса эмпирически. Для этой цели я избрал одну женщину С. Т., 31 года, учительницу, явно для всех без особого стеснения увлекавшуюся на месте службы своим сослуживцем NN. Имея возможность непосредственно наблюдать ее, я сперва записал свой ответ на вопрос, в чем, по наблюдениям со стороны, состоят проявления ее влюбленности, а затем подробно расспросил четырех других наблюдателей о том же. Затем была произведена сводка этих наблюдений.

В результате получился следующий симптомокомплекс доступных постороннему наблюдению проявлений влюбленности: 1) стремление к возможно большему общению с любимым человеком, 2) возбуждение и оживление при появлении его, 3) повышенная чуткость и зоркость к нему и ко всему, что ассоциировано с ним, 4) сужение мыслей на нем и на возможностях сближения с ним, 5) эмоциональный тон раз-

говора с ним или о нем, 6) послушность по отношению к нему, 7) идеализация его, 8) до известной степени идентификация с ним, выражающаяся в вражде к его недоброжелателям и сочувствии к нему в его удачах и неприятностях.

Но насколько эти внешние проявления влюбленности специфичны? Возьмем какого-нибудь алкоголика в обстановке, сравнительно мало стесняющей его, и посмотрим, насколько в его поведении обнаруживаются вышеперечисленные внешние проявления любви. Как влюбленный стремится к любимому и возбуждается и оживляется при появлении его, так и алкоголик стремится к алкоголю и оживляется при виде его. Как влюбленный интересуется всем, что относится к любимому и постоянно думает о нем, так и алкоголик все время думает о выпивке и повышенно чуток и зорок ко всему, что относится к ней. В нестесненных условиях его любимая тема — выпивка, причем, кроме содержания, характерен самый тон речи, очень эмоциональный. Характерны также его безволие, своего рода послушность по отношению к алкоголю и нередкая идеализация последнего. Таким образом, почти все внешние проявления любовного стремления наблюдаются и у алкоголика по отношению к алкоголю. О нем можно сказать, что он любит алкоголь. Также можно сопоставить любовь с стремлением к пище голодного и со всяким иным стремлением. В своих внешних проявлениях любовь выступает как стремление, и, с этой точки зрения вполне правильно говорить о любви, как о стремлении, как об эресе.

Любовное стремление регулируется двумя типично сердечными чувствами — тоской (при отсутствии или потере любимого субъекта) и счастьем (при сближении с ним). С этой точки зрения, завзятый рефлексолог, пожалуй, определил бы любовь как рефлекс с экзорцепторов на сердце. Во всяком случае любовная лирика полна упоминания о сердце. Но характерные для сильной тоски сердечная боль, стесненное дыхание, мимика боли и ряд симптомов обмирания (бледность, похолодание кожи и т. п.) дают основание предполагать, что, с генетической точки зрения, первоначальной причиной тоски было разрушение жизни, проявляющееся в расстройстве основных жизненных функций — сердца и дыхания: с генетической точки зрения, „классическая“ тоска — смертельная тоска. Такое понимание тоски делает понятным, почему несчастная любовь, сопровождаемая, как правило, сердечной болью и тоской, дает чувство отсутствия, лишения жизни и возбуждает ассоциации, связанные с смертью и самоубийством.

Счастье, как и тоска, характеризуется, в первую очередь сердечно-дыхательными явлениями, но только совершенно обратными: спокойное сердце, свободное дыхание. Ряд характерных для счастливого состояния явлений — горячее, покрасневшее лицо, теплая кожа, посветлевшие глаза с суженными зрачками, медленный пульс, — являются ваготоническими явлениями, т. е. явлениями со стороны того отдела вегетативной нервной системы, который связан с анаболическими процессами, процессами ассимиляции, восстановления живого вещества. С этой точки зрения счастье можно назвать чувством полноты жизни, и именно для счастливой любви характерно такое чувство полноты жизни. В этом отношении глубоко психологично восклицание В. Гюго:

Laisse-toi donc aimer! — Oh! l'amour, c'est la vie
и стих Гофмана Фаллерслебена:

Die Liebe, nur die Lieb'ist Leben!

Кто из влюбленных не называл любимого своей „жизнью“!

Так с самого начала любви влюбленный оказывается перед альтернативой: сердечная боль, тоска, чувство лишения жизни при отсутствии или потере любимого субъекта и счастье, чувство полноты жизни при общении с ним. Эта альтернатива регулирует любовное стремление, эрос в сторону максимального сближения с любимым.

Мои испытуемые категорически отрицали наличие возбуждения в половых органах на первых этапах любви. Все они единогласно утверждали, что такое возбуждение появляется далеко не сразу, и ему определенно предшествуют „сердечные чувства“, которые, действительно, фигурируют с самого начала. Это дает право рассматривать возбуждение половых органов как вторичное, не первоначальное состояние. Если так, то так наз. платоническая любовь (в полном смысле этого слова) есть любовь, остановившаяся на первичной — „сердечной“ — стадии.

Однако на последующих этапах любовного сближения, уже сравнительно близких к непосредственному физическому соприкосновению, появляются своеобразные явления в половых органах. Мои испытуемые сообщали, что в этих ситуациях они испытывали приятное чувство в половом органе, сопровождаемое медленно нарастающей эрекцией, а иногда и незначительной секрецией (*Urethrorrhoea libidinosa*). На вопрос, какой момент *coitus'a* это чувство напоминает, отвечали: „пожалуй,

самый первый момент после coitus'a, когда после возбуждения наступает состояние довольства и блаженства". Этот ответ дает возможность определить данное состояние как предвосхищение конечного наслаждения, как „Vorlust“. По мере развития сближения это состояние, это „Vorlust“ становится все более доминирующим, но при этом, однако, и эрекции становятся все более сильными, частыми и длительными, сопровождаясь все чаще болью в пахах и яичках. Приятное чувство в половом органе как бы предвосхищает конечное наслаждение. Vorlust все более осложняется болью. Mutatis mutandis то же происходит у женщин.

Теперь возможно представить весь путь любовного стремления, эроса. На этот путь человек становится, побуждаемый потребностью в любви и возбуждаемый „идеальными“ качествами любимого субъекта. В начале альтернатива этого пути — или счастье, чувство полноты жизни при общении с этим субъектом, или сердечная боль, тоска, чувство лишения жизни при отсутствии или лишении его — заставляет стремиться к максимальному общению с ним. И здесь новая альтернатива: с одной стороны, Vorlust конечного полового наслаждения, с другой стороны — боль в половых органах направляют влюбленного к финаду любовного стремления. Выражаясь образно, так природа одновременно побуждает счастьем и наслаждением идти по определенному пути и препятствует тоской и болью сходить с него.

IV. Всякому известно, что любовь сильно изменяет всю личность. Но как? Нельзя ли и здесь установить известную закономерность?

„Все свободное время я провожу в грезах о ней. Я очень живо представляю ее образ. Во мне как бы звучит ее голос“, — это высказывание одного из испытуемых довольно ярко описывает типичную для влюбленных мечтательность. Рассудочное логическое мышление уступает место мечтам, доходящим почти до эйдетического грезерства. Но эйдетическое мышление, как мы знаем, примитивнее рассудочного. Что влюбленность — ярко эмоциональное состояние, доказывать, конечно, не приходится. Надо лишь подчеркнуть, что прикосновение к любимому лицу, звуки его голоса, вид его воспринимаются особенно аффективно, иными словами, чувственный тон соответствующих осязательных, слуховых, зрительных восприятий выступает на первый план. Ощущение как бы становится чувством. Это дает основание предполагать, что чувствитель-

ность в данном отношении становится протопатической, т. е. более примитивной.

Рациональная стратегия любви присуща скорее обольстителям, чем влюбленным. „Это произошло совершенно неожиданно“, „не наша воля, но фатум влек нас друг к другу“, „я совершенно не рассуждала“, — подобные высказывания пестрят в показаниях, особенно женщин, которые чаще всего указывали на следующие три состояния: „была полна только чувством“, „была как в полусне“, „не в силах была противиться“. Как раз на последнем этапе любовного сближения эти иррациональные моменты особенно выступают.

Любовная послушность до известной степени напоминает гипнотическое состояние. По показаниям мужчин, женщины в решающие моменты любовного сближения не редко производят впечатление каких-то обессиливших, расслабленных, действующих точно в трансе, да и показания женщин подтверждают то же: „не в силах была противиться“, „не в силах была отодвинуться“, „хотела отнять руку, но не могла“, и т. п. Но и у мужчин, правда менее сильно, мы наблюдаем повиновение, исполнение желаний, а иногда и очень яркую послушность.

Сужение внимания и мыслей, почти эйдетическое грезерство, повышенная эффективность и протопатическая чувствительность, послушность и безволие, своеобразная адинамика и полудремотное состояние, — все это говорит о снижении сознания на более примитивный уровень, об ослаблении гемонии коры.

Художественное творчество, в частности музыкальное и поэтическое, имеет свои корни в бессознательном, и это общее лоно сближает его с любовью. Общеизвестно, какую роль играют мотивы любви в поэзии и в музыке, и как любовь стимулирует творчество. Очень интересно показание одного моего испытуемого. Он никогда не бывший поэтом по профессии, писал стихи в своей жизни только в эпоху полового созревания и первой любви... и спустя 20 лет после этого, когда снова очень сильно влюбился: „верней, они сами рождались во мне“, и он, который обычно не мог написать и строфы из-за неумения подбирать рифмы, сам тогда удивлялся, как стихи и рифмы появлялись сами, легко, „*Amare et sapere vix deo comediatur*“, говорили древние римляне, и еще на нашей памяти велась дискуссия на тему, есть ли любовь — патологическое явление или, как выражался Фере, безумная любовь — любовь безумца. Любовь растормаживает

такие функции, как аффективность, грезерство, непроизвольную волю, эмоционально-инстинктивное проявление бессознательного, и тем самым низводит влюбленного на более низкий уровень сознательной жизни; почти всякий сильно влюбленный говорит о своей „безумной“ любви. Однако, вряд ли можно считать патологическим такое состояние, когда индивидуум, регулируемый чувством жизни, ставится на службу жизни. Если это — безумие, то — аналогичное безумию сильно жаждущему воды. Это — вполне естественное поведение, в котором нет ничего патологического. Наоборот, любитель телеологии мог бы найти много „целесообразностей“ и в расторможении аффективной протопатической чувствительности, благодаря чему счастье и наслаждение любви переживаются гораздо полней, сильней, и в выступании на первый план таких явлений, как грезерство о любимом субъекте, идентификация с ним и послушность по отношению к нему, благодаря чему обеспечивается, в случае взаимной любви, максимальная общность интересов и максимальная солидарность любовной пары, и в „родовом“ любовном вкусе к сильному самцу и здоровой самке и в „приобретенном любовном вкусе“ к идеальному человеку, евристическое значение каковых вполне очевидно. Так любовь намечает дорогу к производству возможно лучшего потомства („идеальный партнер“) путем, создающим общность интересов и возможно большую солидарность поведения любовной пары и дающим каждому из партнеров максимальную способность чувствовать счастье и наслаждение.

Но мы не телеологи и не собираемся выискивать исключительно только целесообразное. Любовный вкус может быть „испорчен“ влияниями несовершенной среды и потому может быть направлен на субъекта, который, в случае взаимной любви, своими несовершенствами либо быстро разочарует, либо доставит много мучений, а в случае отсутствия взаимной любви не сможет или не захочет помочь найти благополучный выход из создавшегося положения. Отсутствие правильного воспитания, которое и сейчас в половой области крайне несовершенно и, если уже дошло до сознания необходимости половой гигиены, то все еще продолжает почти не думать о педагогической подготовке к любви, испытать которую предстает каждому человеческому существу, предоставляет все стихийному ходу вещей и „самоученичеству“ вступающим в жизнь юноше и девушке. Наконец, несовершенство брачного кодекса и общественной морали, с своей сто-

роны, осложняют положение. Все это вносит много нецелесообразного, с точки зрения индивидуума и рода, в те целесообразности, о которых шла речь выше. Эта социальная патология обуславливает много болезненного и вредного, что встречается на каждом шагу в наших историях любви, но все же это еще не психопатология.

Психопатология начнется только тогда, когда любовь овладевает склонным к психопатии субъектом. Любовь снижает и без того низкий уровень его разумного сознания. Доходящая до безудержного аффекта эмоция, превращается в безволие, послушность и неконтролируемое действительностью грезерство, доходящее порою до бреда, а также фетишистские странности, вызывающие конфликты и разочарования— вот характерные черты этой психопатической любви. Соответственно можно различать несколько разновидностей психопатической любви, которые в жизни, разумеется могут встречаться вместе в той или иной комбинации у одного и того же субъекта. Одна из разновидностей психопатической любви, притом наиболее частая, это любовь—безудержная страсть, когда влюбленный стремится к своему объекту без всякого учета объективных условий и согласия партнера, идя на какие-угодно унижения, нарушение общепринятых приличий и даже на пресупление (чаще всего в состоянии патологического аффекта). Гораздо реже приходится наблюдать патологическую любовную послушность. Описание ее мы находим изредка в психопатологической литературе. За много лет сексуально-психологических изучений я имел случай наблюдать ее только два раза (из них в одном случае это была мазохистка). Зато среди психопатологов хорошо известны случаи любовного бреда, нередкие у параноиков, маньяков и в известных стадиях прогрессивного паралича и чаще всего сочетающиеся с бредом величия или преследования.

V. Часто считают ревность обычным свойством нормальной любви. Но как-раз у психопатов, алкоголиков, кокаиновых, параноиков и страдающих сифилитическими психозами и старческим слабоумием мы находим наиболее частые и наиболее яркие случаи ревности. Нигде ревность не является столь частым явлением как именно среди них.

Обратив внимание на нередкую связь между ревностью и психопатией, я решил обследовать, как реагирует нормальный человек на „измену“. Отобрав лиц, не внушавших подозрения на психопатию, я произвел среди них опрос,

как реагировали они в тех случаях, когда любимый человек, отвечавший на их любовь взаимностью, увлекся другим. Результат был неожидан: из 43 случаев ревность определенно указывалась только в девяти случаях (для точности отмечаю, что показания в роде „слабый намек на ревность“, „мимо-летное чувство ревности“ и т. п. я не учитывал как определенное развитое проявление ревности). Гораздо чаще они указывали на такие реакции, как неприятное тя-желое чувство, тоску, угнетенное состояние, чувство униже-ния, оскорбленное самолюбие, примирение с фактом, охла-ждение и т. д. Эти данные не дают мне основания считать ревность обычным свойством нормальной любви.

Во время этих опросов я натолкнулся на два обстоятель-ства. Ряд лиц указывал на то, что возбудительницами рев-ности являются преимущественно кокетки: возбуждающе кокетничавшее поведение, притом иногда не только по отно-шению к третьему, но и к самому испыт. оказывалось силь-ным стимулом ревности, не менее (если не более), чем дей-ствительная измена. Второе обстоятельство, резко бросающееся в глаза, это то, что случившееся после сцены ревности благо-получное примирение, как правило, сопровождается обычно бурным проявлением любовной страсти со стороны ревни-вого партнера. Это его состояние нельзя назвать иным как состоянием сильнейшего полового возбуждения.

Тогда я отобрал несколько ревнивцев обоого пола, в чью половую жизнь я сумел проникнуть через сведения от их партнеров. Все они без исключения оказались сексуально очень возбуждаемыми. Очень ревнивая жена, изводящая мужа частыми и бурными coitus'ами, пожилой ревнивый муж, запрещающий жене в его отсутствии даже разговаривать с мужчинами и имеющий с нею сношения по несколько раз в день, ревнивый муж, измучивший жену частыми сноше-ниями, несмотря ни на какое физическое состояние ее — было б утомительным однообразием приводить здесь все эти случаи.

Не всякий психопат непременно ревнивец, но среди психопатов ревнивые встречаются так же часто, как и сек-суально очень возбудимые, и именно психопаты дают боль-шее количество ревнивых. Алкоголики, кокаинисты, сифи-литические парафреники, маньякальные больные, конечно, не отличаются сексуальной сдержанностью. Возможно, этим объясняется, что бред ревности именно среди них пре-имущественно в ходу. Во всяком случае люди этих категорий

в сексуальном отношении слишком определенные фигуры, и в то же время порог возбуждения ревности у них несравненно ниже, чем у нормальных: ревность вызывается несравненно менее значительным стимулом.

Кто знаком с ревностью алкоголиков, вероятно, не раз поражался порнографической разработанностью их ревнивых подозрений. Пожалуй, лишь онанистические фантазии могут конкурировать в этом отношении с фантазиями ревнивцев. Вот алкоголик Х. У. Он лежит больной от похмелья и слышит в соседней комнате смех жены, разговаривающей с няней. В его воображении вспыхивает картина лесбийской любви между ними, и он начинает кричать на них, очень детально описывая все ультрапорнографические подробности их мнимых извращений. Спустя несколько дней, опять с удивительно подробной детализацией, можно сказать, неисчерпаемой в представлении ультраэротических сцен, он рассказывает (конечно, мнимом) эксгибиционизме своей жены — перед 3-х-летним сыном. Но было бы односторонне думать, что его фантазия порнографична лишь по отношению к мнимому разврату его жены. Последняя близка к истине, жалуюсь на „развращенное воображение“ своего мужа. Это воображение изобилует вообще порнографией. Эротические картины возникают в нем удивительно легко даже при слабо эротическом стимуле, и эти картины одновременно вызывают в нем сексуальное возбуждение, и ярость.

В данном случае речь шла об алкоголике-психопате. По принципиально то же, хотя, конечно, не в такой несуразной форме сообщали мне и здоровые испытуемые о своей ревности: внешний стимул вызывал в их фантазии яркую и очень эмоционально-возбуждающую картину той или иной конкретной возможности — пусть и не грубо-чувственного, любовного сближения между партнером и третьим лицом. Двое сообщили при этом любопытную деталь: они как бы идентифицировались с партнером, как бы сами чувствовали прикосновение третьего и весь эротизм этого прикосновения, но только это чувствование эротизма его вызывало в них своеобразную раздвоенную, даже растроенную реакцию — одновременно они переживали и эротизм соперника, и предполагаемое эротическое возбуждение любимого партнера, и собственное возмущение этим.

Психология ревности слишком сложна и требует специального рассмотрения. Сообщенные нами факты приводятся лишь для того, чтобы сопоставить ревность с сексуаль-

ной повышенной возбудимостью. На этой почве легко возникают более или менее эротические картины с партнером и соперником в качестве главных персонажей. Эти эротические образы вызывают еще более сильное сексуальное возбуждение, сопровождаемое сознанием помехи, препятствия или потери возможности удовлетворить его по вине третьего лица. Так возникает ревность, как амальгама сексуального возбуждения и ярости. Но, имея очень близкое отношение к повышенной сексуальной возбудимости (любая кокетка знает, что ревность—лучший подогреватель страсти), ревность вовсе не является обычным свойством нормальной любви: в моем материале лишь около 20% реагировали ревностью на соответствующую объективную ситуацию и, с другой стороны, общеизвестно, что можно мало любить и все же ревновать. Но невозможно быть ревнивым, не будучи сексуально сильно возбудимым, и также невозможно, ревнуя, не переживать сексуального возбуждения.

VI. Первая любовь

I. Как не парадоксально звучит это, все же несомненно, что так наз. первая любовь вовсе не первая: ей предшествует ряд влюблений, правда, обычно непродолжительных и легких по силе. История Ромео, увлекавшегося Розамундой до Джульетты, то и дело повторяется. Но эти увлечения настолько мимолетны и поверхностны, особенно более ранние, что, когда я задался целью выяснить количество и начало их, эта цель оказалась неосуществимой: сплошь и рядом опрашиваемый субъект затруднялся, считать ли тот или иной эпизод влюблением, вспоминал дополнительно еще какое-нибудь или приходил к заключению, что названное им нельзя считать таковым и т. д. Словом, путались все счеты.

Влюбление подобного характера появляется обыкновенно в предпубертальном возрасте (в моем материале не было ни одного несомненного случая, относящегося к дошкольному возрасту: там отмечались лишь случаи нежной дружбы-привязанности, связанной с своеобразным ухаживанием-патронированием). Но и в предпубертальном возрасте эти случаи приходится чаще всего на вторую половину его. Вообще как-будто бы есть некоторая разница в этом отношении между младшим (7—10 л.) и старшим (10—13 л.) предпубертальным возрастом.

В первом из этих возрастов чаще всего имеется внешний толчок: детей объявляют „женихом“ и „невестой“, с ребенком в шутку флиртуют и т. п. Такой флирт, который часто, пожалуй, даже трудно бывает называть флиртом, до того он мимолетен, легок и несерьезен (иногда просто одна-две случайных фразы), исходит обыкновенно от взрослых и является причиной влюбления в них. Но иногда внешний толчок отсутствует. Однако, это чаще бывает в старшем предпубертальном возрасте.

В статье о сексуальных переживаниях девочек я привел несколько выдержек, характеризующих влюбление в этом возрасте — в мальчиков и в взрослых мужчин. Поэтому здесь

я ограничусь выдержками из мужских апамезов. Эти выдержки я нарочно приведу не из своего — русского — материала, а из материала ЭЛЛИСА, чтобы тем самым подчеркнуть, какую печать накладывает возраст независимо от среды. Вот выдержка, очень хорошо иллюстрирующая раннее влюбление до т. наз. первой любви: „10 лет он часто слушал, лежа вечером в постели, как молодая (25-летняя) дама поет за пианино; ее голос ему нравился, он влюбился в нее и желал попробовать с нею coitus. Но несмотря на это, это тайное поклонение было скорее романтическим, нежели чувственным. . . 12 лет он влюбился в девочку приблизительно того же возраста, но без чувственности и не ища у нее ничего больше поцелуев и нежных ласк. Разлука с нею глубоко опечалила его, но он думал о возврате к ней без чувственности. Годом позже он имел рыцарско-романтическую склонность к 30-летней женщине, которая с ним кокетничала и позволяла ему целовать ее. Однажды в доме друзей одна девочка приблизительно 10 лет, брюнетка, с серьезным взглядом, произвела на него глубокое впечатление. Через пять лет после этого он встретил ее снова, и оба почувствовали привязанность друг к другу. Он сделал предложение и был очень обезкуражен, когда из-за своей молодости получил отказ. Приблизительно через восемь лет после этого он женился на ней, и этот брак для обоих был очень счастлив“.

„У меня очень отчетливые воспоминания о моем детстве и я твердо знаю, что хотя я всегда был с девочками, но до 13 лет я не знал сексуальных чувств. У меня часто бывали мальчишеские склонности к более старшим девочкам, но все время без сексуальной окраски. Я обожал всех моих подруг и был счастлив получить цветочек, платочек или кусочек чего-либо от их одежды. Тогда я испытывал удивительную идеальную радость, но никогда не было ни эрекции, ни вообще какого-либо сексуального возбуждения“. — „У меня уже очень рано имелись романтические интересы к женщине. Девяти лет я мечтал о маленькой подружке по играм, которую я снова увидел в 16 лет; когда я тогда услышал, что она снова здесь, то мое сердце сильно забилося, так сильны были впечатления детства. Но в промежутке между этими двумя событиями у меня было много других романтических склонностей; нежный голос очаровывал меня. До 13 лет я по крайней мере 12 раз открывал свою будущую жену. Телесная сторона любви и роды меня совершенно не интересовали“.

Приводить выдержки из моего материала значило бы повторяться: они отличаются деталями — другая обстановка, иная ситуация, но суть все та же. Множественность случаев, отсутствие примитивно-чувственных переживаний, легкий характер влюбления, сердечные (в физиологическом смысле) переживания и мечтательность — вот что обычно выступало в соответствующих анамнезах.

II. Если эти анамнезы обычно лишь весьма суммарно говорят о самых ранних любовных переживаниях, и вспоминающему бывает нелегко вспоминать их, особенно в деталях, то совершенно иной анамнез т. наз. „первой любви“. Здесь уже не отрицается то, что это действительно была любовь, и вспоминающий обыкновенно охотно сообщает разные детали истории ее.

Обычный возраст этой „первой любви“ — подростковый: 13 — 17 лет. Поэтому ее можно смело назвать любовью подростка или любовью во время полового созревания.

Как было уже указано в статье о сексуальных переживаниях девочек, первой любви предшествует (и частично сопровождает) то, что я назвал возникновением потребности в любви. Это состояние характеризуется неудовлетворенностью и той или иной степенью сердечной тоски. Так, в связи с половым созреванием, развивается специфическое общее состояние. Оно и является основной причиной любви. О таком подростке можно сказать, что еще неизвестно, в кого он влюбится, но уже твердо известно, что он влюбится.

Таким образом, в полную противоположность сексуальным переживаниям раннего детства, толчок к которым — внешний, причина любви — внутренняя. Любовь — результат полового развития, которое является необходимой, но, конечно, не единственной причиной ее.

Уже не раз говорилось о наблюдении, что очень развитые дети сравнительно рано влюбляются. То же впечатление, в общем, получилось и у меня, хотя точной проверки произвести я не мог, так как мой материал основан был на ретроспекции. В этом факте нет ничего удивительного: интеллектуально очень развитые дети, в среднем, созревают раньше, и именно раннее половое созревание предрасполагает к ранней любви. С другой стороны, мой материал дает мне твердое основание утверждать, что у максимально тупых из опрошенных мною первая любовь была очень поздней (16 — 19 лет),

хотя у большинства их имелась уже богатая примитивно-чувственная сексуальная жизнь.

„Первая любовь“ — настолько сильное, серьезное переживание, что опрошенные без всяких колебаний называют его любовью. Однако, не сила чувства — характернейшая особенность его. Наоборот, у 90% опрошенных мною самая сильная любовь приходилась на позднюю юность (20 — 25 лет).

Первая любовь характеризуется, как это выяснилось при опросе, в первую очередь яркими сердечными (в физиологическом смысле этого слова) переживаниями. Все опрошенные буквально единогласно указывали, что чувство локализовалось в области сердца. В другой своей работе („Психологические очерки“, гл. II) я доказал, что специфически „сердечными“ чувствами являются тоска и счастье. При опросе выяснилось, что опрошенные очень подчеркивали огромнейшую роль как раз этих чувств в первой любви.

Первое, что обращает внимание, это — чрезвычайная легкость возникновения этих чувств. Буквально пустяк — какое-нибудь малозначущее слово, порою еще менее значительный жест и т. п. — вызывает их. Порог возбуждения этих чувств во время „первой любви“ очень снижается. Второе, что сильно подчеркивается, можно формулировать следующей фразой одного из опрошенных: „таких чувств я больше никогда не переживал“. На вопрос: „таких сильных?“ следовал ответ: „Нет, не в том дело“. Психологически это расшифровать возможно: дело, действительно, не в силе чувства, но в том, что оно было в большей степени чувством — специфическим внутренним сердечным переживанием.

С другой стороны „первая любовь“ обычно характеризуется как „чистая любовь“. Этим хотят подчеркнуть незначительность роли примитивно-чувственных переживаний. Многие даже очень энергично полностью отрицают роль их. Но это не совсем верно. Некоторый момент сексуального возбуждения все же имеется, например, эрекция у мужчин. Но только тот путь от влюбления к половому общению, который мы описали в предыдущей статье, говоря о любви у взрослых, — у подростка не доходит, как правило, до конечного пункта, а первые этапы этого пути, наоборот, очень затяжные. С точки зрения развития процесса любви, „первую любовь“ подростка можно считать действительно „ранней любовью“ в том смысле, что она еще не вполне развившееся явление половой психологии: это, действительно, ранняя стадия человеческой любви.

Тот же симптомокомплекс проявлений влюбленности, который мы имеем у взрослых, имеется и в данном возрасте: 1) стремление к возможно большому общению, 2) возбуждение и оживление при встрече, 3) повышенная чуткость и зоркость, 4) мечты, 5) эмоциональное отношение ко всему, что связано с предметом любви, 6) послушность и услужливость, 7) идеализация, 8) сочувствие (идентификация).

Многие анкетированные подчеркивают платонический характер первой любви. Также часто подчеркивается даже антагонизм ее примитивно-чувственным сексуальным влечениям. Указывают нередко резкое изменение сексуального поведения в лучшую сторону под влиянием влюбления.

Вообще говоря, любовь можно было бы назвать сублимированием полового влечения, если бы только термин „сублимирование“ не употребляли теперь в специфически-фрейдистском смысле этого слова. Поэтому ясней будет, если мы назовем любовь ограничением полового влечения. Последнее ограничивается хотя бы потому что компонентом любви в значительной мере является уважение, притом в сильной степени — именно в виде идеализации. Говоря о платоничности первой любви, анкетированные указывают обыкновенно, что именно уважение, преклонение, идеализация и т. п. влияют сдерживающе на их элементарное половое влечение. Таким образом, если в дошкольном возрасте внутренней сдерживающей силой по отношению к нему является страх, а в школьном и отвращение, физическое и — впоследствии, — моральное, то в возрасте первой любви такой силой является также уважение.

Неоднократно в науке ставился вопрос о взаимоотношении между *libido* и высшей интеллектуальной деятельностью. На своем материале я мог установить только два факта на мальчиках-подростках. Первый — отрицательная связь между регулярной половой жизнью и школьной успешностью. Из 25 опрошенных мною мужчин пять учились во время своего подростничества отлично, и ни один из них в этом возрасте еще не имел половых сношений ни разу; с другой стороны, из тех шести опрошенных, которые в это время плохо учились, пятеро имели неоднократные половые сношения, а шестой неумеренно онанировал. В 21 случае из 25 год максимального разгара первой любви был в то же время годом ослабления школьных успехов.

Второй факт — большая положительная связь между влюблением и лирическим творчеством, причем стихи могут быть и не любовного содержания.

Девочки-подростки обыкновенно влюбляются первой любовью во взрослых (80% всех случаев), причем нередко это — учитель. Возрастной состав предметов первой любви мальчиков-подростков оказался очень пестрым.

Для первой любви характерна ее сравнительно большая продолжительность: в моем материале она чаще всего продолжалась полтора-два года, но самый длительный случай продолжался даже шесть лет. Как правило, история первой любви в памяти субъекта оставляла глубокий, притом эмоционально-положительный след. Иногда получалось впечатлительное, что она, так сказать, тлеет и до сегодняшнего дня.

Ни разу в своем материале я не нашел указаний на отрицательное в моральном отношении влияние первой любви. Зато было много указаний на сексуально сдерживающее влияние ее (особенно у мужчин). Таким образом, она скорее оказывала морально-положительное влияние.

Я интересовался вопросом ревности в этом возрасте. На это натолкнули меня неоднократные (почти у всех) упоминания анкетированных о том, что они ревновали. Однако, более детальный опрос с несомненностью выяснил, что термин „ревность“ здесь неуместен. Я обратил внимание, что многие, рассказывая о своей ревности, то и дело говорили о том, как они завидовали. Попытка разграничить ревность и зависть не удалась мне, и обычно анкетированные соглашались, что это была скорее зависть. Таким образом, в этом возрасте, как правило, ревности, по крайней мере, в ее вполне развившейся форме, нет.

Ревность — переживание, типичное для более поздних возрастов. Так как это мое утверждение может оказаться спорным, разъясню его. Подросток видит ухаживающего за любимой им женщиной ее жениха, и он завидует ему: „с какой завистью я смотрел на него, как я хотел быть на его месте“. Другой подросток видит, как „она“ разговаривает с другим, тот смешит ее и, повидимому, нравится. Снова: „Я мучительно завидовал, почему я не умею быть таким остроумным“. Характерно, что в переживании этой зависти обыкновенно входит сознание своей неполноценности („я казался себе таким жалким“, „я жалел себя“ и т. п.) и желание быть на месте соперника, быть таким, как он и т. п. Но если мы возьмем теперь описание переживания ревности, там мы находим иное. В своих материалах о ревности я не находил ни сознания неполноценности (скорее наоборот), ни желания уподобиться сопернику (наоборот, есть желание уничтожить его, как

„презренного“, „негодяя“ и т. п.). Ревнивец воспринимает данную ситуацию не как идиллическую, желательную для себя и т. п., но как „отвратительную“, „гнусную“ и т. д., которая вызывает в нем ярость. Но самое характерное то, что в переживании ревности всегда фигурирует эротическое, часто порнографическое изображение, очень ярко рисующееся, как бы имевшиеся чувственные, похотливые переживания тех, кого ревнует субъект. Ничего подобного в любовной зависти подростка нет. Ревность взрослого скорее параноидного типа. Зависть подростка скорее меланхолична, в ней имеются упадочные настроения. Если с первой любовью связаны бывают очень яркие переживания счастья, то с нею же связаны порою и столь же яркие переживания тоски. В этом случае до известной степени можно говорить о любовной меланхолии. Два факта характерны для нее: первый — развивающееся самоуничижение (от своей неудачи в любви заключает вообще о своей негодности, ненужности и т. п.), второй — глубокое чувство тоски, сопровождающееся иногда мыслями о смерти.

Любовь слишком сложное переживание для того, чтобы можно было легко свести ее к элементарным физиологическим явлениям. Но даже подходя к ней элементарно-физиологически, было бы, мне кажется, неверно сводить все дело к деятельности только половых желез. Несомненно, созревание их играет огромную роль. Но основное, мне думается, это — то общее состояние организма, вероятней всего, биохимически обусловленное, которое вызывается созреванием этих желез. Но при этом ряд явлений и, прежде всего, сердечных явлений, наводит на мысль, что существенную роль играют не только половые железы, но и щитовидная железа. Не забудем, что уже давно (Freund, Гундобин) с несомненнойностью установили, что эта „железа растет более энергично в период полового созревания (12 — 15 лет)“. Как неправильно, говоря о психологии половой жизни подростков, концентрировать внимание только на элементарно-чувственных сексуальных переживаниях и не касаться любви, точно также неправильно, говоря о физиологии этой жизни в данном возрасте, говорить только о половых железах и упускать из виду действие щитовидной железы.

VII. Влияние детских сексуальных переживаний на половую жизнь в зрелом возрасте

Уже в собранных письменных материалах бросалось в глаза, что испытуемые, описывая свои детские сексуальные переживания, нередко упоминали о их последующих влияниях вплоть до семейной жизни взрослого. Это побудило меня заняться специально вопросом, какое влияние на сексуальную жизнь взрослых оказывают те сексуальные переживания, которые они имели в детстве.

Собственно говоря, это вопрос не новый, и в сексуологической литературе имеется очень много работы, с достаточной полнотой доказавших это влияние. Но эти работы (фрейдисты, Бехтерев) относились преимущественно к сексуальной психопатологии. В противоположность им я рассматриваю данный вопрос в обычном психологическом разрезе.

Я уже указывал в одной из предыдущих статей, что среди анкетированных мною женщин было пять, отличавшихся несомненной сексуальной распушенностью. Из их анамнеза выяснилось, что все они начали половую жизнь еще в дошкольном возрасте, практикуя и онанизм, и, при случае, половое общение с мальчиками.

С другой стороны, в ряде случаев сексуальные переживания в дошкольном детстве оставались случайным эпизодом, отделенным от сексуальной половозрелой жизни пустым в сексуальном отношении промежутком. Тем не менее, все же далеко не всегда они проходили бесследно.

1. На основании своего материала я утверждаю, что огромное значение имеет аффективный характер первого (или одного из первых) сексуальных переживаний ребенка. Иногда это не сильное в аффективном отношении переживание, иногда же — наоборот, очень сильное. В последнем случае это или резко отрицательный аффект (обычно — страх), или очень приятное чувство.

Мы уже видели, что страх у девочек возникал чаще всего, когда они становились предметом грубой сексуальной атаки со стороны взрослых или нечаянно оказывались свидетельницами непонятной, но тревожной для них сцены coitus'a родителей. Страх при этом фигурирует и в анамнезах мальчиков. Этот сильный аффект страха, судя по анамнезу, сохранялся на всю жизнь, но в ослабленной форме — в форме неприятного чувства, связанного с половым актом. В двух случаях из-за этого была испорчена брачная жизнь (оба случая — женщины).

В нескольких анамнезах (один — женский и три — мужских) фигурирует не аффект страха, но боязнь, имеющая причиной фантастически неправильное детское представление о половом акте или, точнее, о половых органах в этом акте (все эти случаи относятся к младшему школьному возрасту). Девочка боялась позорной беременности от поцелуя, двое мальчиков — боли от „сдирания“ крайней плоти при совокуплении и один — воображаемого бессилия от того, что он занимается онанизмом. Во всех этих случаях, став уже взрослыми, они питали нелюбовь к половому акту. Относительно мужчин удалось установить, что в половых общениях они избегали coitus'a, с которым у них прочно ассоциировалось неприятное чувство.

Характерно, что наказания, которым подвергались в детстве за свои сексуальные проступки анкетированные (а эти наказания иногда были очень сильными вплоть до самых жестоких побоев), никак, по их словам, не повлияли в смысле выработки отрицательного отношения к эротике.

Все же страх, точнее боязнь у многих (в легкой степени и эпизодически, т. е. не всегда) даже у всех анкетированных определенно ассоциируется с сексуальными переживаниями. На это уже давно обращено внимание исследователями. И, в частности, фрейдисты разработали немало теорий о боязни (Angst) на основе своих общих сексуологических учений. Критика этих теорий будет дана в одной из последующих статей. Здесь же я изложу свой взгляд на этот вопрос.

В своем сексуальном поведении ребенок то и дело боязлив: то он боится быть застигнутым и наказанным, то он боится встретить отпор, возмущение, и, в конечном счете, все то же наказание, то, наконец, он боится сексуальной агрессии, что с ним что то сделают, ему сильно повредят и т. п. И тогда, когда он сексуально наступает, и тогда, когда на него наступают, и даже тогда, когда он совершает различные сексуаль-

ные поступки в одиночестве, — он то и дело боится. Так образовывается нередко стойкая связь между боязнью и сексуальными переживаниями и поступками. Истолковывать эту связь в том смысле, что боязнь (Angst) сексуальна по своему происхождению, значило бы истолковывать превратно; наоборот, в данном случае сексуальность боязлива.

Уже в старых книгах нередко описывалось, что чрезмерные онанисты отличаются застенчивостью и боязливостью. Если в такой общей форме это утверждение чересчур категорично, то все же при известных условиях оно верно. Нам трудно сейчас решить, какие это условия. Вероятней всего, это — частота совершавшегося в детские годы с опаской онанизма.

По очень частым заявлениям анкетированных мужчин (реже женщин), в их взрослой жизни самые первые моменты полового наступления обычно сопровождаются боязнью в том случае, если объект этого наступления — новое лицо. Несколько анкетированных мужчин рассказывали, что, даже при начале подхода к проститутке, если она еще незнакома, они испытывают такую боязнь, которая логически никак не мотивирована, но связана с некоторым сексуальным возбуждением. От испуге, о котором шла речь в начале главы, и боязни, о которой шла речь только что, надо отличать еще страх, происходящий от неверных сексуальных теорий субъекта в результате его неосведомленности. Чаще всего эти теории — „медицинские“, когда субъект неосновательно боится либо на том основании, что это вредно для здоровья, либо потому, что неверно представляет себе соответствующие анатомические детали и детали акта. Иногда эти теории морального характера, когда те или иные сексуальные поступки самого обычного характера считаются глубоко безнравственными. Подобного рода „медицинские“ и „моральные“ страхи встречаются гораздо чаще, чем это думают, и обычное их происхождение — те или иные детские теории.

До каких абсурдов может иногда доходить дело, хорошо иллюстрирует следующий, правда, исключительный случай. Один из испытуемых до брака не имел половых сношений в буквальном смысле, но практиковал трение о тело женщины. В то же время он нередко страдал баланитом. На этом основании он считал себя венерически больным, но тщательно скрывал свою „болезнь“. Вскоре после брака его жена отнесла изменение, происшедшее в результате того, что она забеременела, к „заражению“ от мужа. Он „сознался“, и неко-

торое время их взаимоотношения были настолько ужасны, что даже по выяснении дела не смогли уже полностью наладиться.

Другой пример. Один субъект, не имея правильного представления о женских половых органах, создал себе в детстве фантастическую теорию об этом. При этой теории coitus был бы механически очень трудным. Так как в возрасте полового созревания он продолжал оставаться неосведомленным, то в эротических снах при поллюциях фигурировали именно эти неверные образы. В результате его установка укрепилась, его теория, если можно так выразиться, перенеслась в область бессознательного и обусловила, даже когда он был уже взрослым и вполне осведомленным, ряд ненормальностей в его половой брачной жизни.

II. Но далеко не всегда ранние сексуальные переживания сопровождаются страхом. Они могут быть и приятными. На одно из последствий этого мы уже наталкивались: образ партнера, доставлявшего удовольствие, входит одним из основных компонентов в т. наз. любовный вкус данного объекта. Это мы видим в статье о девочках. Но то же можно сказать о мальчиках.

В главе о сексуальных переживаниях мальчиков я неоднократно подчеркивал случаи соблазнения мальчика гораздо более старшими женщинами. К каким может это иногда вести последствиям, хорошо иллюстрирует следующий рассказ: „Когда мне было лет 13, на меня обратила внимание подруга матери. Она вступила со мной в связь. Связь продолжалась около трех лет, когда она уехала. Но с тех пор я влюблялся только в пожилых женщин. Кончилось тем, что еще студентом я женился почти на старухе. Наша совместная жизнь превратилась в сплошной ад. Это было ужасно. Наконец, я развелся. Спустя несколько лет—я женился уже на молодой. Мы и сейчас вместе и счастливы“. Уже и прежними исследователями (напр., L. Frank: Vom Liebes- und Sexualleben) отмечались подобные случаи.

У нескольких мужчин, признавших, что они иногда занимаются онанизмом и сейчас, я расспросил об их онанистических грезах. Оказалось, что в тех случаях, когда стимулом являлось не наличие восприятия той или иной реальной сцены или картины, довольно часто (не всегда) все они без исключения представляли либо какую-либо эротическую сцену из годов детства или подростничества, либо себя в роли малолетнего. В последнем случае не всегда это осознавалось ими,

и только при более тщательном опросе они обнаруживали это к своему удивлению.

Еще Бине указывал на связь фетишизма с детскими впечатлениями. Не касаясь психопатических проявлений фетишизма, остановлюсь только на одном виде фетишизма, который в этом виде настолько распространен, что его вряд ли можно считать патологическим. Я имею ввиду ногу, как эротизирующий многих мужчин стимул. Во всех подобных случаях, которые только имелись в моем материале, она, в качестве такого стимула, фигурировала уже в начале сексуальной жизни. Удалось установить при этом несколько деталей. Так, оказалось, что с ногой в этих случаях связываются обычно мазохистские представления и даже целые мазохистские истории, причем все это относится, собственно говоря, не так к ногам, как чаще к обуви: в этих представлениях и историях обычно, в качестве основных мотивов, фигурирует мотив прислуживания (одевание и раздевание и т. п.) или мотив давления (напр., нажимание или топтание ногами) или еще что-либо в этом же роде. Из детских рисунков мы знаем, что разные детские рисунки, изображающие человека, дают лишь лицо и ноги. Отсюда можно заключить о большой роли ног в детском внимании к человеку. Да это и вполне понятно для маленького существа, „вертящегося под ногами“. Понятно, почему именно ноги так стимулируют внимание малыша. С другой стороны, общеизвестно, как маленький ребенок любит возиться с обувью, упражняется в застегивании и расстегивании и т. д. Если принять во внимание, как часто он возится и играет у ног людей и как не редко, зная его пристрастие к возне с обувью, ему дают (и именно обычно женщины) застегивать и расстегивать туфли или ботинки, если обратить внимание также на то, что и при физических наказаниях наказываемой ребенок сплошь и рядом оказывается у ног, то эти мазохистские представления легко объясняются.

В качестве эротизирующего стимула фигурирует однако не только обувь, но и сами ноги, причем обычно это — икры (реже — ступни и подошва с опять мазохистским представлением). Но ведь это и есть максимально доступная для глаз ребенка часть тела. Интересно, что фетишистское отношение к ногам я ни разу не нашел у тех, кто вырос в деревне, в крестьянских семьях. С другой стороны, уж у старых авторов мы находим указания, что такое отношение к ногам особенно развито в странах, где женщины обычно скрывают свои ноги (напр., Испания). Добавляю от себя, что, судя по лите-

ратурному материалу „воспевание ножек“ процветает в эпоху длинных платьев, и самый знаменитый из подобных фетишистов жил как-раз в эпоху максимально длинных платьев. Если подобного рода фетишизм можно считать своеобразным инфантилизмом, то таким же инфантилизмом можно считать еще и другое явление в половой жизни взрослых, на которое, насколько мне известно, еще до сих пор в сексуологической литературе не было указаний. Это — сохранение у взрослых некоторых сексуальных видов поведения, характерных для детей.

Даже у тех детей, которые в детстве начали свою половую жизнь, и даже у тех из них, у которых эта жизнь была довольно интенсивной, по понятным анатомо-физиологическим причинам обычно фигурирует не *coitus*. По крайней мере в моем материале чаще всего это — либо показывание и рассматривание половых органов, либо онанирование. Среди своих анкетированных я имел возможность иметь пять женщин, состоявших в многочисленных половых связях. От них (в связи с другим моим исследованием, посвященным сексуальной жизни взрослых) я получил сведения о поведении находившихся с ними в связях мужчин. Выяснилось, что у некоторых (сравнительно редкие случаи) взрослых как-раз вышеупомянутые виды детского сексуального поведения играли непомерно большую роль (рассматривание и онанирование), так что *coitus* либо совсем отсутствовал, либо имел значение чего-то побочного.

Не трудно видеть, к чему может повести, если подобный субъект женат. В сексуологических книгах еще и до сих пор пишут о вреде онанизма для здоровья, что сомнительно, хотя бы по причине очень большой распространенности его. Я бы указал, если можно так выразиться, на социально-психологический вред вышеуказанных приобретенных в детстве онанистических привычек. Вызывая неудовлетворенность или даже отвращение у жены, они могут привести к неблагоприятной семейной жизни.

Таким образом, некоторые сексуальные вкусы и пристрастия взрослых объясняются из их сексуальной биографии в детские годы. Из нее же объясняются некоторые их сексуальные страхи и отвращения.

III. Основной тезис всего моего исследования детской сексуальности состоит в утверждении, что надо различать два типа развития полового влияния — ранний и своевременный. При раннем пробуждении полового влияния оно проявляется обычно элементарно-чувственно. Как правило, такое раннее пробуж-

ждение полового влечения происходит под влиянием среды и, значит, в результате плохого воспитания. Такого ребенка можно назвать сексуально плохо воспитанным или развращенным. Как же это влияет на его последующие любовные переживания? Иначе говоря, как развращенность ребенка отзывается в любви взрослого? Я умышленно употребляю здесь термин „развращенный“, чтобы подчеркнуть, что речь идет о ребенке, имеющем сравнительно богатую сексуальную биографию и относящемся положительно-эмоционально к своим сексуальным приключениям.

Обыкновенно в таких случаях, судя по моему материалу, получается одно из двух: либо своеобразный параллелизм любви и элементарного полового влечения, либо в любви очень сильно выступает в качестве компонента элементарное половое влечение.

Вышеупомянутый параллелизм любви и элементарного полового влечения состоит в том, что субъект ведет двойственную половую жизнь: с одной стороны, он любит, а с другой — ведет элементарно-чувственный образ жизни, в которой, в качестве партнеров, реальных или воображаемых, участвуют совершенно другие лица, а не предмет любви. Этот дуализм любви и элементарного полового влечения образовывается так: субъект с детства живет элементарно-чувственно в сексуальном отношении и продолжает жить так и дальше; в годы же полового созревания развивается иной род переживания, иного происхождения и иного характера — ряд любовных переживаний; в результате получается как бы два различных по происхождению и характеру параллельных ряда переживаний и отношений. В исследовании сексуальных переживаний подростков мы уже видели, как начинает намечаться этот параллелизм.

Характерно, что, при таком параллелизме, каждый из этих рядов как бы стремится быть максимально чистым, максимально типичным. С одной стороны, элементарно-чувственное отношение сводится к голому половому влечению (онанизм, разврат и т. п.). С другой стороны, из любви почти совершенно исчезает чувственный компонент ее. В результате получается тип онаниста или развратника, в то же время поклонника ультра-возвышенной, чуть ли не платонической любви, — тип, хорошо известный историкам быта. Останавливаться подробней на нем, поэтому, нет надобности.

Другое последствие преждевременной половой жизни — сильное преобладание в последующей любви элементарного

полового влечения. Нельзя сказать, чтобы любовь совсем отсутствовала: она бывает, но, если можно так выразиться, в недостаточно развитой форме. В статье о психологии любви, анализируя ее и устанавливая основные ее компоненты, мы нашли, что любовь, являясь высшим видом сексуального отношения человека, в то же время по своему содержанию есть как бы своеобразное ограничение полового влечения: последнее не одно заполняет все, но разделяет область сексуальных отношений с уважением, сочувствием и т. п. Но также можно сказать, что любовь является своеобразным ограничением сексуальных отношений и по объему: любят одного. Любовь моногамна, тогда как элементарно-чувственная сексуальность обычно полигамна.

Так вот, проследивая анамнез мужчин с ранней сексуальной биографией, я натолкнулся, как на переходное явление, у них на следующее: их любовные романы нередко отличались одновременно и чувственностью и нестойкостью. В сущности, наблюдение, что чувственная любовь обыкновенно нестойкая любовь — старое, достаточно общезвестное наблюдение. Ново, пожалуй лишь то объяснение, которое дается здесь этому: в таких случаях перед нами любовь, еще не совсем развившаяся, нечто вроде тех нестойких увлечений, которые наблюдаются в периоде, предшествующем т. наз. первой любви, с сильнейшим участием примитивно-чувственных сексуальных переживаний. Словом, здесь имеет место недоразвитие любви.

Так как эта точка зрения нова, то она нуждается в более детальном обосновании. Вместо того, чтобы здесь трактовать ее в контексте разных других проблем, я разовью ее специально в следующей статье. Точно также не стану я здесь писать и о влиянии детских впечатлений на любовный вкус взрослого, но уже по другой причине: об этом много говорилось в предыдущих статьях.

Окончательный вывод бесспорен: влияние детских сексуальных переживаний на половую жизнь взрослого огромно.

VIII. К критике фрейдистской теории детской сексуальности

1. В настоящее время наибольшей популярностью пользуется фрейдистская теория детской сексуальности, и даже те, которые вообще говоря, не фрейдисты, в этом вопросе нередко следуют за Фрейдом.

В предыдущих статьях не раз подвергались критике методические положения Фрейда, но эта критика производилась при случае, и сейчас следует развить ее систематически.

Перед Фрейдом стояла задача выяснить детские сексуальные переживания. Простое внешнее наблюдение, как видели, в начале данной книги, плохо справляется с этой задачей. Поэтому надо искать другой источник, как более основной. Для меня таким источником явились анамнезы взрослых. Основной метод моей работы — ретроспекция. Этот метод дает богатый материал по детским сексуальным переживаниям, но на основе этого материала никакой фрейдистской теории детской сексуальности построить нельзя. Того, что фрейдисты рассказывают нам о детской сексуальности, мы не только не можем непосредственно наблюдать на детях, но не можем подтвердить нашими воспоминаниями о своем детстве: мы не наблюдаем этого на детях и мы не находим этого в воспоминаниях о нашем собственном детстве.

Отсюда, казалось бы может следовать только один вывод: значит, фрейдистская теория, вообще несостоятельна. Но Фрейд, чтобы спасти свою теорию, опирается на ретроспекцию. Он развивает свое учение об амнезии ранних сексуальных переживаний. Это учение, в сущности, представляет собою нечто в роде следующего силлогизма: неприятное забывается, воспоминания о ранних детских сексуальных переживаниях неприятны, значит, они забываются.

Учение о забывании неприятного пользовалось признанием в психологии еще со времен Гербарта, но особенно упростилось оно в результате экспериментальных исследований

памяти, которые в лабораторных условиях обнаруживали тенденцию забывать слова с неприятным содержанием. В своей неоднократно цитированной выше работе о первых воспоминаниях детства я доказал, что эти воспоминания почти сплошь воспоминания или о неприятном, или об удивившем, но удивление, с генетической точки зрения—рудимент страха (Дарвин, К. Бюлер). Именно страх, боль, удивление и т. п.—сильнейшие мнемонические факторы. Да иначе и быть не может: если бы живое существо забывало опасное или причиняющее боль, оно очень быстро погибло бы. Если бы учение о забывании неприятного было верно, то весь животный мир, включая сюда и человека, не выжил бы и одного дня. Ссылка на лабораторные опыты ничего не доказывает: во-первых, в лабораторных условиях сильные неприятные стимулы (сильный испуг, сильная боль и т. п.) отсутствуют, и потому на основании лабораторных опытов данную проблему нельзя решать; во-вторых, в лабораторных условиях исследовали только непродолжительное запоминание, а не длительное, тогда как мной доказано, что процент воспоминаний о неприятном сильно увеличивается по мере длительности воспоминания: в воспоминаниях моих испытуемых студентов из вчерашнего дня процент воспоминаний о неприятном был всего только 18%, но из текущего года уже 38%, а из жизни до университета—64%, т. е. почти $\frac{2}{3}$. Таким образом, экспериментальное обоснование учения о забывании неприятного несостоятельно.

В своей „Психологии обыденной жизни“ Фрейд пробует обосновать это учение различными казусами, взятыми из повседневной жизни. Но, во-первых, его материал—не систематический, а казусный, и приводимые им случаи могут рассматриваться только лишь как примеры, иллюстрации его тезисов, но пример ничего не доказывает. Таким методом—подбора случайных фактов—можно доказать что угодно вплоть до тезисов, что сновиденье предсказывает будущее: если в ряде случаев мы забываем неприятное, то в ряде других случаев мы помним его, и Фрейд не доказал, что первый ряд многочисленнее второго. На одну зачитанную по забывчивости книгу, отдать которую нам не хочется, приходится масса книг, которые мы не забываем отдать, хотя отдаем, скрепя сердце. Наконец, даже те подобранные факты, которые приводит Фрейд, истолковываются им недостаточно исчерпывающе, и остается открытым вопрос, забывание ли здесь играет роль или желание, воля, интерес субъекта. Во втором случае (а вероятней всего, как-раз именно он имеет место) все сво-

дится к положению: человек стремится (сознательно или бессознательно) действовать согласно своим интересам. В его интересах бывает, смотря по ситуации, иногда помнить нежелательное, иногда забывать его. Никакого анализа таких ситуаций Фрейд не дал, а ограничился слишком поспешным обобщением: человек склонен забывать нежелательное. На самом же деле даже его подобранные примеры говорят лишь за то, что человек склонен забывать то, помнить что не в его интересах. Итак, первая посылка силлогизма Фрейда неверна. Ее надо изменить так: некоторые неприятности забываются.

Также неверна и вторая посылка Фрейда: воспоминания о ранних сексуальных переживаниях неприятны. Фрейд аргументирует это запретным характером этих переживаний. Но, ведь, как часто запретное, греховное и т. п. бывает особенно привлекательным и приятным. Далеко не все воспоминания о ранних сексуальных переживаниях неприятны. Наоборот, как подтверждали некоторые из опрошенных мною, иные эпизоды из ранней сексуальной жизни вспоминаются с большой охотой и даже временами служат материалом для эротических грез взрослого, особенно во время занятий опанизмом. Значит, максимум, что мог утверждать Фрейд, это— что воспоминания о некоторых сексуальных ранних переживаниях неприятны.

Из посылок: „некоторые неприятности забываются“ и „некоторые воспоминания о ранних сексуальных переживаниях неприятны“, как из двух частных посылок, никаких общих выводов не следует. Максимум, что можем предположить, так только то, что „некоторые неприятные воспоминания о ранних сексуальных переживаниях забываются“. Но кто не знает, что индивидуум не все помнит из своей ранней сексуальной жизни. Из этого следует, что ретроспекция должна дополняться другими методами и что ее надо собирать у многих лиц, ягоб компенсировать индивидуальные забывания. Но из этого не следует фрейдистское учение об амнезии.

И приведу из своего материала один пример, иллюстрирующий, что в действительности может иметь место как раз обратное тому, что утверждает Фрейд. Маленький мальчик 4½ лет открыл, что у его няни на половых органах волосы. Тогда он смастерил себе какое-то приспособление, смысл которого—чтоб и у него также были волосы. Это было обнаружено. Родители устроили очень бурную сцену, ребенок дрожал от страха во время ее. В заключение он был жестоко избит. В результате он запомнил на всю жизнь этот

эпизод, а к волосам на женских половых органах у него также на всю жизнь получилось нечто вроде фетишистского отношения.

II. Основной метод фрейдистов—психоанализ, а основной материал—взрослые психопаты. Но в сильной степени фрейдисты пользуются также апамнезом психопатов и наблюдениями над поведением и разговорами детей. Но как-раз эти наблюдения не имеют систематического характера. Обычно они фигурируют в работах фрейдистов как пример, иллюстрация того или иного фрейдистского тезиса, причем этот пример дается в известной интерпретации. Интерпретация чаще всего основывается на аналогии.

Критиковать фрейдистские исследования значит критиковать, прежде всего, доказывание посредством примеров. Примером можно доказать все, что угодно. Но точно также все что угодно можно доказать посредством сравнения, аналогии. Максимум, что в ряде своих исследований имеют право утверждать фрейдисты, это — предположение, гипотезу: „такой-то факт можно интерпретировать так-то“, „на основании такого сходства можно предположить то-то“. Конечно, гипотезы стимулируют научное исследование, и история фрейдизма очень хорошо подтвердила это: изучение детской сексуальности очень оживилось благодаря фрейдистским книгам и статьям. Но прочным достоянием науки являются лишь проверенные гипотезы, т. е. обоснованные теории. Фрейдистов можно упрекать за то, что они засорили сексуологию множеством гипотез, в лучшем случае бездоказательных, в худшем фантастических, притом выдаваемых за безусловно достоверные. Сплошь и рядом фрейдист говорит: „Есть то-то“, тогда как он имеет право говорить лишь: „Такой-то факт вызвал у меня предположение, что, может быть, есть то-то“.

О психоанализе, как методе изучения детской сексуальности, уже говорилось в первой главе этой книги, и здесь не стоит повторяться. Напомню лишь о той опасности, которой то и дело подвергается пользующийся психоанализом исследователь—принимать одну из возможных интерпретаций данных психоанализа за единственно-возможную. Вот почему фрейдистские интерпретации психоанализа психопатов обычно кажутся нам произвольными.

Следует подчеркнуть также, что, хотя фрейдисты считают психоанализ основным своим методом, на самом деле в обосновании их выводов он играет гораздо меньшую роль,

чем можно было бы ожидать. Случайные факты несистематического наблюдения и аналогии в большой мере применяются фрейдистами.

К чему же все это приводит? Посредством примеров и аналогий можно „доказать“ все что угодно. При психоанализе легко можно одно из проблематических объяснений принять за единственно-возможное (а только такое — действительно-научное). Так открывается широкое поприще для создания всяких „возможных“ фантазий, фантастических или, в лучшем случае, проблематических предположений. С другой стороны, превратное отношение к анамнезу, выражающееся у фрейдистов в том, что они, исходя из ложной теории памяти, неправильно и чересчур недоверчиво относятся к анамнезу нормальных взрослых, в то же время относясь до наивности доверчиво к анамнезу психопатов, приводит к тому, что они развязывают себе руки в отрицании фактов, утверждаемых нормальными людьми, и в возведении в ранг общих истин рассказов психопатов.

III. Нами дана общая критика фрейдистских приемов изучения детской сексуальности. Дадим теперь более конкретную критику этих приемов: рассмотрим метод фрейдистов в действии, т. е. их исследования детской сексуальности. Самые ранние стадии развития полового влечения (либидо) Фрейд называет прегенитальными, так как не половые органы играют в них первую роль. На первой из этих стадий такую роль играет рот. Таким образом, самая ранняя прегенитальная стадия—оральная. „Сосание можно рассматривать как остаток этой воображаемой фазы организации (к признанию существования какой-то мы вынуждены данными патологии)“. Итак, данные психопатологии, в первую очередь, психоанализ невротиков заставляют нас признать существование оральной прегенитальной организации, и наблюдения над сосанием грудного младенца подтверждают это.

Либидинозный характер сосания у младенца открыл еще в 1876 г. Линднер, и Фрейд лишь примыкает к его наблюдениям. „Кто видел, как насыщенный ребенок отпадает от груди с раскрасневшимися щеками и с блаженной улыбкой погружается в сон, тот должен будет сознаться, что эта картина имеет характер типичного выражения сексуального удовлетворения в последующей жизни“. Итак, у насыщенного сосанием младенца наблюдается определенная мимика; при сексуальном удовлетворении в последующей жизни наблюдается аналогич-

ная мимика; следовательно, сосание имеет либидинозный характер: данное состояние—оргазм.

Но и в этом рассуждении несомненно злоупотребление аналогией: внешнее сходство еще не доказывает однородности данных явлений. Элементарно-логический характер допущенной ошибки состоит в том, что из того, что А есть В и С есть В, еще не следует, что А есть С: роза—цветок и фиалка—цветок, но роза все же не фиалка. Мимика удовлетворенности наблюдается во многих случаях—при насыщенности, при сексуальном удовлетворении, в момент глубокого счастья, при легком опьянении алкоголем и т. д. Вот и все. Единственное, что отсюда можно вывести, это только то, что насыщенность, сексуальная удовлетворенность, глубокое счастье, легкое алкогольное опьянение и т. п. состояния—состояния довольства сопровождаются чувством довольства. Легко представить, до какого абсурда мы договорились бы, если б начали ставить знак равенства между состояниями, где имеет место поbledнение щек и хмурение бровей.

Два других аргумента, которыми обычно подтверждают либидинозный характер сосания, еще более слабы. Первый: дети усиленно предаются сосанию, даже когда оно не служит насыщению. Второй: с сосанием сочетается влечение к хватанию, но это же влечение к хватанию приводит младенца к мастурбированию, и так можно установить постепенность перехода от сосания к мастурбации. После неврологических работ Магнуса, Гампера, Пейпера, блестяще выяснивших детали первого механизма этих рефлексивных движений, вышеприведенные аргументы кажутся нам детски-папвыми, пожалуй, даже архаическими. С генетической точки зрения, хватание первоначально не влечение, а рефлекс, и с этой же точки зрения сосание первоначально также ряд рефлексов, а движения рук младенца при сосании неврологически объясняются как рефлекс, вызываемые движениями головы. Неврологическое объяснение сосания и хватания у младенца—одна из блестящих глав современной неврологии, создавшаяся в результате исследований различных явлений, связанных с эпидемическим энцефалитом и знаменитых экспериментов Магнуса и еще неизвестная в то время, когда Линднер, а за ним и Фрейд создавали свое учение о либидинозном характере сосания. Фрейдисты в данном случае неправильно переносят в психологию влечений то, что, с генетической точки зрения, является проблемой рефлексов. Для чего же фрейдистам надобится неверное утверждение, что сосание и хватание—вле-

чение? В конечном счете для оперирования силлогизмом: сосание и хватание—влечения, связанные не только с едой; влечение—libido (общеизвестно, как чрезмерно широко понимают фрейдисты libido); значит, сосание и хватание имеют либидинозный характер. Получается нечто вроде плохой игры словом „влечение“.

Совершенно бесспорна первоначальная функция сосания как акта еды (принятие жидкой пищи), и столь же бесспорна первоначальная функция рта, как органа принятия пищи. С генетической точки зрения, рот—орган принятия пищи, и с той же точки зрения жидкая пища—первичная. Поэтому нет ничего загадочного в том, что в онтогенезе рот является первым по времени органом активного отношения к миру, и „ротовое“ отношение, отношение всасывания—самое первоначальное активное отношение родившегося младенца к миру, которое потом осложняется и оттесняется мануальным и сощущающим отношением.

Нет ни малейшего основания это „ротовое“ отношение интерпретировать как либидинозное.

Фрейд, указывая на поцелуй, заключает, что рот и в дальнейшем не теряет эрогенного значения. Но раз не было доказано, что он изначально имеет это значение, то нет оснований говорить здесь: „не теряет“. Почему не сказать тогда, что имеют либидинозный характер общеизвестные массовые движения конечностей поворожденного, в частности рефлекс Моро, на том основании, что он представляет известную аналогию с объятиями взрослых, а последние обнимаются во время любовных отношений? До последней степени поверхностными аналогиями между сосанием младенца и сексуальным поцелуем, аналогиями, которым ничем в своей основательности не уступает наша пародийная аналогия между охватывающим рефлексом и сексуальными объятиями, фрейдисты подменяют то единственное, что в данном случае должен был сделать серьезный научный исследователь—дать генезис поцелуя.

Критиковать же голое декларативное заявление, своего рода научно подобное вещание, нет надобности: обязанность доказать происхождение сексуального поцелуя из сосания лежит на фрейдистах. В критике нет нужды еще и потому, что науке известны несравненно более обоснованные теории поцелуя. Я назову в виде примера хотя бы теорию Риверса, развитую в его книге „О человеческих влечениях“. Пренебрежительное народное сопоставление поцелуя с лизанием несравненно ближе к истине, чем фрейдистские анализы.

Следующая цепь фрейдистской аргументации может быть представлена следующим силлогизмом: в ряде половых извращений рот выполняет сексуальную функцию; эти извращения своего рода атавизмы или, точнее, инфантилизмы; следовательно, рот выполнял аналогичную функцию в раннем детстве. В этом силлогизме первая посылка сформулирована чрезвычайно расплывчато: в одних случаях речь идет о сближении извращений с сосанием, в других—о замещении полового органа. Но выводить *cunnilings* и *fellatio* из сосания (а не лизания) еще большая ошибка, чем это было по отношению к поцелую. Совсем уже грубая ошибка аргументация сосанием груди при сексуальных отношениях, так как сексуальное удовлетворение от этого вследствие первой связи груди и матки получает женщина, а не ее партнер, который, если иногда эротизируется в этом случае, то лишь сознанием вызываемого сексуального возбуждения женщины. Не менее странно также в виде аргумента указывать на *coitus in os*, так как в половых извращениях заместителем половых органов является не только рот, но и разные другие части тела. Таким образом, первая из вышеприведенных посылок—коллекция грубейших фактических ошибок. Вторая же посылка—характерное для фрейдистов „вещание“. Откуда они взяли, что эти половые извращения инфантилизм? Они имели бы право утверждать это, если бы установили рядом фактов генетическую связь этих извращений с сексуальными проявлениями у маленьких детей. Конечно, они не видели никогда и нигде детей младшего дошкольного детства, практикующих *cunilingus* и *fellatio*, сосание груди своей сексуальной партнерши и т. п. В истории науки редко встречается такая чепуха, какой является фрейдистский тезис об инфантильном характере этих половых извращений. Итак, какой же вывод может получиться из столь вопиюще ошибочных тезисов?

Сами фрейдисты придают в доказывании существования оральной прегенитальной стадии огромную роль психоанализу неврозов: „Психоанализ неврозов показывает, что очень часто рот теряет свое значение только для сознания, но в бессознательном значение это сохраняется и дает знать о себе сознанию с помощью тех замещающих образований, которые известны нам в качестве невротических симптомов“ (Абрагам).

В „*Les Medications psychologiques*“ Жане замечательно остроумно и верно сказал о фрейдистском психоанализе: „Он показывает, как могли бы объясняться явления в том

случае, когда было бы окончательно допущено сексуальное происхождение неврозов“. Основанные на психоанализе фрейдистские интерпретации невротических симптомов обычно проблематичны: так могло бы быть, если уже установлено, что единственная и притом первоначальная основная причина данного невроза—сексуальная. Если мы хотим критиковать фрейдистские интерпретации невротических симптомов, сделать это можно лишь посредством следующих двух вопросов: установили ли уже они, что данный симптом—сексуального происхождения? Даваемая ими интерпретация является ли действительно возможной?

Из фрейдистских работ о самой ранней (оральной) прегенитальной стадии развития libido выделяется своей обстоятельностью работа Абрагама. В ней мы имеем богатую коллекцию произвольных фрейдистских интерпретаций. Хотите знать, почему некоторые дети с трудом отучиваются от груди? Фрейдисты не лезут в карман за ответом: эти дети стремятся удержать наслаждение, извлекаемое ими из сосания благодаря тому, что губы являются эрогенной зоной. Совершенно ясно, что с такой же легкостью и с такой же неосновательностью можно придумать бесчисленное количество подобных объяснений. Впрочем Абрагам прибавляет: „Опыт показывает, что лица, долго не расстающиеся с удовольствием, доставляемым ребенку сосанием, обычно страдают в дальнейшем развитии своей сексуальности: развитие это тормозится и задерживается“. Где, какой опыт это показывает, конечно, об этом не говорят. Приходится верить, что „опыт показывает“. Скептически настроенный читатель, конечно, сказал бы, что опыт не подтверждает, так как иначе данные его непременно были бы приведены. Сколько ученых людей, долго не расстававшихся с сосанием? Сколько из них не развито в сексуальном отношении? Каков коэффициент корреляции? Делается вывод, основанный на статистическом материале, а этого материала нет. Как же назвать тогда этот вывод, как не фантазией?

Но допустим на секунду, что „опыт показывает“. Почему из факта, что упорные сосуны впоследствии сексуально неразвиты, следует вывод, что сосание имеет либидинозный характер? Казалось бы, из этого следует сделать как раз обратный вывод. Но фрейдисты находчивы: „либидо не находит нормального пути к живому объекту, к человеку; оно ищет удовлетворения прежде всего по возможности с помощью приема пищи по способу сосания“. Но вот другой прямо противоположный случай: у одного шизофреника,

к анамнестическим рассказам которого, несмотря на то, что это психически больной, Абрагам относится с легендарной доверчивостью, сосание сочетается с явной сексуальностью. Вывод прост: в данном случае „нет места ни малейшим сомнениям, что сосание молока имеет сексуальное значение“. Словом, фрейдисты решили вести беспрюирышную игру: если явление А встречается там, где имеет место повышенная сексуальность, дело ясно: А—сексуальное явление. Но если то же А встречается и там, где имеет место пониженная сексуальность, дело также ясно, так как здесь произошло „замещение“, и А попрежнему сексуальное явление. Мы, не фрейдисты, из факта, что А иногда встречается у людей с повышенной сексуальностью, а иногда—с пониженной, сделали б единственно вероятный вывод: А не связано с сексуальностью.

Но фрейдисты не таковы. Почему у некоторых больных волчий аппетит? Ясно: рот становится снова эрогенной зоной. А почему у некоторых больных нет аппетита? Тоже ясно: вытесненный сексуальный инфантилизм принял совершенно противоположный первоначальному вид. Сразу три открытия: решена проблема патологического голода, решена проблема отсутствия аппетита и утверждена сексуальная роль еды и не еды, т. е. всего на свете.

Не стоит тратить время на дальнейшую критику подобных приёмов объяснения.

IV. Я не стану критиковать учение Фрейда о второй (садически-анальной) прегенитальной стадии развития либидо: там те же самые приемы объяснения фактов и обоснования теорий. Критика вышла б однообразной и рисковала б наскучить: все те же поверхностные аналогии вместо научно строгих доказательств, все та же наивная доверчивость к анамнестическим рассказам психически-больных, все те же произвольные интерпретации, предназначенные объяснить все что угодно и как угодно. Вместо этой детальной критики я ограничусь выпиской из уже цитированного мною П. Жане, где он с блестящим французским остроумием высмеивает фрейдистские хитроумные объяснения весьма простых и понятных вещей: „Больной вам сказал, что когда-то он имел желание быть сыном великого человека, короля или крупного богача вместо того, чтобы быть сыном мелкого буржуа. Это очень характерно. Это показывает, что у него было в это время желание устранить своего огца, удалить

его, так сказать, из своей жизни. Почему? Очевидно потому что находился в соперничестве со своим отцом, потому что он питал сексуальную любовь к своей матери и образовал знаменитый „комплекс Эдипа“, играющий очень важную роль в этой несколько специальной психологии. Один молодой человек признался, что в начале своей романтической карьеры он питал нежное чувство к женщине, которая была старше его: это очень просто, это доказывает, что он был влюблен в свою мать и перенес это чувство на старых женщин, которые являлись для него как бы добавочными матерями. Другой молодой человек признался, что неоднократно он питал любовь к кокетливым и малодобродетельным женщинам. Объяснение очень просто: у него была когда-то, очевидно, любовная страсть к своей матери и он, к своему отчаянию, узнал природу отношений между матерью и отцом; „комплекс Эдипа“ стал активным, и он пожелал, чтобы его мать стала неверной отцу, вероятно, в его пользу. Это в результате такого романа детства многие мужчины питают слабость к кокеткам и женщинам, ведущим плохой образ жизни.

Впрочем, если нужно, разъяснят таким же образом явления и более простые. Скажем, субъект имел привычку в детстве делать пирожки из песка или еще раньше сосать палец. Это служит достаточным указанием на ранние сексуальные пертурбации. Немного позже любовь к пианино имеет тесное отношение к мастурбации. С особенным подозрением надо относиться к ощущениям и чувствам, относящимся к anus у маленьких детей, так как известно, что „anus—эротическая зона“, которая может развиваться независимо от других: „кишечные заболевания, которые часты в раннем детстве, чрезмерно возбуждают эту зону и готовят различные неврозы“. Курт Мендель изображает несколько проницательно, без сомнения, но очень удачно эту заботу „фрейдистов“ истолковывать явления, относящиеся к anus маленьких детей: „может быть, говорит он своему ребенку, ты не захотел идти на горшок перед тем, как ложиться спать, ты отказался освободить свою прямую кишку, потому что ты надеешься извлечь сладострастное наслаждение из дефекации, вот почему тебе приятно задерживать экскременты“.

Учение Фрейда о второй прегенитальной стадии развития либидо—садически-анальной стадии—еще более фантастично, чем его учение об оральной стадии. В последнем учении было все же некоторое стремление опереться на факты (сосание) хотя бы при помощи поверхностных и неправильных

аналогий, и характерно, что в популярных фрейдистских книжках ссылки на эти аналогии обычно всегда фигурируют на первом плане, хотя и сам Фрейд, и его ученики (в данном случае, например, Абрагам) определенно подчеркивают, что в открытии этой стадии решающую роль играл психоанализ. Но в учении о садически-анальной стадии исчезает уже какая бы то ни было фактическая основа, даже в виде классических по своей поверхности аналогий. Несмотря на то, что малютка психологически уже доступен нашему наблюдению в значительной мере, мы, при всем своем старании, не находим в фактах его жизни никакой основы для утверждения, что у него имеются эротические садические переживания, что он испытывает сладострастные ощущения, относящиеся к дефекации. Учение Фрейда о садически-анальной стадии всего лишь ряд психоаналитических умозаключений, весьма хитроумных и сложных, в которых вовсе нет никакой нужды при объяснении тех или иных детских поступков и высказываний, обычно вполне понятных и без таких объяснений.

Точно также и знаменитый „комплекс Эдипа“ заслуживает лишь той критики, которую дал ему Жаке в вышеприведенной цитате: для критики его достаточно показать, насколько просты и понятны те повседневные факты, для фрейдистского объяснения которых сооружается при помощи сложнейших цепей всевозможных умозаключений пресловутый „комплекс Эдипа“.

Нет оснований критиковать то, что не опирается на факты, имеющие непосредственное отношение к сексуальности ребенка. Достаточно в этом случае лишь показать ненужность, произвольность и громоздкость психоаналитических умозаключений.

V. Фрейдизм в одном отношении очень напоминает „науку“ богословов: так же, как она, „знает“ неизвестное и утверждает то, чему остается лишь верить без всякой проверки. „Вы думаете, что происхождение жизни и мира—трудные, еще мало известные вопросы“, говорят богословы: „ошибаетесь, все это мы великолепно знаем до малейших деталей, читайте нашу книгу Бытия. Вы думаете, человек умер и всему конец? Нет“, и они начинают рисовать посмертную жизнь: „когда умрете, проверите и убедитесь“.

Фрейдисты действуют в том же духе. Они берут самый ранний возраст, о переживаниях которого у нас не сохранилось почти никаких воспоминаний, и начинают самым уверенным тоном рассказывать об этом возрасте множество эро-

тических легенд. Но мы не помним ничего подобного? Тем безбоязненной фрейдист утверждает. Но в поведении, в поступках малышей мы не видим явного эротизма? Это также не смутит фрейдистов. Они говорят, заметьте, не о поступках (это можно было бы проверять посредством наблюдения), а о переживаниях—о переживаниях грудных младенцев и малюток. Область, надо сознаться, действительно, темная.

Для того, чтобы отрицать существование бога, нет надобности отпрапляться проверять рассказы о нем на небо, и для опровержения рассказов о сотворении мира и посмертной жизни нет нужды быть самим во времена образования солнечной системы или отпрапляться „на тот свет“. Точно также, чтобы не стать фрейдистом, достаточно подметить, что забираются в самые темные области (переживания грудных младенцев и малюток), отбрасывают научные методы исследования (систематическое наблюдение, эксперимент над изучаемыми субъектами, анамнез и т. д.) и пускают в ход сомнительные приемы.

Но вот мрак редет. Мы подходим к старшему дошкольному детству, которое при помощи ретроспекции, представляем не так уж плохо, да и ребенок этого возраста уже лучше выражает свои переживания, которые стали и богаче, и сложней. Фрейдистам с их фантастическими эротическими легендами трудно работать в потемной области: здесь всякий воочию видит несоответствие этих легенд реальной действительности детской жизни. Фрейдистам остается только ретироваться. Но они избирают отступление с почетом. Они заявляют: отныне наступает затишье в половой жизни ребенка, и это затишье продолжается вплоть до эпохи полового созревания. Чем объясняется такое внезапное наступление затишья, отчего оно вдруг начинается в старшем дошкольном возрасте и длится до подросткового возраста, это, пожалуй, один из тех весьма немногих вопросов, на которые фрейдисты не спешат ответить.

Но мы и не станем допытываться у них ответов. У нас уже есть свое объяснение: о старшем дошкольном возрасте, а тем более о младшем школьном возрасте, о возрасте, который мы до известной степени уже помним из своей жизни и который в своих высказываниях психологически доступнее нам, сочинять фантастические эротические легенды значило бы идти на верный провал: даже самые легковверные читатели—и те усумнятся. Иное дело—душевные, в частности, сладострастно-эротические переживания грудных младенцев-

сосунов и сидящих на горшечках малюток: здесь широкий простор для фантазии и здесь всегда найдутся легковверные читатели.

Но, так или иначе, фрейдисты утверждают, что с 5 лет до полового созревания с либидинозными переживаниями детей дело обстоит тихо, и в этом мы не станем с ними спорить. Но это затишье — внезапно ли оно наступает, ни с того, ни с сего, или ему предшествует еще большее затишье? Нам кажется правдоподобней второе предположение. Физиологически неправдоподобно, чтоб с возрастом сексуальные переживания детей затихали — примерно с 5 до 12—14 лет. Больше того, материал наших исследований убедил нас в том (да это ясно каждому даже и без особых исследований из своих воспоминаний и из наблюдений за детьми) что, наоборот, как раз в этих возрастах детская сексуальность начинает все больше и больше проявлять себя. Насколько фрейдисты пышно раскрасили в эротические цвета самое раннее детство, настолько скромны они (и это также неверно) по отношению к более старшему детству: здесь дело обстоит вовсе не так тихо, как они изображают. II, пожалуй фрейдистское преуменьшение детской сексуальности в возрасте 5—13 лет вредней их эротических легенд о сексуальных переживаниях младенца-малютки. С фрейдизмом обычно связано представление о крайнем преувеличении детских сексуальных переживаний. Но так же следует связать с ним представление и о преуменьшении детских сексуальных переживаний.

VI. Фрейдизм имел широкое распространение, да и сейчас за границей он пользуется популярностью. Чем объясняется такой успех его?

Не надо забывать, что успех фрейдизма не изолированное явление. Эллис в книге „Только вчера“ очень метко связывает бурное увлечение фрейдизмом в Соединенных Штатах с эпохой послевоенного разгула и половой распушенности. Да и в Европе увлечение фрейдизмом совпадает с периодом, когда половая распушенность достигала апогея. Фрейдизм не одинок. И если рассматривать его на общем фоне (а фон этот — половой разгул среди взрослых, такой же разгул среди подростков, клубы гомосексуалистов и т. п.), тогда основная причина его успеха ясна: это — его пикапность, его многочисленныя и весьма острые эротические легенды.

Вторая причина его успеха — та же, которая создает успех и мистицизму: он избрал самые темные области — душевные

переживания младенцев, малюток и невротиков. В этих областях фантазии открывается большой простор.

Но есть и еще одна причина. Пуриганское лицемерие свило прочное гнездо в науке о ребенке, по это лицемерие, ханжески умалчивающее о проявлениях сексуальности у детей, слишком противоречит тому, что мы видим в жизни. Фрейдизм был реакцией против этого ханжества. Он казался более близким к истине, так как многое из того, о чем он говорил, действительно, наблюдали у детей, да и метод, которым он любит пользоваться, ассоциативный эксперимент, апробирован психологической наукой. И увлеченные этим большим правдоподобием фрейдизма забывали, что его утверждения относятся не к тому возрасту, какой известен читателю, и, как воспитателя, тревожит своими сексуальными проявлениями, а к совершенно другому — гораздо более раннему. Забывали также и о том, что те выводы, которые делал фрейдизм при помощи ассоциативного эксперимента, является выводами не из классического ассоциативного эксперимента, а сплошь и рядом лишь из подобию его при вопиющем нарушении техники и обработки данных эксперимента.

IX. Среда, воспитание и детская сексуальность

I. Основной тезис моего исследования: при нормальных условиях половое влечение пробуждается во время полового созревания. Под нормальными условиями в данном случае мы понимаем такое положение, когда процесс созревания не нарушается преждевременно эротизирующими стимулами среды.

Но именно такое нарушение происходит сплошь и рядом. При этом возможны два крайних в смысле сроков таких нарушения: очень раннее, еще в дошкольном возрасте и сравнительно позднее, накануне полового созревания. В зависимости от этого (а также от характера эротизирующих стимулов) будет или примитивно-чувственное почти животное проявление сексуальности, или ранняя тяга к любовному романтизму.

Преждевременно раннее пробуждение детской сексуальности психологически очень вредно, пожалуй, даже гораздо вреднее, чем в физиологическом отношении, причем вред тем больший, чем раньше это случается. Основной вред состоит в том, что задерживается дальнейшее психологическое сексуальное развитие, и субъект на всю жизнь остается на стадии примитивного полового влечения, не достигая стадии любви, т. е. выходит в жизнь тем, что на языке современной морали квалифицируется словом „развратник“: в современных культурных отношениях он оказывается регрессивным типом, асоциальным типом, и нет ничего, поэтому, удивительного в том общезвестном факте, что неслучайная преступность обычно сопровождается развратом, как нет ничего удивительного и в том, что к разврату тяготеют вырождающиеся, упадочные общественные группы и классы. Социальная деградация влечет за собой и сексуально-психологическую деградацию в разврат.

Вред преждевременного раннего пробуждения детской сексуальности еще и тот, что субъект входит в половую жизнь взрослого с разного рода сексуально-психологическими инфанти-

лизмами, которые портят жизнь и его сексуальных партнеров, в частности его супруга, в результате чего портится семейная жизнь со всеми вытекающими отсюда последствиями: он неспособен к любви, он совокуплению предпочитает различные виды онанизма, прodelывает над своими партнерами и сам требует от них то, что в обычной половой жизни взрослых людей считается извращениями и т. д.

Но вред не только в этом: помимо сексуально-психологических инфантилизмов такой субъект может войти в половозрелую жизнь с рядом сексуально психологических уродств. Так, например, у него может оказаться ряд фобий и антипатий по отношению к нормальным половым актам. С другой стороны, у него могут сохраниться остатки неверных, нелепых детских сексуологических теорий, которые, влияя на его поведение, могут со своей стороны изуродовать его половозрелую жизнь и жизнь его партнера, в частности сексуальную жизнь. Наконец, он рискует оказаться половым психопатом.

И, даже в самом легком случае, он имеет шансы войти в жизнь неустойчивым полигамистом, то и дело совершающим любовные измены, или человеком с испорченным любовным вкусом, то не находящим в жизни никого подходящего для себя, то, наоборот, поражающего всех знакомых своим экстравагантным влечением и всеми плачевными последствиями такого влечения.

II. Таким образом, в сексуальном воспитании основной вопрос — вопрос среды: в развращенной среде, ясно, развращается и ребенок; в среде, плохо скрывающей от ребенка свою сексуальную жизнь, ребенок то и дело подвергается действию сильно эротизирующих стимулов.

Отсюда вытекает требование к взрослым быть осторожными в своем сексуальном поведении при ребенке, даже маленьком. В моем материале каждый шестой испытуемый получал свое первое эротическое впечатление от родителей, являясь свидетелем их coitus'a или гигиенических процедур, открыто совершаемых матерью над своими половыми органами.

Жилищный вопрос, конечно, играет свою роль в этом. Вот почему в капиталистических условиях, где этот вопрос для миллионов трудящихся не может быть удовлетворительно решен, их ребенок то и дело получает такие впечатления. Социалистическое строительство, непрестанно улучшающее жизненные условия трудящихся, тем самым создает здоровые условия и для развития детской сексуальности.

Но даже в любых жилищных условиях ребенку вредит широко распространенное среди взрослых убеждение: „Он еще маленький и ничего не понимает, при нем можно“. Если маленький ребенок, действительно, еще не понимает, то все же он видит, запоминает и сексуально возбуждается.

Второе требование, которое необходимо предъявить к воспитателям ребенка, это — требование лучшего надзора за ним, вернее, за теми, кто общается с ним. Безнадзорность в половом воспитании вредит не меньше, а то, пожалуй, и больше, чем где бы то ни было. Опять и здесь вредит распространенное среди взрослых мнение, что за ребенком все равно не уследишь. Если б даже было и так, то ведь, все же большая разница, в каком возрасте подвергается ребенок сексуальной агрессии, как часто он ей подвергается, и в чем она состоит. С другой стороны, безнадзорности содействует также еще и до сих пор держащееся у некоторых взрослых мнение, что „между маленькими ничего не может быть“, что дети невинны в этом отношении.

В дошкольном возрасте дети подвергаются сексуальной агрессии обыкновенно со стороны детей, притом несколько более старших. Эти дети обыкновенно другого пола. Сексуальную агрессию они производят, как правило, сознательно, представляя себе запретность этих действий. Вот почему часто они стремятся уйти с данным ребенком куда-нибудь подальше от взрослых. Вообще ясно, что такие вещи проделываются не на глазах у многих свидетелей, и, боясь выдачи, избегают привлекать многих участников, даже детей. Но, с другой стороны, по крайней мере, в моем материале далеко не всегда фигурирует только пара: даже несколько чаще фигурирует небольшая группа в 3—4 человека (ассистирующая подруга, сводящий товарищ и т. д.). Знание всех этих фактов облегчает надзор в половом отношении за ребенком.

В надзоре особенно нуждаются такие случаи, когда к данному маленькому ребенку усиленно стремится старший ребенок другого пола, в особенности когда они уединяются вдвоем или в небольшой компании (напр., два старших мальчика с одной маленькой девочкой). Предоставлять детей самим себе без всякого надзора в такой компании, особенно, если они заметно стремятся уединиться в какой-нибудь закоулок, кусты, сарай и т. п. было б неосторожно.

Влияние свободного воспитания было особенно сильно именно в дошкольном воспитании. Отзвуки его живут еще иногда и сейчас в принципиальном, если можно так выра-

зяться, оставлении детей без надзора взрослых. „Детям не надо мешать“, не редко слышится. Смотри, в чем — в плохом, конечно, надо мешать. Да и вообще безнадзорность детей никогда не приносила пользы. Надо всегда помнить, что в дошкольном возрасте ребенок почти всегда, если подвергается сексуальной агрессии, то со стороны детей.

В этом возрасте ребенок очень редко подвергается преднамеренной сексуальной агрессии со стороны взрослых. В моем материале это были только девочки. В судебных процессах подобного рода довольно часто фигурирует отец алкоголик.

Несравненно чаще ребенок эротизируется взрослыми бесознательно. Выше уже говорилось о резких случаях неосторожности взрослых в этом отношении. Но нередко эта неосторожность проявляется в менее явной форме. Два вида такой неосторожности встречаются чаще других. В соответствующей статье уже говорилось, что на мальчиков, даже в этом возрасте, может действовать эротизирующе зрительное впечатление. Судя по моим материалам, таким эротизирующим впечатлением чаще всего является вид голый женщины, обыкновенно взрослой или кажущейся ребенку взрослой (напр., девочки подростка). По указаниям некоторых моих испытуемых, бросающиеся в глаза ребенку внешние очень заметные особенности ее телосложения привлекают внимание ребенка и сильно запечатлеваются в его памяти, действуя притом долгое время, в качестве эротизирующего стимула.

Я считаю большой неосторожностью, когда даже 4—6 летний мальчик купается вместе с взрослыми или полу-взрослыми женщинами. Относительно совместного купанья с девочками-ровесницами у меня нет материала; в анамнезе моих воспитуемых воспоминания об этом, в качестве эротизирующего стимула, не фигурировали.

Хотя в известной мне педагогической литературе я не встречал соответствующих указаний, но так как в анамнезе опрошенных мужчин фигурировала нередко нога, как эротизирующий стимул, то эти данные убеждают в необходимости соблюдать осторожность и в этом отношении. Анамнез вскрыл, что соответствующие онанистические представления имеют отчасти мазохистский характер. На этом основании мне кажется неосторожным такое обращение с ребенком, когда он (мальчик) получает возможность тереться о ногу, испытывать давление ноги, надевать ботинки, туфли, калоши и т. п. на ноги женщин. Я не сомневаюсь, что многие найдут это

излишней предосторожностью. Я рекомендовал бы им до того, как высказать такое мнение, проверить данные моего опроса, по которому 90% опрошенных мужчин указывали на женскую ногу, как на эротизирующий стимул, причем все они начало такого своего отношения к ней относили к детскому возрасту.

С несомненностью выясняется, что среди всех многочисленных вредностей, которые проистекают от физических наказаний, немалую роль играют сексуально-психологические вредности. В педагогической литературе об этом писалось не мало. Но, насколько мне известно, не обращалось внимание, что физическое наказание, особенно связанное с обнажением, эротически действует, пожалуй, еще в большей мере на ребенка, который оказывается свидетелем этого, видит это.

В заключение надо напомнить, что в этом возрасте половое влечение, если оно пробуждено, может быть направлено и на ближайших родственников. Вопреки фрейдистам в моем материале никогда не фигурировали родители. Даже в том случае, если ребенок именно от них получал сильный эротизирующий стимул, он впоследствии относил его к другим людям. Так, например, один испытуемый в раннем детстве был неоднократно свидетелем очень откровенных спринцеваний его матери. Это, конечно, не замедлило произвести на него соответствующее влияние: впоследствии его очень сильно эротизировали сходные позы и жесты женщин, и соответствующие образы играли большую роль в его эротическом воображении, но, и это очень характерно для всех подобных случаев, представлялась не мать, а другая женщина.

Но зато между братьями и сестрами сексуальные отношения иногда могут возникать. Правда, это далеко не частый случай. В собранных мною анамнезах заметно играла роль общая постель.

Идеи свободного воспитания настолько еще кое-где живучи, что есть опасность, что некоторые читатели найдут приводимые мною в этой главе меры надзора и предосторожности излишними. Весь мой материал вполне убедил меня в том, что пока мы имеем противоположную крайность — слабый надзор и большую неосторожность в этом отношении.

Иногда рассуждают так: „Не поведет ли скрывание к обострению сексуального любопытства у детей?“ Это рассуждение очень странно: во первых, никто не проявляет любопытства к тому, о существовании чего не подозревает; во-вторых, речь идет не о демонстративном заинтриговываю-

щем скрывании, а о непоказывании детям того, что может эротизировать их, и об охране их от развращения, сознательного или бессознательного.

III. Но если уже ребенок подвергся сексуальной агрессии или получил эротизирующие впечатления, пробудившие в нем половое влечение?

Это могло быть случайным эпизодом или более или менее длительным воздействием. Ребенок или действительно подвергся воздействию в том смысле, что его сексуальность пробудилась, или психологически оказался почти незатронутым. Наконец, самое впечатление, полученное им, могло быть привлекательным для него или отрицательным. Надо различать все эти случаи: каждый из них диктует особую тактику.

Легче всего, если имел место случайный эпизод, не повлекший за собой пробуждения детской сексуальности. В этих случаях нет оснований особенно волноваться, так как наблюдения над детьми как-будто показывают, что такие эпизоды обыкновенно забываются детьми. Поэтому было бы неосторожностью какими-либо поспешными и необдуманно резкими мерами запечатлеть этот эпизод в памяти ребенка. Но за ребенком следует все же проследить некоторое время, в самом ли деле эпизод не отразился на возбуждении в нем сексуальных желаний (папр., онанизм или сексуальные проявления по отношению к другим детям).

В тех случаях, когда имело место неоднократное действие эротизирующего стимула на ребенка или хотя однократное, но сильное, вопрос решается гораздо труднее. Так как действие этого стимула — эмоциональное, то вопрос решился бы без трудностей, если бы наукой был решен вопрос о забывании эмоциональных впечатлений. Но такой вопрос в психологии почти еще не разрабатывался, и потому научно-обоснованный ответ мы пока не можем дать. Правда, мы имеем фрейдистское учение о вытеснении и сублимировании, но в педагогической практике оно не дало результатов, то ли потому, что оно еще недостаточно для этих целей разработано, то ли, что вероятней, потому что оно неверно по существу. Мы не станем входить здесь в детальную критику его: эту критику заменит изложение наших положительных взглядов.

Как все на свете, так и эмоциональные переживания подлежат забыванию. Но, вообще говоря, чувство — очень сильный мнемонический фактор. Однако, в этом отношении между

чувствами есть большая разница: приятные чувства склонны забываться, вопреки утверждениям Фрейда, в гораздо большей степени, чем неприятные. Таким образом, сексуальное впечатление, вызвавшее сильное неприятное чувство (страх, боль, отвращение и т. п.), склонно сохраняться очень долгое время, то ли в виде более или менее полного воспоминания, то ли в виде только чувства, которое держится в памяти гораздо дольше представления. При этом в процессе забывания чувство обладает одной особенностью: оно становится более расплывчатым; выражаясь точнее, оно становится менее дифференцированным (напр., страх становится просто неприятным чувством) и переживается не только по отношению к данному стимулу, но и ко всем однородным с ним.

В свете этих положений становится понятным следующий факт: ребенок пережил очень неприятное сексуальное впечатление (напр., испуг при виде coitus'a или при сексуальной агрессии), и неприятное чувство по отношению к различным сексуальным ситуациям сохраняется у него и в половом возрасте, благодаря чему уродуется его (и не только его) половая жизнь. Вообще говоря, это — очень тяжелый случай, к счастью, не частый, хотя и не очень редкий.

Фрейдизм, можно сказать, сделал все возможное для того, чтобы составить о подобных фактах неверное представление. Фрейдистское учение о вытеснении исходит из довольно распространённого, но тем не менее неверного мнения, что забывания, собственно говоря, нет, т. е., что полученные впечатления вечны. Но так как забывание, все-таки, есть, то для объяснения его придумывается учение о вытеснении: надо говорить не „забыто“, а „вытеснено“. К этому фрейдисты присоединяют вторую ошибку, утверждая, что „вытесняется“, т. е. забывается неприятное, тогда как именно оно прежде всего запоминается. Дальше фрейдистам открывается широкое поприще гадать, „куда“ (в подсознательное) вытесняется данное переживание, чем оно замещается и как его при помощи психоанализа открыть. Но самый крупный недостаток психоаналистов, по остроумному замечанию Жюане, состоит в том, что „их методы им позволяют всегда находить то, что они ищут“. В результате неверных произвольных догадок и столь же неверных общих предположений затемняется действительная картина: находят то, чего нет. А затем начинается самое вредное: эта психоаналитическая фантазия должна осознаться субъектом. Начинается психоаналитическое воспитание, навязывающее ребенку порою такие сексуальные

фантазии и тенденции, которых не встретишь и у заправского развратника. Классический пример подобного „воспитания“ дает „История одной фобии“ Фрейда. Мы не станем распространяться сейчас о вопиющей антипедагогичности психоаналитических бесед с ребенком: сейчас опасность их у нас уже минула, и критика их поэтому не актуальна.

Вернемся поэтому от критики к нашим положительным рассуждениям. Ребенок получил отрицательное в сексуальном отношении впечатление и притом такой силы, что это вредно отзывается на нем. Случаи такого рода как было сказано выше, редки, но они тяжелы. Поэтому их надо разобрать. Этот вред может сказаться или в настоящем, или в будущем. В настоящем это может привести к невропатии. Мне известен случай, как мальчик, испуганный сценой coitus'a родителей стал заикаться. Мы имеем, стало быть, невропатию, возникшую на почве испуга (а не сексуальной). Значит, здесь стоит вопрос о лечении подобной невропатии: сексуолог уступает здесь место психопатологу. Как лечить невропатию возникшую вследствие испуга, это — проблема не сексологии.

Но вред может сказаться и в будущем—в половой жизни взрослого. Правда, и этот вопрос выходит за пределы данной книги, поскольку она трактует о детском возрасте. Но так как педологу и педагогу нужна перспектива, нужно видеть, что дает детское впечатление жизни взрослого, хотя бы в целях прогноза, то нужно, с этой точки зрения, все же сказать об этом несколько слов. Конечно, время работает в пользу забывания, и потому у взрослого мы имеем ослабленное, расплывчатое, менее дифференцированное неприятное чувство (там, где оно сохраняется), а часто оно даже вовсе забывается. Осознание взрослым (а не ребенком) причины такого чувства нередко ведет к ликвидации его. Значит, по отношению к ребенку мы ставим ставку на забывание: во-первых, это все же сильный фактор, а во-вторых, не станем же мы вызывать у половонезрелого ребенка нарочито положительное отношение к половым актам. Но если субъект сохранил данное впечатление и когда стал взрослым, тогда этому взрослому надо помочь сознавать свои сексуальные фобии и антипатии, чтоб рациональней отнестись к ним. Анамнестические данные и ассоциативный эксперимент помогут этому выяснению и рационализации, и это то здоровое, что есть в фрейдизме, который заимствовал это у французских психопатологов. Но нужно, чтоб осознал не только данный субъект, а и его партнер, чтобы в их половых сношениях отсутство-

вало то, что может вызвать нежелательные ассоциации. Значит, по отношению к взрослому ставится ставка на осознание и на эмоционально иную ситуацию.

В жизни маленького ребенка, конечно, чаще всего имеет место противоположный случай: полученное сексуальное впечатление оставляет приятный след, и ребенок стремится к новым сексуальным впечатлениям. И здесь паша первая ставка—на забывание, тем более, что приятные впечатления забываются быстрее. Этот процесс пойдет быстрее, если ребенок будет по возможности изъят из той обстановки, в которой он получил эти впечатления, что делать тем необходимее, что именно в этой обстановке он рискует снова встретиться со своими соблазнителями. В моем материале имеются два случая, когда отъезд семьи вскоре после данного события почти аннулировал действия его, и последующее детство было свободно от сексуальных переживаний. Но так как такая радикальная мера редко возможна, то, как паллиатив ее, надо советовать—и это категорически—удаление из круга общения ребенка его сексуальных агрессоров и соблазнителей. В моем материале много случаев, когда данное событие оставалось лишь случайным эпизодом без особых последствий, так как уезжал соблазнитель. Я считал бы ненужным риском оставлять ребенка в том детском саду, где он подвергся сексуальной агрессии, и я считал бы также ошибкой, если к нему домой продолжал ходить играть с ним тот ребенок, который вовлекал его в сексуальные игры.

Наше сознание отличается ограниченным объемом, и этот объем сознания у дошкольника особенно ограничен. Ребенок тем легче забудет свои сексуальные впечатления и тем меньше будет стремиться к новым сексуальным переживаниям, чем больше займем мы его иными очень интересными для него играми и занятиями. И чем быстрее поспешим мы с этими новыми впечатлениями, тем лучше, так как эксперименты доказывают, что впечатление забывается тем больше, чем быстрее после него даются новые впечатления.

Если не было длительного развращения ребенка, то обычно указанных мер достаточно. Но, понятно, чем больше упражнялся ребенок в приятных сексуальных занятиях, тем меньше он будет склонен оставить и забыть их. В данном случае мы имеем отсутствие мало-мальски удовлетворительного надзора со стороны воспитателей, так как за маленьким ребенком не так уж трудно уследить. В мои задачи вовсе не входит успокаивать воспитателей, что они могут оставлять ребенка без

надзора, ибо дефекты его легко поправимы. Наоборот, я должен со всей энергией подчеркнуть крайнюю необходимость надзора за ребенком, так как легче организовать соответствующий надзор за ребенком, чем ликвидировать плохие последствия безнадзорности.

И ничего не пишу о борьбе с опанизмом, так как не исследовал этого. Могу только предположить, что если верно, что в самом раннем возрасте опанизм, с психологической точки зрения, очень элементарен, так сказать, элементарно-физиологичен, то вопрос сводится, главным образом, вероятно, к общезвестным гигиеническим мероприятиям. А если в дальнейшем он содержит в себе ряд психологически более сложных переживаний и стимулируется скорее центрально, чем периферически, то здесь вопрос в том, чтоб ребенок не имел тех сексуальных образов и сцен, которые стимулируют к опанизму.

Столь же малословным я буду и по вопросу о половом просвещении в дошкольном возрасте. Я не вижу в этом особой надобности, так как, основываясь на собранном мною материале, утверждаю, вопреки фрейдистам, что не дошкольный, а ранний школьный возраст—возраст расцвета сексуального любопытства и сексуальных теорий. Притом дошкольники легко удовлетворяются даже элементарным ответом.

Нигде так не проявляется незнание своеобразия этого возраста как в тех разъяснениях, которые рекомендуются для дачи дошкольнику по вопросу о рождении. Начать с того, что этот вопрос у дошкольника скорее локальный вопрос: „откуда я взялся?“, и взрослые в своих „естественно-научных“ разъяснениях не понимают сплошь и рядом такого характера детского вопроса (вряд ли нужно доказывать, что это не сексуальный вопрос у ребенка). Вторая ошибка взрослых: непонимание, что ребенок не может представить своего существования, и спрашивает он не о начале своего существования, а, скорее, о своем приходе в данную семью. Наконец, упускают из виду, что не только в этом возрасте, но и для маленьких школьников чрезвычайно трудно понимание процесса роста, связанного с морфологическими изменениями.

В результате получается, что ребенок спрашивает не о том, на что ему отвечают, причем отвечают так, что у ребенка появляется ряд новых непониманий. В моем материале детский вопрос о рождении („откуда?“) никогда не фигурировал как сексуальный, по „разъяснение“, притом не только това-

рищей и нянь, но и родителей, возбуждало у него уже несомненно сексуальные вопросы.

IV. Если по отношению к дошкольному возрасту основное — надзор и меры предосторожности, то для школьного возраста это явно недостаточно: как уследить за школьником, круг общения которого широк и который значительную часть времени находится не на глазах воспитателя? Однако, это не значит, что надо совершенно отказаться от надзора.

Не надо забывать, что в этом возрасте ребенок, особенно маленький, становится объектом сексуальной агрессии. Раньше, как видно из воспоминаний взрослых теперь мужчин, соблазнение мальчиков школьного возраста взрослыми женщинами было чуть ли не бытовым явлением. Объясняется это, конечно, непормальным положением женщины в капиталистическом обществе: для нее это тогда был самый легкий, а то и единственный возможный способ удовлетворить себя. Теперь в СССР условия жизни женщины резко изменились к лучшему. Но остатки старого быта не везде еще окончательно изжиты. Наивничанье неуместно. Дружба мальчика-подростка с взрослой женщиной, их уединение, хождение мальчиков в гости к взрослой женщине и их рассказы о том, что они там „возились“, боролись с ней, она щекотала их и т. п., — все это не в порядке вещей и настолько незаурядное явление, что оно требует внимания и бдительности.

Идеи свободного воспитания, к сожалению, проникли и в сексуальную педагогику. Совместное воспитание, которое, само по себе, сильно оздоравливает отношения между полами, иногда выглядело как отсутствие воспитания: помнили слово „совместное“ и забывали слово „воспитание“. Иногда педагоги проявляли недопустимую терпимость к слишком свободным манерам обращения мальчиков и девочек и чуть ли не считали в данном случае свою педагогическую бездеятельность доказательством своего „незагрязненного воображения“. Результаты этой педагогической халатности общеизвестны. Школьник должен воспитываться не в стиле свободных манер с „девчонками“ и „парнями“, а в стиле культурно-вежливого обращения, которое является внешним проявлением чувства уважения к людям другого пола.

Предыдущими статьями мы уже подготовлены к тому, что уважение и сочувствие играет огромную роль в сексуальном развитии в смысле окультуривания его. Если воспитатель не имеет возможности сам уследить за школьниками, то, во всяком

случае он должен так воспитывать, чтобы тот сам был в состоянии следить за собой, контролировать свое сексуальное поведение. Насколько уважение является могущественным тормозом, может проиллюстрировать следующий факт. Нескольких мужчин, признававшихся мне в том, что в школьном возрасте они занимались онанизмом, я попросил назвать те персонажи, которые фигурировали в их онанистических представлениях: это были женщины, к которым они относились с неуважением или нейтрально, никак в этом отношении; некоторые же из них говорили, что иногда является соблазн представить и уважаемую женщину, но уважение удерживало. Еще характерней был рассказ одного из них, что, когда уважаемая и любимая им девушка оскорбила его своим „ветреным“ поведением с другими, он как бы в наказание перенес ее в свои онанистические представления.

Но среди онанистических представлений в этом возрасте, судя по моему материалу, гораздо большее место (по крайней мере, у мальчиков), чем живые персонажи, играют картины. Роль чтения, как сексуального стимула, была уже указана в статье о сексуальных переживаниях мальчиков. К счастью, порнографическая литература у нас сейчас ликвидирована. Но надо сознаться, что должной осторожности еще пока нет. И сейчас еще даются в руки школьникам книги, совершенно для них неподходящие. Не надо прежних крайностей, когда чуть ли не до юношеского возраста запрещалось читать всякие романы, но не надо и противоположной крайности, когда руководитель детского чтением дает школьникам книги в роде „Петра I“ А. Толстого в переделке для детей, где в начале романа девочка мочится, а в середине Петр обнимается в такой обстановке, что любому из „детей старшего возраста“ нетрудно представить ее со всеми ее спальными деталями. Надо решительно и сурово бороться с дачей такого чтения школьникам. Младший школьный возраст, как уже указывалось, — возраст, когда ребенок усиленно „просвещается“, причем это „просвещение“ одновременно обычно бывает и соблазном. Уже это является достаточным основанием, почему воспитатель должен успеть не выпустить инициативу из своих рук. Иначе — кто поручится, что товарищ не научит ребенка онанизму, что кто-либо более взрослый не возьмет на себя научить его половым отношениям с женщинами и что, даже в лучшем случае, не ознакомит ребенка со всей циничной термопологией и с кучей сексуальных легенд и историй? Старый афоризм сексуальной педагогики: „Лучше днем раньше, чем часом позже“ сохраняет

в этом возрасте по отношению к половому просвещению всю свою силу. Смуцаться тем, что ребенок рано узнает, наивно, так как и подростковому возрасту обычно все уже осведомлены — но кем и как?

К сожалению, сплошь и рядом не воспитателем и не для выработки должного отношения.

Но допустим даже тот редкий случай, что к половому созреванию подросток не просвещен. Так как сексуальные интересы у него все же имеются, то на почве невежества создаются разные фантастические сексуальные теории, и именно этот возраст, а не младшей дошкольный, как уверял Фрейд, богат такими теориями (особенно девочки). На их почве могут развиться всевозможные сексуальные фобии, нелепые поступки и т. п. Как пугают первые менструации или поллюции неосведомленных подростков, общеизвестно. Менее известны другие случаи подобных же переживаний, связанных вообще с изменением тела и, в частности, половых органов. Только ограниченные размеры этой работы мешают мне привести образцы нелепых сексуальных теорий и предрассудков подростков, то, что я называю сексуальными легендами подростка. В моем материале имеются случаи, когда неверные представления о половой морфологии женщины, закрепленные в образах сновидений с поллюциями, привели впоследствии к извращению полового вкуса, и субъект стал в известном отношении, мягко выражаясь, сексуальным чудаком.

Но половое просвещение не всегда правильно понимается. Нередко ему ставят чисто информационные задачи, тогда как оно, конечно, должно быть подчинено педагогическим задачам: оно должно не просто информировать, но именно воспитывать. Но, даже так понимаемое, половое воспитание нередко ограничивается чисто гигиеническим содержанием, адресуясь лишь к чувству осторожности воспитанника. Конечно это — важная часть полового просвещения, но только часть. Огромная часть моих испытуемых сообщала мне, какой протест вызывался у них, когда им преподносили только физиологическую (можно было бы сказать: зоологическую) сторону половой жизни. Но человеческая половая жизнь имеет богатое содержание. Соответственно этому половое просвещение должно быть, в самую первую очередь, общественно-моральным просвещением. В круг его вопросов не могут не входить вопросы общественного отношения к другому полу — отношения уважения и товарищества. Не может оно миновать и вопросов любви. По почти единодушному заявлению моих испытуемых,

установки к любви вырабатывались у них преимущественно на основе романов.

Отсюда необходимость организации соответствующего чтения подростков.

V. Если верно то, что утверждается в этой книге, то становится очевидным, что в рамках буржуазного общества невозможно правильное сексуальное развитие детей. Невозможные жилищные условия делают интимную половую жизнь взрослых доступной наблюдению детей. Безнадзорность маленьких детей открывает возможность всевозможных сексуальных агрессий и соблазнов их. Двойная половая мораль — для мужчин и женщин сексуально развязывает мальчиков еще до полового созревания. Понормальное половое положение женщины делает ее то доступной агрессии подростков, то даже агрессоршей по отношению к ним. Проституция и порнография во всех видах то и дело эротизируют подростков. В таких условиях трудно не развратиться. А воспитание оставляет ребенка и подростка без защиты перед ними. В сущности, полового воспитания нет: ребенок воспитывается так, как будто бы он осужден в будущем вести безбрачную жизнь. Ханжество и разврат обыкновенно идут рядом, и это очевидно как-раз здесь.

И дети трудящихся, и дети паразитных классов уродуются в своем сексуальном развитии.¹ Одни — вследствие бедности, некультурности, безнадзорности; другие — вследствие окружающей их атмосферы, насыщенной эротизмом, и возможности доступа к эротическим переживаниям всякого рода. Таким образом и девочки и мальчики в одинаковой мере, хотя и на разных манер, сексуально уродуются, одни — готовясь к сексуально-распущенной жизни, другие — получая институтски-монашеское воспитание в обстановке, пропитанной эротизмом. И жалким, до последней степени непрактическим лепетом кажутся перед лицом такой действительности книги по сексуальной педагогике, в которых не мало и лжи — то эротической, как у фрейдистов, то ханжеской. Характерно, что в очень многих курсах педагогики, педагогической психологии или детской психологии глава о сексуальном развитии ребенка отсутствует.

¹ Не надо забывать, что мои испытуемые женщины давали анамнез жизни их до революции: две трети этих интеллигентных женщин, чье детство прошло в дореволюционных условиях, имели сексуальные переживания еще в дошкольном или младшем школьном возрасте.

Только в стране строящегося социализма создаются условия для нормального сексуального развития детей. Уничтожены проституция и порнография. Женщина получила возможность нормальной половой жизни. Домашняя прислуга, безбрачные нестарые воспитательницы и т. п. уже не играют в сексуальной жизни детей и подростков той роли, которую обуславливали условия жизни в буржуазном обществе. Совместное воспитание создает товарищеские отношения между полами, тогда как раньше они были обыкновенно или никакие, или эротические. Ликвидируются плохие жилищные условия и детская безнадзорность. Воспитатель стал гораздо ближе к интимной жизни воспитанников. То, что многие буржуазные ученые считали законом природы — пробуждение полового влечения задолго до полового созревания, оказывается лишь законом сексуально портящей ребенка среды. В иных — не буржуазных условиях жизни пресловутая мечниковская „дисгармония природы“ в этом отношении исчезает.

Но на пути два препятствия. Первое — остатки старого сексуально нездорового быта и старого ханжеского отсутствия полового воспитания половосозревающего ребенка. Второе — отзвуки свободного воспитания, фактически означающие все ту же безнадзорность и незащищенность ребенка в сексуальном отношении и либерализм по отношению к сексуально-психологической зараженности его.

Государственный Центральный Научно-Исследовательский Институт Охраны
здоровья детей и подростков (ОЗДИП) Наркомздрава РСФСР
(Москва, Садово-Кудринская, д. 1)

**Вышли из печати и поступили в продажу след. труды
Ин-та под редакцией директора Ин-та Э. Ю. Шурпе.**

1. Экспериментальные исследования высшей нервной деятельности ребенка. Сборник лаборатории физиологии высшей нервной деятельности. Статьи: А. Г. Иванова-Смоленского, Л. И. Котляревского, Л. Е. Хозак, Р. М. Пэн, Э. Лавровой, Н. И. Козина, И. В. Познанской. Цена 7 руб.
2. Основы возрастной морфологии. Сборник морфологической лаборатории. Статьи: В. Г. Штефко, А. И. Струкова, Л. О. Вишневецкой, Ф. Е. Агейченко, И. А. Кусевицкого. Цена 5 руб.
3. Стандарты основных антропометрических признаков детей и подростков. Орг. План. Отд. А. Д. Островский, В. С. Бродовская, В. С. Ширяев. Цена 2 руб. 20 коп.
4. Очередные санитарно-гигиенические вопросы школьного строительства: Сборник сан.-гиг. отд. Статьи: А. В. Молькова, П. М. Ивановского, К. Н. Попова. Цена 1 руб.
5. Мебель и обстановка в детских учреждениях с гигиенической точки зрения. Д-р Заглухинская (сан.-гиг. отд.). Цена 2 руб.
6. Массовый пионерлагерь. Основные вопросы строительства с эскизными планами. Д-р Фредгейм (сан.-гиг. отд.). Цена 80 коп.
7. Дети с ослабленным здоровьем в массовых детучреждениях. Сборник школьной группы отд. норм. реб. и подростка. Статьи: А. Г. Цейтлина, С. Р. Благой, Т. Грозовской, З. Семашко, Т. Серебрянской. Цена 2 р. 50 к.
8. Физическая культура детей и подростков. Методика врачебно-контрольной работы по физкультуре среди детей и подростков. Сборник кабинета физвоспитания отд. норм. реб. и подростка. Статьи: М. А. Минкевич, И. М. Яблоновского, М. В. Быловой, В. Д. Розановой, И. Ф. Пеллингер, Л. И. Воеводы. Цена 2 руб. 50 коп.
9. Оздоровительная летняя лагерная кампания. Сборник кабинета массовой работы. Статьи: П. М. Ивановского, Н. Козина, М. Невской, Т. Грозовской, К. Левиной, В. Д. Розановой, Л. Б. Нимена, М. М. Гринберг, С. Р. Благой, Н. И. Лебедевой. Цена 3 руб.
10. Сборник материалов по организации психоневрологических учреждений для детей и подростков. Сборник психоневрологического отдела. Статьи: М. О. Гуревич, Г. Е. Сухаревой, С. Я. Рабинович, Е. А. Осчповой, Д. И. Азбукина, Д. С. Юсевич, И. М. Присман. Цена 2 руб. 50 коп.
11. Вопросы психоневрологии детей и подростков. Сборник психоневрологического отдела. Статьи: М. О. Гуревич, Г. Е. Сухаревой, Л. С. Юсевич, В. И. Аккерман и Брайниной, Г. И. Берштейн, Е. И. Горелик, Е. Н. Крыловой, Л. И. Воеводы, А. Д. Островского, Е. А. Осиповой, С. Я. Рабинович, И. Б. Шенфиль. Цена 6 руб.
12. Психогигиена и психопрофилактика детей и подростков. Сборник психоневрологического отдела. Статьи: Э. Ю. Шурпе, В. М. Драницкого, С. Я. Рабинович, С. А. Сафоновой, К. С. Левиной. Цена 2 руб.

13. Гигиеническое воспитание в школе. Методическое руководство для врачей и педагогов. Д-р Нимен (отд. норм реб. и подростка) Цена 1 р. 20 к.
14. Вопросы учета и планирования в области ОЗДиП. Сборник орг. планг. отд. Статьи: А. Д. Островского, Н. Г. Чельшева, А. Н. Мееркова, С. А. Васильева, В. С. Бродовской. Цена 1 р. 50 к.
15. Основные вопросы организации охраны здоровья детей и подростков. Руководство для врачей организаторов здравоохранения и студентов. Сборник всех отделов Ии-та. Статьи: Э. Ю. Шурпе, А. В. Молькова, М. И. Корсунской, Б. Я. Лемберг, Г. А. Александрова, Г. А. Литинского, М. Д. Большаковой, Н. Д. Левитова, Т. М. Грозовской, Л. М. Орловой, И. Л. Фредгейм, Г. Е. Сухаревой, М. А. Осиповой, Л. С. Юсевич, А. И. Поспеловой, А. А. Колтыпина, Н. И. Лебедевой, К. Ганюшиной, И. И. Мильман, А. Н. Мееркова, Д. И. Арон, Т. М. Брон. Цена 3 р. 60 к.
16. Оздоровительная площадка и санаторный лагерь. Сборник отд. норм. реб. и подростка. Статьи: А. Г. Цейтлина, Т. М. Грозовской, К. С. Левиной, И. А. Семашко. Цена 1 р. 50 к.
17. Учебное кино и здоровье учащихся. С. Е. Советов. (Отд. норм. реб. и подр.). Цена 90 к.
18. Работа врача в массовой школе. Д-р Цейтлин. Цена 4 р. 70 к.
19. Психотехническая методика в применении к школам ФЗУ и ФЗС. Сборник психотехнической лаборатории. Статьи: Э. Ю. Шурпе, Н. Д. Левитова, А. М. Мандрыки, А. И. Глазовой, Н. В. Свстловой, Н. И. Доленко, Цена 7 р.
20. На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка. Сборник лаборатории физиологии высшей нервной деятельности. Статьи: А. Г. Иванова-Смоленского, Г. Д. Народицкой, Л. Е. Хозак, Л. И. Котляревского, Р. М. Пэн, В. К. Фадеевой, Л. В. Полосиной, Я. М. Пресман, З. Л. Синкевич, И. В. Познанской, Н. Г. Герштейн, П. П. Трауготт, Э. П. Смоленской, Т. В. Ковшаровой. Цена 10 р.
21. Детские болезни и борьба с ними. Сборник педиатрического отд. Статьи: А. А. Колтыпина, С. И. Левина, В. Д. Маркузон, А. Д. Левашовой, С. В. Розенберг, Е. Е. Гранат, Л. М. Орловой, Н. А. Панова, Р. И. Эвентовой, В.-И. Марголис, А. М. Кудрявцевой, Н. Савватимской, Е. Ф. Сидельниковой, Л. М. Модель, А. А. Шутовой, В. В. Поройковой, И. И. Цитовской, И. Н. Александрова, В. Л. Троцкого, А. М. Гельфон, Е. Х. Гюшиной, Н. И. Лебедевой, М. Пелевиной, В. Г. Ширвиндт. Цена 9 руб. (в коленкором переплете).
22. Эпидемический детский паралич. И. М. Присман и Т. С. Зацепин, (педиатр отд.). Цена 10 р. 50 к. (в коленкором переплете).
23. Справочник по борьбе с инфекциями в детучреждениях. Составила д-р Н. Лебедева (педиатрич. отд.). Цена 60 к.
24. Ревматизм у детей и подростков и борьба с ними. П. Д. Маркузон (педиатрич. отд.). Цена 60 к.
25. Планировка детучреждений в связи с реконструкцией городов. В. М. Ивановский (сан.-гиг. отд.).
26. Школьный и подростковый возраст (по библиографическим материалам) Э. Ю. Шурпе, В. Н. Скосырев, Я. П. Колганов. Цена в коленкором переплете 15 р.
27. Клиника ревматизма у детей. Сборник педиатрического отд. Посвящен проф. А. А. Киселю по поводу 50-летия его врачебной научной, педагогической и общественной деятельности. Статьи: А. А. Кисель, В. Д. Маркузон, Е. Л. Зильберман, Э. И. Береснева, М. Х. Угрелидзе, М. Бокерид, И. Чанишвили, Е. Л. Левитус, С. М. Левина, Р. И. Марголис, В. К. Константиновой, Л. М. Модель, Е. Ф. Сидельниковой, Е. Е. Гранат. Цена 4 р. в переплете.
28. Опыт анализа профессий по основной химии. (Материал по профориентации для школ ФЗУ серно-кислотного производства. З. А. Соловьева и В. С. Евсеева (Психоневрологич. отд.). Цена 1 р. 20 к.
29. Что должен знать подросток о профессии тракториста, комбайнера и шофера. В. С. Линтварев (психотехн. лаборат.). Цена 1 р. 20 к.

30. В борьбе за здоровье пионера. Сборник отд. норм. реб. и подр. Статьи: С. Е. Советова, К. М. Суханова, Г. И. Зенкевича. Цена 1 р. 50 к.
31. Гигиена в педагогических учебных заведениях. С. Е. Советов (отд. норм. реб. и подр.). Цена 1 р. 50 к.
32. Организация больничной помощи детям. С. А. Васильев (орг.-план. отд.). Цена 1 р. 75 к.
33. Санитарный режим детских учреждений. П. М. Ивановский (сан.-гиг. отд.). Цена 1 р.
34. Санитарная культура в школе. И. И. Мильман (отд. норм. реб. и подр.). Цена 90 к.
35. Ослабленные дети в детском саду. Е. А. Аркин и С. Р. Благая (отд. норм. реб. и подр.). Цена 1 р. 50 к.
36. Физическое воспитание детей и подростков. Сборник каб. физвоспитания. Статьи: М. А. Минкевич, М. В. Быловой, М. В. Серебровской, Р. И. Тамуриди, Б. Я. Гроссман. Цена 5 р. (в коленкоровом переплете).
37. Вопросы психоневрологии детей и подростков. Т. II. Сборник психоневрологии. отд. Статьи: М. О. Гуревич, Е. А. Осиповой, З. А. Соловьевой, О. Ф. Ижболдиной, Е. Е. Сканава, Е. И. Горелик, Е. С. Гребельской. Цена 5 р. 35 к. (в переплете).
38. Основы рентгеновского исследования сердца у детей. Н. А. Панов (педиатрическое отд.). Цена 2 р.
39. Оздоровительные группы в массовой школе. Сборник отд. норм. реб. и подр. Статьи: А. Г. Цейтлин, Т. И. Грозовский, З. А. Семашко, Т. З. Серебрянской. Цена 1 р. 50 к.
40. Соевые молочно-кислые продукты в питании детей и подростков. Сборник сан.-гиг. отдела. Статьи: М. М. Гринберг, Л. К. Смородинцевой, Д. И. Аров, Н. П. Савватимской, И. А. Фредгейм, Л. М. Орловой и других. Цена 4 р. 50 к. (в коленкоровом переплете).
41. Детская игрушка с гигиенич. точки зрения М. Л. Ляхович-Сушкова и Р. И. Эвентова. Цена 1 р. 25 к.
42. Материалы конференции Ин-та к 50-летию со дня смерти К. Маркса. П. Н. Пипуныров, В. Н. Скосырев и С. Е. Советов (отд. норм. реб. и подр.). Цена 1 р. 50 к.
43. Основные признаки физического развития в их возрастной динамике. В. С. Бродовская, (орг. план. отд.). Цена 1 р. 50 к.
44. Основные вопросы педиатрии. Н. И. Осинковский (педиатр. отд.). Цена 5 р.
45. Здания детских учреждений из новых строительных материалов. В. И. Айзенштат, В. К. Варищев. Цена 1 р. 50 к.
46. Вопросы физиологии труда дошкольника. Сборник физической лаборатории. Статьи: Ю. П. Фролова, Л. С. Горшелевой, Изоргиной. Цена 2 р. 50 к.
47. Вопросы профилактики острых детских инфекций (организационные вопросы). Сборник педиатрического отд. Статьи: Н. И. Лебедевой, Е. Х. Ганюшиной, А. А. Колтыпина, А. Н. Власовой, М. П. Пелениной. Цена 2 р. 50 к.
48. Анатомо-физиологические особенности детского возраста. Сборник Морфологической лаборатории. Статьи: А. Г. Штефко, О. П. Григоровой, А. И. Струкова, Ф. Е. Агейченко, А. А. Хорькова. Цена 8 р. 50 к.
49. Методы изучения детей и подростков. Сборник отд. норм. реб. и подр. Статьи: Беритова, Ю. П. Фролова, К. Н. Корнилова, Н. Д. Левитова, А. Д. Островского, М. А. Минкевич, М. В. Серебровской, Е. А. Аркина, А. Г. Кауфмана, Е. И. Зверева, Н. И. Осинковского, П. Н. Пипунырова, А. Г. Иванова-Смоленского, Н. В. Скосырева и др. Цена 8 р. 50 к.
50. Санитарное благоустройство детского сада. Сборник сан.-гиг. отд. Статьи: М. О. Корсунской, А. В. Молькова, П. М. Иванова, Р. И. Шютте, М. Е. Лихоцкой. Цена 2 р. 50 к.
51. Политехническое воспитание и оздоровительные мероприятия в школе. Сборник отд. норм. реб. и подр. Статьи: А. Г. Цейтлина, Д. И. Петрова, Л. С. Добкиной, К. С. Левиной. Цена 2 р.
52. Оздоровительная работа в детском саду. С. Р. Благая. Отд. норм. реб. и подр.) Цена 1 р. 50 к.

- Клиника и профилактика острых детских инфекций. Сборник педиатрического отд. Статьи: А. А. Колтыпина, С. В. Розенберг, Р. И. Эсентовой, Е. Х. Ганюшиной, Н. И. Лебедевой и др. Цена 2 р. 75 к.
- Обстановка и инструментарий учебных мастерских ФЗУ. Сборник сангиг. отдела. Статьи: Л. Н. Заггухинской В. К., Варицева, М. Н. Абрамовой. Цена 1 р. 50 к.
55. Стандарты основных физиологических признаков. А. Д. Острооский. Т. С. Бродягина (отд. план. отд.). Цена 1 р. 50 к.
56. Педологический анализ программы по производственному обучению. Т. П. Нарвак, Цена 2 р. 30 к.
57. Туберкулезный перикардит у детей. И. Е. Майзель (педиатрич. отд.). Цена 1 р. 50 к.
58. Элитизм и школьный возраст. Г. Фейман (отд. норм. реб. и подрост.). Цена 1 р. 30 к.
59. Санитарная культура в детском саду. Л. Б. Нимен (отд. норм. реб. и подрост.). Цена 1 р. 30 к.
60. Научные дисциплины во вопросам ОЗД и П. Цена 4 р.
61. Режим труда рабочего подростка в ФЗУ. Сборн. отд. норм. реб. и подрост. Статьи: Е. И. Зверева, М. М. Гризберг и др. Цена 6 р. (в переплете).
62. Очерки детской сексуальности. П. П. Блонский (отд. норм. реб. и подрост.).
- С заказами обращаться во все отделения КОГИЗ (книгоцентр).

Находятся в печати следующие группы Ин-та

1. Детский туберкулез и охрана здоровья детей и подростков. В. Д. Маркузон (книгоцентр, отд.).
2. Ребенок и его игрушки в условиях примитивной культуры. Е. А. Аркин (отд. норм. реб. и подрост. отд.).
3. Эпидемический цереброспинальный менингит. Сборн. педиатрич. отд. Статьи: В. Д. Маркузон, проф. А. А. Кисель, проф. В. И. Молчанова, Н. И. Лебедевой.
4. Подростки ФЗУ металлопромышленности. Дифференцированный профессиональный подбор. Сборн. психотехн. лаборатории. Статьи: Левитова Н. Д., Глазковой А. И., Мечевой Е. И., Светловой Н. В., Мурзиновой Е. В.
5. Возрастные особенности нейродинамики ребенка. Сбор. лабор. вып. перв. депт. Статьи: А. Г. Иванова-Смоленского, Л. И. Котляревского, Л. Е. Хован, Р. М. Пев, Г. Д. Народицкой, М. И. Серединой, А. Ф. Жижинной.
6. Детский спорт. В. В. Горелеской, М. А. Минкевич, Е. П. Павлова, (отд. норм. реб. и подрост. каб. физ. восп.).
7. Физическое воспитание детей и подростков. Сборн. каб. физ. восп. Статьи: Минкевич М. А., Розановой В. Д., Гауриловой А. В., Гориневского М. В., Быловой М. В., Яблонской Н. М.
8. Ортопедия детского и подросткового возрастов. Сборн. педиат. отд. Статьи: Т. С. Зацепина, Ф. Р. Богданова, Е. В. Ляста, И. М. Присман, И. Ч. Скаржинской.
9. Одежда детей и подростков. Материалы по сан. гиг. рационализации. Сбор. сан. гиг. отд. Статьи: А. И. Краснобаевой, Е. А. Пчелкиной, М. А. Сидина.
10. Физкультура среди молодежи совхозов. Минкевич М. А., Яблонская Н. М. (каб. физ. восп.).
11. Гигиена детской книги и чтение—С. М. Громбах и М. Л. Лятович (сан. гиг. отд.).
12. Режим труда и бюджет времени рабочего подростка в ФЗУ—Сборн. отд. норм. реб. и подрост. Статьи: Е. И. Зверева, И. Ф. Бузнова, Г. П. Моплевнич, А. И. Сам, А. И. Дроздовой, В. А. Южелевской.